

№ 7 (235). ИЮЛЬ 2010

# МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО



Ф. Я. АЛЕКСЕЕВ, УЧЕНИКИ.  
ВОСКРЕСЕНСКИЙ ПРОЕЗД.  
1800-Е ГОДЫ



# МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО



Основан  
Н. М. Карамзиным  
в 1791 году.  
Возобновлен  
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал



Учредитель:  
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:  
Архиепископ Арсений (Епифанов),  
А. А. Бела́й, Ю. В. Бобровский,  
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,  
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:  
С. В. Васильева

Редактор:  
Е. А. Берг

Редактор-корректор:  
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала  
«Московский журнал. История  
государства Российского». 2010

Адрес редакции: 109004, Москва,  
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1  
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03  
E-mail: mosmag@mosjour.ru  
Официальный сайт: www.mosjour.ru  
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации  
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 14.06.2010  
Печать офсетная  
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано  
в типографии ИПО «Лев Толстой»:  
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик  
рецензируются

## В НОМЕРЕ:

**КАК ЭТО БЫЛО 2** *Вера Леонидовна Кошелева*  
**«Русский гигант»**  
*О том, как в России был окультурен  
«заморский гость» подсолнечник*

**ИСТОРИЧЕСКИЙ 11** *Светлана Измаиловна Баранова*  
**ЭКСПУРС** **«Золотой век» московского изразца**  
*Об изразцовом декоре  
в старомосковской архитектуре*

**СВЕТ ПАМЯТИ 29** *Георгий Павлович Ансимов*  
**Претерпевший до конца**  
*Сын священномученика протоиерея  
Павла Ансимова (1891–1937)  
вспоминает о своем отце*

**ВОЗВРАЩАЯСЬ 35** *Екатерина Владимировна Уварова*  
**К НАПЕЧАТАННОМУ** **Зубриловка**  
*Об этой знаменитой некогда усадьбе  
и ее владельцах*

**ИЗ ИСТОРИИ 44** *Сергей Александрович Рогатко*  
**ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ** **Елисеевская гастрономия**  
**В РОССИИ** *О выдающихся отечественных  
предпринимателях в сфере  
продовольственной торговли  
купцах Елисеевых*

**ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА 56** *Ксения Андреевна Кропотова*  
**Мастера сценографии**  
*О московских театральных декораторах  
первой половины XIX века  
Карле и Иосифе Браунах*

**РЕПЛИКА 62** *Александр Александрович Подмазо*  
**О некоторых работах**  
**«неизвестного художника XIX века»**  
**А. М. Горшмана**  
*По поводу атрибуций этого автора,  
публиковавшихся  
и в «Московском журнале»*

**ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 68** *Александр Яковлевич Булгаков*  
**Современные записки**  
**и воспоминания мои**  
*Отрывки из дневника.  
(Продолжение. Начало в № 4–6 за 2010 год)*

**ТРУДЫ И ДНИ 82** *Николай Владимирович Вехов*  
**Среднеазиатская одиссея**  
**супругов Федченко**  
*О русских естествоиспытателях —  
первопроходцах Средней Азии  
А. П. (1844–1873) и О. А. (1845–1921)  
Федченко*

**КАРАНДАШОМ, 95** *Ксения Андреевна Кропотова*  
**РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ** **Москва в акварелях**  
**Дмитрия Родзина**  
*О живописи этого московского художника*

*Вера Леонидовна Кошелева*

## «РУССКИЙ ГИГАНТ»

О том, как в России был окультурен  
«заморский гость» подсолнечник



*А. Е. Ветров. Подсолнухи. Суздаль.  
Цветной офорт. 1989 год*

Каждый из нас не раз любовался яркими желто-оранжевыми корзинками цветущих подсолнухов на полях или в палисадниках. Но мало кто представляет, как выглядит дикорастущий прародитель современного культурного подсолнечника, поскольку родина этого растения — Северная Америка, и за пределами Нового Света подсолнечник в диком виде нигде не найден. И сегодня на юго-западе США произрастает несколько десятков видов дикого подсолнечни-

ка. В отличие от мощного одностебельного культурного подсолнечника с одной корзинкой, достигающей до полуметра в диаметре, дикорастущий представляет собой куст высотой в 2–3 метра со множеством стеблей и боковых ветвей, увенчанных десятками мелких корзинок светло-оранжевой окраски размером всего несколько сантиметров. Цветут они одновременно до глубокой осени и образуют семена длиной до 6 миллиметров.

## КАК ЭТО БЫЛО

В ходе раскопок стоянок первобытных индейцев в различных местах Северной Америки ученые находили глиняные сосуды с семенами подсолнечника, пролежавшими в земле более двух с половиной тысяч лет. То есть еще в доисторические времена индейцы использовали эти семена в пищу. По свидетельствам участников экспедиций, изучавших Северную Америку, индейцы и в XVI веке продолжали готовить из семян подсолнечника похлебку и муку для выпекания лепешек.

Но означает ли это, что индейцы культивировали подсолнечник как сельскохозяйственную культуру? Н. И. Вавилов, в середине 1920-х годов побывавший в Северной Америке с целью изучения растительных ресурсов земного шара, не нашел среди аборигенного американского подсолнечника ни одной культурной формы. Англосаксы, колонизировавшие Северную Америку, вообще не обратили на подсолнечник никакого внимания. Американские земледельцы им не занимались вплоть до конца XIX века.

Забегая вперед, скажем, что первые культурные сорта подсолнечника появились в США только в 1880-х годах. И были они выходцами из России.

\* \* \*

Однако сначала подсолнечник попал в Западную Европу. Яркость и способность цветков этого растения поворачиваться за солнцем изумили испанцев. Они в XVI веке и привезли его семена в Старый Свет. Попав в Испанию, подсолнечник стал выращиваться в садах и парках как декоративное растение. Из Испании подсолнечник проник в Португалию, Италию и Францию, а затем в Бельгию, Англию, Голландию, Швейцарию, Германию. И везде его рассматривали исключительно как декоративную культуру. Садовники занялись целенаправленной селекцией, создавая растения с цветками самой разнообразной окраски — от желтовато-белых до вишнево-красных и коричневых. Так в Западной Европе был создан декоративный подсолнечник. Он быстро вошел в моду, его воспевали поэты, рисовали художники.

На полотне Клода Моне «Сад художника в Ветее» подсолнечники запечатлены высокими, почти трехметровыми кустами, ветвистыми и многостебельчатыми, но с корзинками уже гораздо более крупными, чем у их диких прародителей. А в натюрморте «Подсолнечники» того же Клода Моне цветущие желто-красные корзинки растения

*К. Моне.  
Сад художника в Ветее.  
Холст, масло. 1881 год*



*К. Моне.  
Подсолнечники.  
Холст, масло. 1882 год*

похожи скорее на хризантемы или астры. Самые разнообразные формы декоративного подсолнечника — махровые и полумахровые, хризантемовидные и георгиновидные — изображал в своих многочисленных натюрмортах Винсент Ван Гог.

Первоначально заморского пришельца в европейских странах именовали по-разному: «трава солнца», «перуанский цветок солнца», «индейский солнечный цветок»... Позже ботаники дали ему латинское название «Гелиантус» (*Helianthus*), что означает «солнечный цветок». Вообще во всех языках название этого растения соотносится со словом «солнце».

### САМЫЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ ФОРМЫ ДЕКОРАТИВНОГО ПОДСОЛНЕЧНИКА — МАХРОВЫЕ И ПОЛУМАХРОВЫЕ, ХРИЗАНТЕМОВИДНЫЕ И ГЕОРГИНОВИДНЫЕ — ИЗОБРАЖАЛ В СВОИХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ НАТЮРМОРТАХ ВИНСЕНТ ВАН ГОГ.



*В. Ван Гог. Подсолнухи.  
Холст, масло. 1888 год*

\* \* \*

Прошло не менее 100 лет, прежде чем в Европе началось хозяйственное использование семян подсолнечника — они шли на корм домашним и комнатным птицам. В XVII веке в Португалии из них делали крупу, в Германии из жареных семян приготавливали суррогат кофе.

В 1716 году в Англии запатентовали способ извлечения из семян подсолнечника масла для применения его в шерстяной, кожевенной и красильной промышленности. Однако эта возможность в Западной Европе не была реализована, поскольку прежде требовалось создать подсолнечник как масличную культуру. Такой ценнейшей сельскохозяйственной и промышленной культурой «цветок солнца» стал только в России.

\* \* \*

Существует несколько версий того, каким образом подсолнечник попал в нашу страну. Одни ученые утверждают, что его семена в начале XVIII века завезли из Голландии по приказу Петра I. Однако в перечне растений гербария, составленного при Петре I, подсолнечник не значится. Другие называют в данной связи графа Алексея Кирилловича Разумовского. Третьи — солдат А. В. Суворова, которые, возвращаясь из Европы, могли принести в ранцах семена понравившегося им растения. Четвертые приписывают эту заслугу русским помещикам, выписывавшим семена из-за рубежа для украшения своих приусадебных садов.

Как бы то ни было, во второй половине XVIII века подсолнечник получил широкое распространение в Саратовской и Воронежской губерниях. «Солнечный цветок» русские крестьяне полюбили сразу. Его сажали и в палисадниках, и в огородах. Семена шли на корм домашней птицы; их также охотно грызли на сельских посиделках.

Лузгая семечки, русские крестьяне сразу же по достоинству оценили их вкус, а поджаривая на сковороде, не могли не заметить их маслянистости. Идея получения масла из семян подсолнечника витала в воздухе.

В периодической русской печати конца XVIII века широко обсуждался вопрос о промышленном использовании подсолнечника. Так, в 1780 году в газете «Экономический магазин» появились две статьи — «О подсолнечнике» и «О масле особого рода», в которых высказывалась мысль о необходимости научиться добывать масло из подсолнечника, «чтобы сократить затраты на закупки загра-

## КАК ЭТО БЫЛО

*Иллюстрации из книги: Кряженков А. Н. Алексеевка.  
Историческая хроника города и летопись сел района  
(Белгород, 1997)*

**Яков  
Иванович  
Бокарев  
(внук  
Д. С. Бокарева)  
с женой**



**В 1829 ГОДУ Д. С. БОКАРЕВ  
СКОНСТРУИРОВАЛ РУЧНОЙ ОТЖИМНОЙ  
СТАНОК С ВИНТОВЫМ ПРЕССОМ,  
С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО СМОГ ПОЛУЧАТЬ  
ПОДСОЛНЕЧНОЕ МАСЛО.**

**<...> БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЮ  
БОКАРЕВА РОССИЯ СТАЛА ПЕРВОЙ В МИРЕ  
СТРАНОЙ, НАЧАВШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОЕ  
ПРОИЗВОДСТВО ПОДСОЛНЕЧНОГО МАСЛА.**



***Деревянный винтовой пресс,  
с помощью которого  
Д. С. Бокарев получил  
первое подсолнечное масло***



***Русское поле  
подсолнечников***

ничного прованского масла»<sup>1</sup>. А в 1791 году Вольное экономическое общество назначило «награждение» тому, «кто масло из подсолнечных семян во множестве приготовит»<sup>2</sup>.

Зачинателем же маслобойного дела стал крепостной крестьянин слободы Алексеевка Бирюченского уезда Воронежской губернии (ныне город Алексеевка Белгородской области) Даниил Семенович Бокарев. В 1829 году этот талантливый народный умелец сконструировал ручной отжимной станок с винтовым прессом, с помощью которого смог получать подсолнечное масло в количестве, достаточном не только для личного потребления, но и для торговли. Благодаря изобретению Бокарева Россия стала первой в мире страной, начавшей промышленное производство подсолнечного масла.

Пищевые и вкусовые достоинства нового продукта сразу же были высоко оценены. Подсолнечное масло хорошо сбывалось не только в Алексеевке, но и за ее пределами. Примеры Д. С. Бокарева вскоре последовали

и другие крестьяне слободы. В 1833 году здесь появился первый маслобойный завод на конном приводе. В начале 1840-х годов управляющий Алексеевки, принадлежавшей тогда графу Д. Н. Шереметеву, сообщал хозяину об успехах зародившегося в его владении нового промысла: «За исключением домашнего потребления, со всей вотчины ежегодно поступает подсолнечникового масла в продажу до 30000 пудов на сумму 210000 рублей»<sup>3</sup>. Причем приезжими купцами вывозилось из Алексеевки не только «постное» масло для Санкт-Петербурга и Москвы, но и ежегодно до 30000 пудов семян на сумму 30000 рублей<sup>4</sup>.

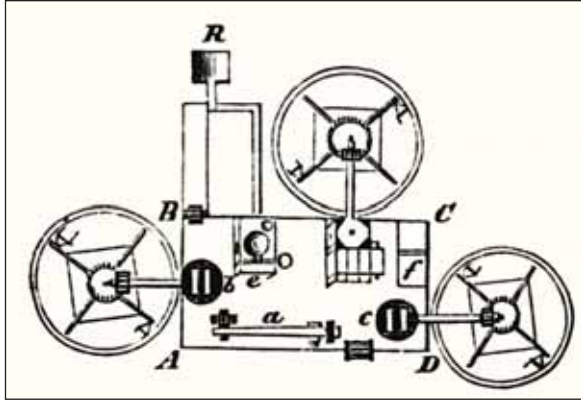
В начале 1850-х годов в окрестностях слободы действовало уже 37 маслобойных заводов, а в следующем десятилетии на 120 заводах в год добывалось до 920 тысяч пудов подсолнечного масла<sup>5</sup>.

О необычном промысле, возникшем в Воронежской губернии, писала «Земледельческая газета»<sup>6</sup>. В 1854 году в трудах Вольного экономического общества был помещен

# КАК ЭТО БЫЛО

*Технический пресс, использовавшийся на алексеевских заводах в 1850-х годах.*

*Рисунок из статьи Н. Даценко «Очерк подсолнечниково-масляной производительности и промысла» (Труды Вольного экономического общества. СПб., 1854)*



*Начало статьи А. Девьера «Разведение подсолнечника и добывание из него масла в Воронежской губернии» («Земледельческая газета», 1853. №7)*

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.**  
**РАЗВЕДЕНИЕ ПОДСОЛНЕЧНИКА И ДОБЫВАНИЕ ИЗ НЕГО МАСЛА, ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.**  
 Здѣшній край развила у себя особенный родъ промышленности или торговли, принимающей годъ отъ году значительные размѣры, а именно: засѣивать большое количество земли подсолнечными сѣменами и выбиваютъ изъ нихъ на особоустроенныхъ заводахъ масло, которое продается скупщикамъ. Масло идетъ большими транспортами въ Москву и Харьковъ. Оно считается лучшимъ изъ восточныхъ маселъ; требуется на фабрики, гдѣ признано самымъ удобнымъ для крашенія, и наконецъ доставляетъ превосходный матеріалъ для освѣщенія.

подробный иллюстрированный очерк о добыче нового вида растительного масла<sup>7</sup>.

Однако имя изобретателя-самородка, стоявшего у истоков этой отрасли промышленности, авторы не называли. О нем узнали благодаря московскому журналу «Сельское хозяйство», опубликовавшему в 1860 году статью помещика Бирюченского уезда А. Терентьева, где впервые рассказывалось о Бокареве и его начинании<sup>8</sup>. Тем не менее, годы жизни Д. С. Бокарева до сих пор не установлены; не сохранилось его портретного изображения. На гербе же города Алексеевки и Алексеевского района, утвержденном в 1995 году, красуется подсолнух.

\*\*\*

После реформы 1861 года разведение подсолнечника и выделывание из него масла стало главным источником благосостояния не только жителей Алексеевки и Бирюченского уезда, но и всей Воронежской губернии. В 1886 году купец Егор Иванович Евреинов построил здесь первый маслобойный завод с паровым двигателем. В 1887-м такой же завод строит Яков Иванович Бокарев — внук Д. И. Бокарева.

Вслед за Воронежской губернией выделкой масла из семян подсолнечника начали заниматься в Саратовской, Курской, Тамбовской губерниях, на Кубани и на Северном Кавказе. Так, только в Саратове в 1894 году работало 30 крупных маслозаводов<sup>9</sup>.

\*\*\*

Бурное развитие маслобойной промышленности и увеличение спроса на подсолнечное масло привели к быстрому росту площадей посева подсолнечника. С крестьянских огородных грядок «солнечный цветок» вышел на просторные российские поля. Начался новый период в истории гелиантуса — создание однокорзиночных высокомасличных сортов.

Попав в Россию, подсолнечник оставался ветвистым и многокорзиночным. Русские крестьяне, стремясь получить большие корзинки, начали «пасынковать» его, то есть ошиповывать лишние глазки и оставлять на стебле по одной головке. В результате «народной селекции» были получены сначала формы с двумя-тремя корзинками, а затем одностебельные и однокорзиночные. Подсолнечники, которые мы видим сегодня, запечатлели сто лет спустя после европейских живописцев в своих работах современные российские художники С. Н. Андрияка и А. Е. Ветров.



## КАК ЭТО БЫЛО

Отбор шел и по другим признакам. Создавались скороспелые сорта, созревающие за 2,5 месяца вместо 5. Учитывая потребности маслобойной промышленности, крестьяне отбирали семена хорошо наполненные, с тонкой кожурой и плотным ядром. Произошло разделение сортов подсолнечника по назначению — на грызовой и масличный. В народе выводимые сорта получали весьма колоритные названия — «Масленок», «Пузанок», «Жучок», «Фуксинка»...

\* \* \*

Продвигаясь по территории России на восток (вплоть до Южной Сибири) и на север (до 55–56° северной широты), подсолнечник быстро приспособился к различным почвенно-климатическим условиям. Однако его сочные листья, яркие цветы и ароматный нектар привлекали внимание не только пчел, но и вредителей.

В 1866–1867 годах появились сообщения о массовом поражении подсолнечника грибом, получившим название «ржавчина», а затем цветочным паразитом заразихой. В итоге урожаи в Воронежской, Саратовской, Курской и других губерниях понизились в 3–5 раз. Часть маслобойных заводов закрылась, часть работала не на полную мощность. Выгодная отрасль промышленности и ценнейшая сельскохозяйственная культура оказались под угрозой. Но земледельцы не растерялись. С редким терпением и настойчивостью они из года в год собирали семена с тех корзинок, которые, несмотря на эпидемию, не повреждались паразитами, и в результате вывели сорт «Зеленка», устойчивый к заразихе и ржавчине. Культивирование «Зеленки» позволило восстановить площади масличного подсолнечника в районах, пораженных спорами ржавчины и семенами заразихи.

В 1896–1897 годах случилось массовое нашествие на российские поля подсолнечной моли. Прожорливые личинки вгрызались в семена и начисто выедали ядра. И снова русский подсолнечник был спасен — на сей раз саратовским селекционером-самоучкой Иваном Михайловичем Карзиным. Получив из Северной Америки семена дикорастущего подсолнечника, он заметил, что один из видов растения — калифорнийский — не повреждался подсолнечной молью, поскольку оболочка зерна у него богата твердым углеродом. В результате скрещивания калифорнийского «дикаря» с российским масличным подсолнечником Карзин получил защищенный от личинок подсолнечной моли сорт, названный «Панцирным».

*С. Н. Андрияка. Подсолнухи.  
Бумага, акварель. 2004 год*



**ПОДСОЛНЕЧНИКИ, КОТОРЫЕ МЫ ВИДИМ СЕГОДНЯ, ЗАПЕЧАТЛЕЛИ СТО ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЖИВОПИСЦЕВ В СВОИХ РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ С. Н. АНДРИЯКА И А. Е. ВЕТРОВ.**

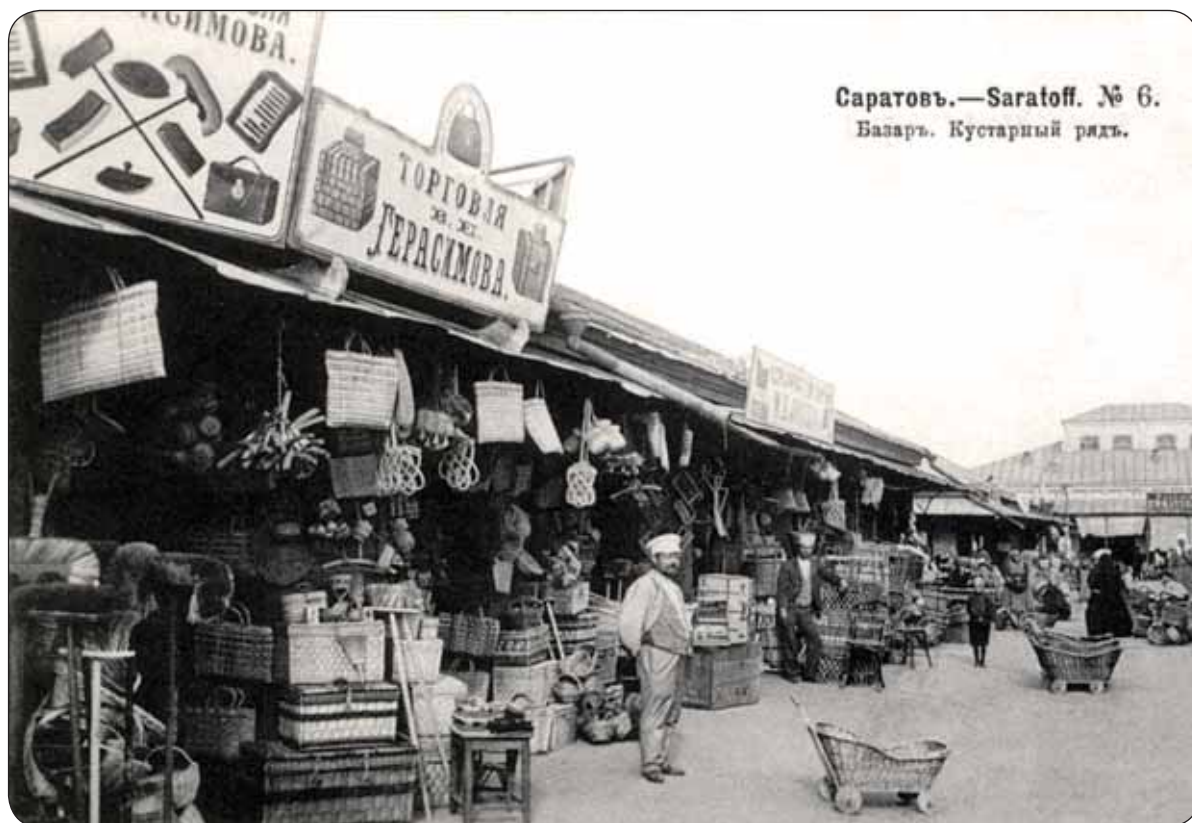
Итогом народной селекции стало не только восстановление, но и увеличение площадей посева масличного подсолнечника. В 1913 году они составили более 900 тысяч гектаров<sup>10</sup>.

\* \* \*

В начале XX века на помощь крестьянам пришли ученые. В 1912–1913 годах в России организуется первая в стране Саратовская опытная станция по селекции подсолнечника, в 1920-х — Донская, Кубанская, Воронежская. Крупнейшие русские селекционеры своего времени Александр Иванович Стебут-младший и Евгения Михайловна Плачек, работавшие на Саратовской станции, собрали по всей стране 126 образцов подсолнечника, провели испытания и выявили экземпляры, имеющие

## КАК ЭТО БЫЛО

*Саратов. На базаре.  
Фотография конца XIX века*



иммунитет к заразихе. На их основе Е. М. Плачек вывела сорт «Саратовский-169», устойчивый к заразихе и моли.

Еще более урожайный и заразиховыносливый сорт «Ждановский-8281» удалось создать замечательному селекционеру Леониду Афанасьевичу Жданову (1890—1974), более сорока лет руководившему научной работой на Донской станции. Этот сорт 20 лет возделывался в различных районах нашей страны, подняв урожайность в 10 раз.

В 1932 году на базе опытно-селекционной станции «Круглик» в городе Краснодаре был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур (ВНИИМК). Так из опытного поля «Круглик», организованного еще в 1912 году при сельскохозяйственной школе выдающимся отечественным селекционером Василием Степановичем Пустовойтом (1886—1972), на Кубани вырос крупнейший центр селекционных и агрономических работ с подсолнечником. Трудясь во ВНИИМК, В. С. Пустовойт стал инициатором селекции подсолнечника на высокую масличность.

В начале XX века большинство ученых считало, что поднять содержание масла в семенах подсолнечника выше 33% невозможно. Пустовойт убедительно опроверг это мнение



*Александр Иванович Стебут (слева).  
Фотография из книги: Балашев Л. А.  
Иван Александрович Стебут (М., 1966)*

## КАК ЭТО БЫЛО

*Василий Степанович  
Пустовойт*



*Всесоюзный научно-исследовательский  
институт масличных культур (ВНИИМК)  
в Краснодаре*



*Леонид Афанасьевич Жданов*



*Фотографии начала 1970-х годов  
из книги: Новиков В. Б. Золотой цветок  
(М., 1973)*

на практике. В начале 1930-х годов ученый создал сорта с масличностью семян 38–40%, в 1939-м на полях появились его сорта с масличностью 44%, а в начале 1960-х селекционер получил сорта с масличностью сухих семян 48–52%! Причем пустовойтовские сорта отличались не только повышенной масличностью, но и высокой урожайностью, стойким иммунитетом к заразице, ржавчине и подсолнечной моли.

Дело, начатое крестьянами, увенчалось триумфом русских ученых. Высокомасличные высокоурожайные сорта подсолнечника по праву можно считать подлинными шедеврами отечественной селекции. Достаточно сказать, что пустовойтовские сорта позволили маслобойной промышленности вырабатывать ежегодно дополнительно 800 тысяч тонн масла. Образно выражаясь, В. С. Пустовойт дал каждому жителю нашей страны дополнительно три килограмма подсолнечного масла в год без увеличения затрат на его производство.

И вовсе не удивительно, что эти успехи обратили на себя внимание во всем мире.

\* \* \*

Подсолнечник, о чем уже говорилось, не культивировался на своей исторической родине, в США, ни как сельскохозяйственная, ни как промышленная культура до конца XIX века. Только в 1880-х годах его семена стали предлагать некоторые американские семеноводческие компании. Назывались предлагаемые сорта красноречиво: «Русский гигант», «Русский великан» и «Русский мамонт». То есть все они были выходцами из России. Однако первоначально подсолнечник использовался в США в качестве силоса на корм крупному рогатому скоту. Да это и понятно: масличность семян возделываемых в США сортов подсолнечника даже к середине XX века не превышала 15–20%.

Создание в нашей стране высокомасличных сортов вызвало в 1960-х годах настоящий «подсолнечный бум» в странах Северной Америки, которые прежде ввозили оливковое масло из Южной Европы и соевое — из Азии. США закупили в СССР 5 тонн семян, Канада — 10 тонн. Так окультуренный в нашей стране подсолнечник вернулся на родину дикого гелиантуса. Одним только пустовойтовским сортом «Передовик» в США засеяли свыше двух миллионов гектаров.

Но прежде чем пересечь океан и достигнуть Северной Америки, российский подсолнечник совершил победное шествие по Европе. В начале 1960-х годов

## КАК ЭТО БЫЛО

### Виды подсолнечника.

Фотографии из книги: Гаврилов В. А., Анисимова И. Н. Подсолнечник (СПб., 2003)



*Дикорастущий*



*Культурный масличный*



*Декоративный махровый*

**БЛАГОДАРЯ ТАЛАНТУ И ТРУДУ  
НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ  
ПОДСОЛНЕЧНИК ЗА РЕКОРДНО  
КОРОТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СРОК  
РАСПРОСТРАНИЛСЯ ПО ВСЕМ  
КОНТИНЕНТАМ И ВОШЕЛ В ЧИСЛО ПЯТИ  
ГЛАВНЫХ МАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР МИРА.**

пустовойтовские сорта подсолнечника попросили у нас Болгария и Польша, затем Румыния и Югославия. Вскоре несколько тонн семян купили Франция и Италия. Пришел запрос и из Испании, куда заморский «цветок солнца» попал на 300 лет раньше, чем на него обратили внимание русские земледельцы и ученые-селекционеры.

В Латинской Америке Аргентина, испытывая новые сорта российского подсолнечника, выделила под них огромные территории и вско-

ре заняла второе место в мире после СССР по посевным площадям этой культуры.

В Алжире, Сирии и Турции российский масличный подсолнечник потеснил арахис и кунжут, а в Пакистане и Индии — традиционную для этих стран сою.

До Первой мировой войны за пределами России подсолнечник занимал всего полмиллиона гектаров, а в 1965 году в результате победного шествия «русского гиганта» его мировые посевные площади достигли 7,5 миллионов гектаров, причем на долю СССР приходилось 64,3% посевных площадей, 70,1% валового сбора семян подсолнечника и 75% производства подсолнечного масла<sup>11</sup>.

Через 20 лет, в 1985 году, СССР по-прежнему имел самые обширные подсолнечниковые поля на планете. Далее шли Аргентина, Китай, США, Испания, Индия, Франция, Турция, Румыния, ЮАР, Австралия.

Так благодаря таланту и труду наших соотечественников подсолнечник за рекордно короткий исторический срок распространился по всем континентам и вошел в число пяти главных масличных культур мира.

<sup>1</sup>Цит. по: Подсолнечник. Монография под общей ред. академика В. С. Пустовойта. М., 1975. С. 7.

<sup>2</sup>Труды Вольного экономического общества. СПб., 1791. Ч. XIII. С. 274.

<sup>3</sup>Ниценко К. О промысле маслом из семени подсолнечника // Земледельческая газета. 1844. № 22. С. 169–170.

<sup>4</sup>Там же.

<sup>5</sup>Подсолнечник. С. 7.

<sup>6</sup>Девьер А. Разведение подсолнечника и добывание из него масла в Воронежской губернии // Земледельческая газета. 1853. № 7. С. 49–50.

<sup>7</sup>Даценко Н. Очерк подсолнечниково-масляной производительности и промысла // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1854. Т. 1. С. 19–40.

<sup>8</sup>Терентьев А. О разведении подсолнечников // Сельское хозяйство. 1860. № 2. С. 63–72.

<sup>9</sup>Бейлин И. Г. Из истории культуры подсолнечника в СССР // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VI. М., 1965. С. 417.

<sup>10</sup>Кольцов П. Подсолнечник. М., 1967. С. 18.

<sup>11</sup>Подсолнечник. С. 18.

*Светлана Измаиловна Баранова*

## «ЗОЛОТОЙ ВЕК» МОСКОВСКОГО ИЗРАЗЦА

Об изразцовом декоре в старомосковской архитектуре



*Фрагменты изразцового декора Главной аптеки (из собрания МГОМЗ)*

По словам историка И. Е. Забелина, «цветные изразцы, зеленые и ценинные, можно встретить почти на каждой церкви, особенно которая строена в конце XVII столетия, когда вкус на подобные украшения был распространен более, нежели в какое другое время»<sup>1</sup>. С особенной силой этот «вкус» проявился в старой Москве, где изразец (керамическая плитка с румпой — коробкой на тыльной стороне, предназначавшейся для крепления

к кладке) сделался одним из неотъемлемых признаков городской архитектуры.

Введение керамики в русскую архитектуру оказалось своего рода «переодеванием» культуры, в котором керамические материалы сыграли роль наиболее удачных и самых массовых заменителей дорогих или просто недоступных природных материалов. В богатой Москве таких «переодеваний» было несколько.

\* \* \*

«Золотому веку» московского изразца предшествовала зародившаяся еще в конце XV столетия традиция украшения зданий терракотовыми архитектурными плитами. В ряду сооружений, украшенных подобной керамикой, которая заменила трудоемкую и дорогую белокаменную резьбу, — Чудов монастырь (1501–1503; разобран), храм Ризоположения в Кремле (1485–1486), церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове (1509), трапезная в Спасо-Андрониковском монастыре (1504–1506), ряд церквей в Подмосковье и другие. Большинство построек того времени с керамическим декором находилось в Москве и на примыкающих к ней землях, но и более отдаленные памятники — в Угличе, в Коломне, на Русском Севере — по характеру украшения были с ними схожи.

В 1555–1560-х годах первые глазурованные изразцы из светлой глины с желтоватой, зеленой, оранжево-коричневой глазурью появились на шатре центрального столпа собора Покрова на Рву. Возможно, именно их посчитал «самоцветами» в начале XVII столетия шведский дипломат, историк, путешественник Петр Петрей, писавший о церкви в Китай-городе, крытой «светлыми блестящими камнями». Очевидно, подобными изразцами был украшен и шатер Сергиевской церкви в Московском Кремле, построенной в 1557 году и разобранной в 1807–1808 годах, о чем можно судить по изображению его в рукописной «Книге об избрании на царство Михаила Федоровича Романова».

После Смуты мощное строительство постепенно стало превращать Москву в каменный — кирпичный — город. Многие новые или перестроенные старые деревянные храмы получили изразцовые украшения. Это прежде всего церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове (1634–1635), возведенная князем Д. М. Пожарским в своем родовом селе, Воскресения Христова в Гончарах (1649; разобрана в 1935), Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках (1649–1652). В убранстве этих храмов использовались муравленные, то есть покрытые зеленой глазурью изразцы, вставленные в стену «на угол», чтобы их статичная и спокойная квадратная форма воспринималась как более динамичный ромб.

Появление нового вида изразцов — рельефных многоцветных, по определению того времени — ценинных<sup>2</sup>, цветовую гамму которых составляли эмали зеленого, синего, белого, желтого цветов, а также коричневая прозрачная глазурь, изменило облик храмов. Впервые производство ценинных изразцов наладили

белорусские мастера в Иверском Святозерском Богородицком монастыре по приказу патриарха Никона в 1654–1655 годах<sup>3</sup>. В дальнейшем, с 1658 года, центр производства перемещается в Новоиерусалимский монастырь, где изготавливают изразцы для убранства строящегося Воскресенского собора.

Белорусские мастера были выходцами из Копыси, Мстиславля, Орши и других известных изразцовым производством городов. Они оказались на Московской Руси в результате войны с Речью Посполитой, в состав которой входила территория нынешней Белоруссии.

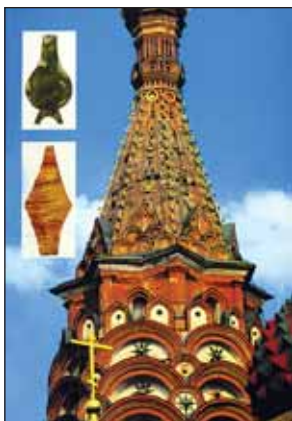
В 1666 году после ссылки патриарха Никона по указу царя Алексея Михайловича «были взяты из Воскресенского монастыря в Оружейную палату разных дел мастеровые люди, русские и иноземцы, всего 31 человек мастеровых людей»<sup>4</sup>, в том числе и мастера-изразечники. Это нужно расценивать не только как последний аккорд ссоры царя и патриарха: по всей вероятности, при дворе оценили возможности новоиерусалимской мастерской и решили развернуть в столице новые архитектурные проекты.

Прибывшие в Москву изразечники поступали в распоряжение Приказа Большого Дворца, попадая в привилегированный круг столичных ремесленников, обеспеченных царскими заказами. Видимо, их мастерские находились в Гончарной слободе, которая на тот момент являлась главным центром производства изразцов, о чем свидетельствует, например, упоминание о заказе «в Гончарной слободе только у одного человека дворцовых ценинных дел, у мастера у Степана Иванова сына Полубеса»<sup>5</sup>.

Первое летописное сообщение о самой Гончарной слободе относится к 1547 году и связано с большим пожаром, когда «загорешася за Яузой на Болвановке и погореша Гончары и Кожевники»<sup>6</sup>. Однако, по мнению московских археологов, уже во второй половине XV столетия в Заяузье сложилось постоянно развивавшееся керамическое производство<sup>7</sup>. Неоднократные находки гончарных горнов в ходе археологических и строительных работ на территории Яузского холма (с 1946 года — более трех десятков) служат бесспорным доказательством процветания слободы. Два горна из тринадцати, открытых в 1996–1997 годах при строительстве дома на Гончарной улице, сохранились практически полностью<sup>8</sup>.

В слободе с конца XVI века изготавливали и первые печные московские изразцы — терракотовые (неполивные), затем муравленные (зеленые, желтые, коричневые, с преобладанием первых), а после перевода в Москву

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС



*Собор Покрова  
Пресвятой  
Богородицы на Рву  
(храм Василия  
Блаженного) в Москве.  
Слева — фрагменты  
изразцового декора*



*Церковь Рождества Пресвятой Богородицы  
в Путинках*



*Церковь Воскресения Христова в Гончарах*



*Иллюстрации из книги:  
The Russian State Art Library. M., 1993*



*Декор церкви  
Троицы Живоначальной  
в Никитниках.  
Справа — один из изразцов*



## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

новоиерусалимских мастеров здесь наладили массовое производство многоцветных изразцов.

Между тем с многоцветными изразцами москвичи к этому времени успели уже познакомиться. Известно, что часть переселявшихся «из-за польско-литовского рубежа» изразечников осела в Москве несколько раньше остальных. В рассматриваемый период изготовленные ими изразцы можно было увидеть на стенах церкви Троицы Живоначальной в Никитниках (1631–1653). Еще одно подтверждение — находка фрагмента ценинного изразца в 1915 году в Московском Кремле у собора Двенадцати Апостолов<sup>9</sup>. На нем — рельефное изображение даты в буквенном, как это было принято тогда, написании. Последняя буква-число не сохранилась, но это не мешает установить время изготовления изразца — между 1652 и 1661 годами, то есть за несколько лет до перевода новоиерусалимских мастеров.

Гончарная слобода являлась главным, но не единственным центром изразцового производства Москвы. В начале 1670-х годов возникает Мещанская слобода, вскоре ставшая одним из центров изразцового промысла. Печники и гончары проживали в Семеновской, Кадашевской, Алексеевской, Новоникитской, Хамовничьей слободах, в Новинском, Донском, Чудовом монастырях<sup>10</sup>.

Вскоре изразцами украсились многие церкви, колокольни, государственные учреждения города. Количественный состав этих памятников отражает динамику развития изразцового декора — от единичных объектов в первой половине XVII столетия к резкому количественному росту во второй его половине. Можно говорить о пробуждении интереса к изразцу как элементу декора в 1630–1650-х годах, об активном введении изразца в систему декора в 1670-х, о значительном увеличении числа памятников с изразцовым декором в 1680–1690-х и о завершении этого процесса к началу XVIII века.

\* \* \*

Применение керамики в декоративном убранстве зданий во многом определялось ролью и статусом заказчика (царь, его приближенные, Церковь). Здесь, в частности, нельзя пройти мимо фигуры патриарха Никона, по приказу которого в 1658–1666 годах в Ново-Иерусалимском монастыре строится Воскресенский собор, богато украшенный многоцветными (ценинными) изразцами. Документы довольно определенно говорят

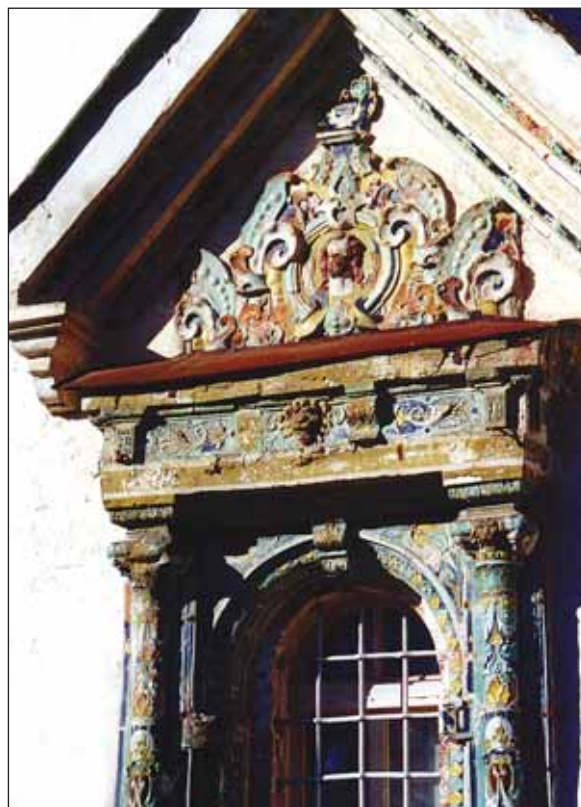
о роли патриарха Никона в этом строительстве. Так, архимандрит Леонид (Кавелин) писал: «С заложением же в Воскресенской обители каменного соборного храма по Иерусалимскому образцу образовались при монастыре различные мастерские, и все потребное для строения и украшения сего колоссально-го здания делалось искусством и, можно сказать, руками многочисленной братии; но душою и главным двигателем всего дела во все время оставался сам Патриарх, <...> который был в одно и то же время и мудрым зодчим, и простым работником»<sup>11</sup>. Это подтверждают и свидетельства современников: «На следующий день Святейшему Патриарху возвестили,



*Неизвестный художник.  
Портрет патриарха Никона  
с видами Крестного и Воскресенского монастырей.  
Начало XX века (из собрания МГОМЗ)*



## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС



*Изразцовый декор Воскресенского собора  
Ново-Иерусалимского монастыря.  
Современные фотографии*

что поспела печь с кирпичами и надо их выносить; он же по прежнему обычаю повелел звонить в колокол и созывать на работу. <...> Святейший Патриарх хочет идти с братией носить кирпичи»<sup>12</sup>. Исследователи, изучая строительную деятельность патриарха, отмечали, что «решающее слово оставалось за Никоном, который входил даже в детали конструкций зданий и требовал неукоснительного выполнения своих распоряжений»<sup>13</sup>.

Был ли патриарх един в трех лицах — и заказчик, и вдохновитель, и руководитель строительства, — сказать трудно. Но нет сомнений, что именно Никон остановился на изразцах как одном из главных элементов убранства Воскресенского собора и скита Ново-Иерусалимского монастыря, возымея «счастлиную мысль заменить у нас ценными украшениями византийскую мусию»<sup>14</sup>. Поскольку Воскресенский собор мыслился как копия храма Гроба Господня в Иерусалиме, облицованного внутри мрамором и мозаикой, «заменить» их и были призваны многочисленные изразцы.

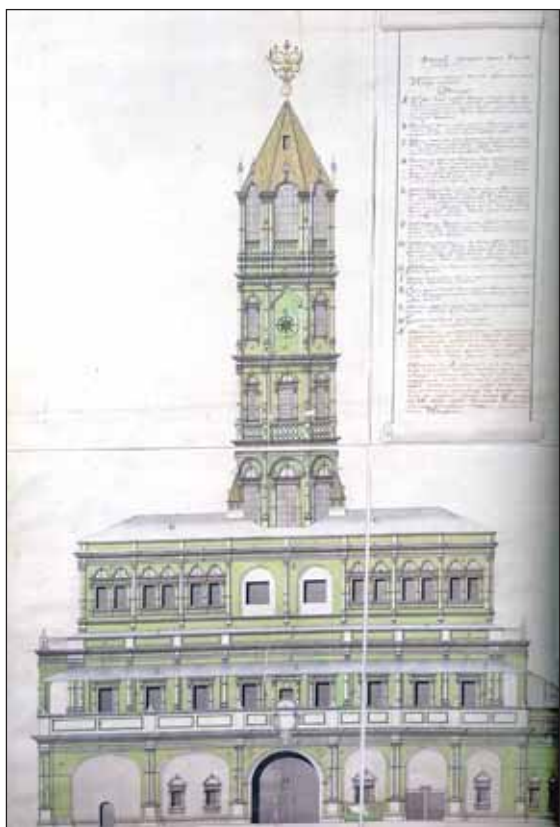
Налаженное в монастыре по приказу патриарха производство изразцов началось «с приготовления муравленых и простых кафель собственно для печей»<sup>15</sup>. Видимо, идея

изразцового декора пока лишь витала в воздухе. Вскоре была предпринята попытка изготовления квадратных, но несколько больших по размерам изразцов, предназначенных для фасадного убранства — розеток, а также находящихся в настоящее время в облицовке столпа Голгофского придела Воскресенского собора.

Очевидно, строительству не хватало человека, который мог не только вписать изразец в убранство собора, но и создать новую оригинальную систему изразцового декора, не похожую на что-либо существовавшее ранее в русском зодчестве. В окружении патриарха мы видим лишь одного такого человека — П. И. Заборского, прибывшего опять же «из-за польско-литовского рубежа». Об универсальности этого мастера свидетельствует надпись на надгробной плите, установленной на южной стене собора у могилы Петра Ивановича: «...золотых, серебряных, медных, ценных и всяких рукодельных хитростей изрядный ремесленный изыскатель, потрудившийся zde о украшении сея святыя церкви в ценных и в иных делах немалое время, и положен zde порядку с иподиаконом Никитою, сподобише погребу иным бытии от самого Святейшего Никона Патриарха

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Изразцовый декор церкви мученика  
Андрея Стратилата в Андреевском монастыре*



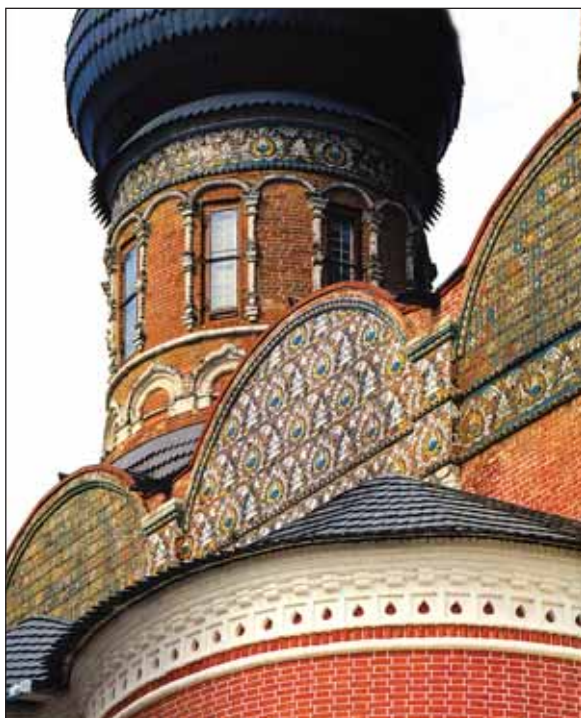
*Чертеж фасада Сухаревой башни.  
Архитекторы Петр фон Штенгель,  
Франц Кулинь. 1780-е годы*

честно»<sup>16</sup>. Столь почетное погребение, а также вышеприведенный текст, написанный, как считал архимандрит Леонид (Кавелин), самим патриархом, говорят об особом отношении главного заказчика к «изрядному ремесленному изыскателю», умершему в 1665 году. Архимандрит Леонид, исследуя изразцовое убранство Воскресенского собора и отмечая то, что, по его мнению, выполнено под руководством Заборского, перечислил изразцы Голгофского придела, пять изразцовых иконостасов, пояса внутри соборного алтаря и на церкви Воскресения Христова с надписями. Во всех случаях это — крупные, в полном смысле архитектурные керамические детали, соразмерные и органичные памятнику. В их изготовлении чувствуется не только рука мастера-керамиста, но и опыт зодчего — знатока европейской архитектурной традиции. Повторим: именно Заборский, как представляется, был создателем системы изразцового декора этого храма.

Сооружения с изразцовым убранством вошли в обширную московскую строительную программу царя Алексея Михайловича. Разрыв его отношений с патриархом Никоном вовсе не отразился на «никоновских» изразцах. Не случайно переведенные из Ново-Иерусалимского монастыря в Москву мастера-изразечники на первых порах использовали для изготовления изразцов монастырские формы — композиции «павлинье око», розетки и так далее, что знаменовало полное приятие царем и московской знатью «никоновских» образцов<sup>17</sup>. Вскоре они украсили собор Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове (1674—1675) и церковь мученика Андрея Стратилата в Андреевском (Преображенском) монастыре (1675)<sup>18</sup>.

Большой интерес к изразцовому убранству отмечался в правление царя Федора Алексеевича, уделявшего особое внимание градостроительству<sup>19</sup>. Одним из первых примеров репрезентативного строительства по его заказу явилась перестройка кремлевских зданий, в том числе церковью Теремного дворца. В начале 1680-х годов под одну кровлю подвели примыкавшие к Теремному дворцу три церкви — Спаса Нерукотворного, Воскресения Слоущего и Распятия Христова. Объединение завершилось установлением сверкающих золотом глав на тонких шейках с необычным изразцовым декором, хорошо просматривавшимся с Соборной площади. Изысканный рисунок растительного орнамента плотно заполнял все поле этих сложных по конфигурации и крупных по размеру изразцов. Объединяющий главы собора постамент также

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС



*Собор Покрова  
Пресвятой Богородицы в Измайлове  
(из книги: «The Russian State Art Library».  
М., 1993)*



*Изразцовый декор  
Покровского собора в Измайлове*



*Церкви Теремного дворца  
Московского Кремля.  
Справа — их изразцовый декор  
(рисунок из книги: Рихтер Ф. Ф.  
«Памятники древнего русского зодчества...».  
М., 1850)*

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

украшали изразцы-розетки, образующие декоративный пояс.

Немало фактов свидетельствуют об интересе к строительному делу царя Петра I. Исследователи, считая не всегда достоверными многочисленные сведения о храмах, построенных «по царскому чертежу», отмечают интересный феномен — «отождествление царя и зодчего в русской культуре конца XVII — начала XVIII века»<sup>20</sup>. При нем с особым размахом возводятся гражданские здания нового типа, в которых использовался традиционный декор — многоцветные изразцы: Сухарева башня, Монетный двор, Главная аптека. Видимо, в представлении царя изразцы должны были заменить мрамор и гранит, которыми так славились поразившие его во время путешествий в составе Великого посольства каменные города Европы.

Главная аптека, построенная в 1699–1701 годах на Красной площади (разобрана в 1874 году)<sup>21</sup>, — одно из первых зданий, возведенных в Москве после возвращения Петра I из Европы. Видимо, поэтому оно обладало целым набором новых черт, не типичных для русской архитектурной практики. Историк И. М. Снегирев приводит следующее описа-

ние Главной аптеки: «В Московском Китае, по правую сторону со въезда в город, у Воскресенских ворот огромное и величественное здание. Два его корпуса на юг и на север в два этажа, а третий, выступающий своим фасадом на площадь, в три этажа с башнею, осененною Российским гербом. В середине фасада большая арка, окаймленная архивольтами, служа главным подъездом, заменяет парадное крыльцо. В строении массивность и прочность соединены с красотью и прочностью частей и целого»<sup>22</sup>. Фасад и башня придавали зданию сходство с западноевропейской ратушей, о чем свидетельствуют и сохранившиеся изображения памятника.

И не случайно Главная аптека на Красной площади сразу попала в поле зрения путешествующих иностранцев. Голландский художник Корнелий де Бруин в 1707 году писал: «Самое значительное было громадное каменное здание, начатое постройкою лет 7 уже тому назад и предназначавшееся для помещения в нем Монетного двора, но потом, года с полтора тому назад, назначенное для большой аптеки. Это прекрасное здание, довольно высокое и с красивою башней на передней стороне»<sup>23</sup>. С ним солидарен ганноверский



Ф. Я. Алексеев, ученики. *Воскресенский проезд*  
(слева — Главная аптека). 1800-е годы

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

резидент при российском дворе Х. Ф. Вебер, отмечавший в 1716 году: «Здание аптеки одно из лучших в городе»<sup>24</sup>.

В соответствии с традицией старомосковской архитектуры второй половины XVII века здание отличалось чрезвычайно обильным использованием многоцветных изразцов. На обмерных чертежах фасада «со стороны Иверских ворот» обозначены изразцовые наличники окон, фризы наличников, венчающий фриз над вторым ярусом, венчающие карнизы всех объемов и другие детали. Сегодня изразцы хранятся в собраниях МГОМЗ, ГИМ, музея «Московский Кремль», ГНИМА имени А. В. Щусева, Государственного музея керамики и «Усадьбы Кусково», позволяя составить представление об изразцовом убранстве одного из главных общественных сооружений Москвы того времени<sup>25</sup>.

Уже первые здания с изразцовым декором вызвали волну подражаний в ближайшем окружении Романовых. Так, одна из первых церквей Москвы, украшенная ценинными изразцами — церковь святителя Николая в Столпах, — была построена в 1669 году по заказу главы Посольского приказа боярина А. С. Матвеева. Предпочтение, отданное Матвеевым изразцам в качестве одного из главных элементов убранства, со всей очевидностью вырисовывается не только при обзоре возведенных на его средства церквей, но и в том случае, когда он заключал подряды от имени царя. Для собора Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове, построенного в царской резиденции в 1674–1675 годах по его заказу, дворцовые ценинники Степан Иванов и Игнат Максимов изготовили изразцы, о чем свидетельствует поданная ими в 1673 году челобитная: «Царю Государю и Великому князю Алексею Михайловичу <...> бьют челом холопы твои, дворцовые ценинных дел мастера Игнашка Максимов да Степан Иванов, в прошлом, государь, <...> по твоему Великому Государю указу подрядились мы, холопы твои, из приказы Галицкой четверти у окольного у Артемона Сергеевича Матвеева да у дьяков у думного у Григория Богданова со товарищи в село Измайлово ценинных образцов к церковному делу в закомары и в пояса и в шеи»<sup>26</sup>.

Строившаяся почти одновременно с собором в загородном имении А. С. Матвеева — селе Спас-Сетунь — церковь Спаса Нерукотворного Образа (1673–1676) также украсилась изразцовыми фризами в карнизной части барабанов пяти глав. Они состоят из ленты изразцов-розеток семи типов того же размера и рисунка, что и на Покровском соборе в Из-



*Изразцовый декор колокольни церкви святителя Григория Неокесарийского*



*Н. Я. Тамонькин. Фрагмент изразцового фриза «Павлинье око» на церкви святителя Григория Неокесарийского.*

*Карандаш, акварель, гуашь. 1940 год  
(из собрания ГНИМА имени А. В. Щусева)*

майлове. Видимо, эти изразцы заказывались одновременно с «измайловской» партией<sup>27</sup>.

Другой заказчик — Андрей Савинов Постников, с 1666 года — протопоп Благовещенского собора Московского Кремля, царский духовник. В 1660–1670-х годах он на собственные средства построил церковь святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке, используя в ее убранстве многоцветные изразцы. Возводилась церковь «государевыми мастерами» Иваном Кузнечиком и Карпом Губой. Изразцы для нее начали изготавливать еще в 1667 году, о чем свидетельствует сохранившийся документ: «Октября в 24 день по указу Великому Государю подряжены ценинных дел мастера Степашко Иванов с товарищи к церковному строенью церкви Григория Неокесарийского сделать две тысячи образцов розных поясовых ценинных в длину осми вершков и болши и менши, а поперег семи вершков. А поставить им те образцы на срок на Светлое Христово Воскресенье нынешнего же 176 году, а дать им ото ста образцов по десяти рублев и наперед сто рублев»<sup>28</sup>.

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Еще один богатейший заказчик — князь М. Я. Черкасский, известный своей чрезвычайной требовательностью, лично контролировал строительство и входил во все его тонкости. Среди возведенных в его вотчинах церквей, украшенных изразцами, был храм Троицы Живоначальной, находившийся в главной подмосковной княжеской резиденции в Останкине. Этот храм напоминал (в том числе и приемами декорирования изразцами) другой — во имя Казанской иконы Божией Матери в селе Маркове, построенный ранее, в 1670 году, в подмосковном родовом владении жены князя.

Большая роль в строительном деле принадлежала главе Посольского приказа князю В. В. Голицыну. «Любовью к зодчеству из вельмож того века, как мы заметили, отличались ближний Боярин Артамон Матвеев и князь Василий Голицын, которого Московский дом с медною крышею был предметом удивления и своим убранством не уступал лучшим дворцам Европы. Столица обязана сему любимцу Софьи многими памятниками гражданской и церковной архитектуры»<sup>29</sup>. Не случайно в 1680-х годах Посольский приказ ведал вопросами крупных московских строительных проектов. В конце 1670-х — первой половине 1680-х годов князь Голицын фактически руководил всем строительством в Кремле, в том числе и перестройкой церквей Теремного дворца, получивших, как уже говорилось, уникальное изразцовое убранство. В 1687 году в не менее великолепный изразцовый наряд облачился домовый храм князя — церковь великомученицы Параскевы Пятницы в Охотном ряду<sup>30</sup>. С историей изготовления изразцов для нее связаны следующие события. В «Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках» приводится челобитная 1690 года: «Лета 7198-го, марта в 7-й день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, боярину Тихону Никитичу Стрешневу с товарищи. В нынешнем в 7198-м году, марта в 7-й день, били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексевичу и Петру Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем, Воскресенского м-ря архимандрит Никонор, строитель старец Сергей, казначей старец Марко Щербаков с братией, а в Поместном приказе боярину Петру Васильевичу Шереметьеву монастырской их стряпчей Сава Кудрявцов подал челобитную. А в челобитной их написано: в прошлых де годех князь Василий взял

*Изразец из декора церкви великомученицы Параскевы Пятницы в Охотном ряду (из собрания МГОМЗ)*



от них из монастыря на время для всякой столярной работы флямованного дела готовый стан, да к полатному своему строенью ко всяким ценинным делам формы, а ныне де тот флямованной стан и к ценинным делам формы лежат на его князь Васильеве дворе Голицына, а у них де в церковных делах у великого каменного строенья без таких припасов и впредь быть не мочно, по тому: которые были формы и припасы и те все погорели, — и великие государи пожаловали б их, велели тот флямованного дела стан и формы с двора князь Василья Голицына отдать им, архимандриту с братией, в монастырь»<sup>31</sup>.

На эту челобитную в приказ Розыскных дел была составлена «память» думному дьяку Ивану Ларионову с поручением узнать, «есть



*Изразцовый декор Крутицкого теремка*

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

ли на дворе князя Василия Голицына стан для флямованного и формы для ценинного дела, и что им цена», о чем и отписать в приказ боярину Тихону Никитичу Стрешневу<sup>32</sup>.

Возможно, формы привезли из Нового Иерусалима после царского посещения монастыря в 1685 году, когда там были «оставлены Государственного Посольского приказу подьячий Иван Иванов да живописец Карп Иванов, а велено им тоя великие каменные церкви учинить чертеж и листы все описать, измерить подлинно, и подписание списать по листам таково же, как в новоосвященной церкви устроено, и меру всему снять, и что на таблицах подписано, и в подписях на колоколах вылито, списать же, и прежний деревянный образец той же церкви из Воскресенского монастыря взять и привезти к Москве в Государственный Посольский приказ, и тот чертеж подать, и образец объявить боярину князю Василию Васильевичу Голицыну»<sup>33</sup>.

Уцелевшие изразцы с исчезнувшей в 1928 году церкви великомученицы Параскевы Пятницы, которые в настоящее время хранятся в собрании МГОМЗ, удивительно схожи с новоиерусалимскими. Детальный осмотр тех и других выявил множество совпадений в рисунке и проработке рельефа, подтвердив достоверность этой давней истории.

Украшение изразцами построек в монастырях и церковных резиденциях было связано с патриаршими и монастырскими заказами. Выдающийся изразцовый декор, поражающий пышностью, митрополичье подворье в Крутицах получило в 1694 году при митрополите Сарском и Подонском Евфимии<sup>34</sup>. Другой пример активного воздействия заказчика в лице церковного иерарха — история возведения в Николо-Перервинском монастыре резиденции патриарха Адриана. Украшенный изразцами Никольский храм с колокольней, освященный в 1700 году, за две недели до смерти патриарха, начал строиться значительно раньше, когда Адриан еще был полон сил и мог выделить на эти цели собственные средства. Нет сомнений, что ясно различимые даже на значительной высоте изразцовые кресты, херувимы и вифлеемские звезды появились на колокольне и соборе по его распоряжению.

Во второй половине столетия выросла активность и приходского каменного строительства, не уступавшего по объемам государственному и монастырскому. Новшества, появлявшиеся в дворцовой архитектуре, ставшей эталоном, воспроизводились и в посадском зодчестве. Почти одновременно с церковью в Охотном ряду в Мещанской слободе

*Церковь мучеников Адриана и Наталии  
на 1-й Мещанской улице*



*Фрагменты изразцового декора на здании  
и храмозданной надписи на колокольне церкви  
мучеников Адриана и Наталии.  
Фотографии 1930-х годов*



## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Изразцы из декора и храмовой надписи церкви мучеников Адриана и Наталии*



возводится церковь мучеников Адриана и Наталии с богатейшим изразцовым декором. Главным украшением здания являлся широкий фриз с изображением шарообразной вазы, окруженной стеблями, плодами и цветами. Венчающая часть церкви была также декорирована изразцами, среди которых выделялись крупные прямоугольные с изображением «рога изобилия», встречавшиеся ранее лишь в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря. Колокольню украшали многоцветные изразцы, находившиеся в ширинках на каждой стороне восьмигранника под арками звона. Уникальная изразцовая надпись-летопись на колокольне рассказывала о строительстве храма. Она чудом уцелела во время его разборки в 1937 году и в настоящее время хранится в Коломенском. Это прямоугольные крупные (33,5x25 см) красноглиняные изразцы с «написанными» на гладкой лицевой пластине буквами белого и желтого цвета. Очевидно, техника росписи заключалась в следующем: сначала наносились буквы, а затем темно-синей, различной интенсивности, поливой заливался фон. Удалось восстановить полный текст этого интереснейшего памятника московской эпиграфики: «[Лета 7]194 году иуния 2 ден с повеления великих г[о]сударей ц[а]рей и великих кн[яз]ей иоана алексиевича петра алексиевича и великие г[осу]д[ар]ыни бл[а]говерные ц[а]ревны и великие к[н]яжны Софии Алексиевны всея великия и малыя и белыя России самодержцевъ. Бл[а]гословениемъ же в духовномъ чине отца ихъ и богомолца великаго г[оспо]дина с[вя]тейшаго кир иоакима м[осковск]о[го] и всея России и всех сев[ерных] стран патриарха зачата бысть строити сия ц[ерковь] с[вя]тыхъ славныхъ и всехвалныхъ верховныхъ апостоль Петра и Павла, а с[о]ве[рше]на в лето 7196 году иуния 24 ден». Надпись выполнена вязью. Большие и малые прекрасного рисунка буквы, размещенные чрезвычайно умело, создавали декоративную орнаментальную ленту на поверхности стены. Замечательно, что сохранились изразцы с датами начала строительства и его завершения с указанием в том и другом случае месяца, что позволяет точно определить год события. Таким образом, начатое 2 июня 1686 года строительство церкви в Мещанской слободе закончилось 24 июня 1688-го — накануне престольного праздника святых апостолов Петра и Павла, отмечаемого 29 июня.

Украшением Заяузья считалась церковь святого первомученика архидиакона Стефана (разобрана в 1932 году), которую также отличало богатейшее для приходского храма





*Церковь святого первомученика архидиакона Стефана во время разрушения (1932). Видны керамические рельефы с изображением Евангелиста на восьмигранном барабане. Справа — изразец из декора колокольни*

керамическое убранство<sup>35</sup>. История церкви прослеживается с 1618 года<sup>36</sup>. В 1657-м она значилась еще деревянной. По И. Е. Забелину, каменное здание было построено в 1701–1713 годах<sup>37</sup>, небольшая двухъярусная шатровая колокольня с западной стороны, по некоторым данным, — в 1713-м. Здание представляло собой сформировавшийся в конце XVII века тип нарышкинского одноглавого ярусного храма восьмерик на четверике. Многоцветные изразцы украшали церковь, колокольню и трапезную. Главное место в убранстве церкви занимали четыре керамических рельефа с изображением Евангелистов, размещавшиеся на восьмигранном барабане: Иоанн — на северо-востоке, Лука — на северо-западе, Марк — на юго-западе, Матфей — на юго-востоке. Автором рельефов принято считать московского мастера Степана Иванова Полубеса<sup>38</sup>.

Уникальный декор Стефановской церкви тщательно оберегался во время ремонтов, о чем свидетельствуют отчеты: «Снаружи храм также возобновлен: главы вновь вызолочены, стены оштукатурены, но при этом сохранены древние изразцы, украшавшие этот старинный храм»<sup>39</sup>. После сноса памятника изразцовые рельефы поступили в музей «Коломенское».

До сего дня в Заяузье стоят церкви Николая на Болвановке и Успения в Гончарах. Пер-

вая была приходским храмом ремесленников Болвановской слободы, вторая — московских гончаров. Церковь Николая чудотворца строилась с 1697 по 1712 год. По замыслу зодчего Осипа Старцева, на каждой грани парапетов яруса звона колокольни в ширинки вставили два квадратных изразца с изображениями херувимов и крестов. Изразцы находились и в закомарах, ныне пустующих. Еще в 1905 году осмотр церкви зафиксировал, что «в некоторых из закомар сохранились древние изразчатые украшения»<sup>40</sup>. А в 1906 году «Московские церковные ведомости», оценивая проведенную реставрацию, писали: «Теперь доставляет удовольствие любоваться стройным рядом восстановленных кокошников (имитация из цемента) изображений херувимов»<sup>41</sup>. О том же свидетельствуют сохранившиеся фотографии<sup>42</sup>. В дальнейшем церковь начали разбирать, вследствие чего она лишилась куполов и завершения колокольни. После восстановления колокольня вновь украсилась изразцами, но ширинки в закомарах до сих пор остаются пустыми.

Построенную в 1654 году церковь Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах в начале XVIII столетия также украсили изразцовые декорации. Рельефы с изображением Евангелистов появились на гранях барабана пристроенного к храму в 1702 году придела святителя Тихона Амафунтского. Тогда

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Изразцовый декор придела церкви  
святителя Тихона Амафунтского  
Успенской церкви в Гончарах*



*Изразцовый декор трапезной  
Успенской церкви в Гончарах*

же возведенная трапезная получила со стороны улицы богатейший изразцовый фриз, представляющий своеобразный «ассортимент» изделий мастеров Гончарной слободы.

\* \* \*

Однако, сколь бы ни были велики роль и степень личного участия заказчика в строительстве, полную ответственность за воплощение его воли нес зодчий. Вопрос о том, какую керамику и в какой форме использовать, обсуждался до начала работ, в ходе которых от зодчего требовалось не только ясно представлять себе будущее фасадное керамическое убранство, но, возможно, уже иметь набор изготовленных заранее необходимых деталей.

Среди московских зодчих, отдававших предпочтение изразцу как одному из главных элементов декора, нам известно несколько имен. Среди них — Павел Потехин, крепостной архитектор князя М. Я. Черкасского, построивший церкви в подмосковных усадьбах князя Никольском-Урюпине (1664), Маркове (1670–1680) и Останкине (1677–1692)<sup>43</sup>. В декоре этих памятников проявилась характерная манера автора, выразившаяся в пристрастии к мелким формам в виде небольших изразцовых вставок.

Не менее яркой фигурой в московском зодчестве был каменных дел подмастерье Иван Кузнечик, который в 1668–1669 годах (вместе с Карпом Губой) строил церковь святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке, а в начале 1670-х — Покровский собор в Измайлове. Здесь также широко использовались многоцветные изразцы, в том числе изразцовая композиция «павлинье око»<sup>44</sup>. Ивану Кузнечику, кроме того, приписывают авторство возведенных на средства боярина А. С. Матвеева храмов святителя Николая в Столпах (1669) и Спаса на Сетуни (1670-е), обильно украшенных изразцами.

Особое место в этом ряду принадлежит Осипу Дмитриевичу Старцеву<sup>45</sup>. К началу 1680-х годов он стал одним из ведущих архитекторов Приказа каменных дел и активно участвовал в обширном дворцовом строительстве царя Федора Алексеевича. В первую очередь речь идет о не раз уже упомянутой здесь перестройке церковью Теремного дворца, завершающим аккордом которой явилось оформление многоглавия великолепным изразцовым убранством. Сложные многоцветные фигурные изразцы изготавливались под руководством Осипа Старцева («И то дело емлет делать подмастерье Оска Старцов»<sup>46</sup>) с использованием форм, выполненных резчиком старцем Ипполитом<sup>47</sup>.



*Церковь святителя Николая в Столпах  
(из книги: «The Russian State Art Library». М., 1993)*

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

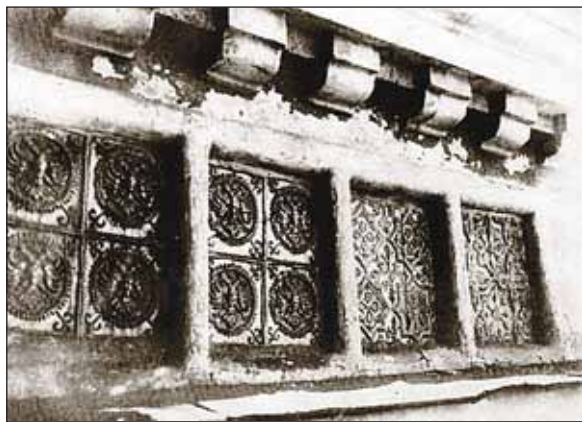
В 1692–1693 годах Старцев принимал участие в работах на Крутицком архиерейском подворье в Москве, где в изразцовом декоре теремка в полной мере проявляется предпочтение, отдаваемое им изразцам. Известно, что зодчий не смог довести строительство до конца, и завершал его Ларион Ковалев. Не сохранилось документальных данных, позволяющих точно установить, что именно принадлежит в Крутицах каждому из этих архитекторов. Однако можно утверждать: уникальный проект изразцового декора теремка является заслугой Осипа Старцева. Наша уверенность подтверждается сохранившимися документами судебного дела, возбужденного 26 февраля 1694 года стряпчим Сидором Бухваловым против каменных дел подмастерья Осипа Дмитриевича Старцева и его сына Ивана Осиповича<sup>48</sup>. Старцевых обвиняли в получении лишних денег за ценные изразцы, которые они поставляли для облицовки Крутицкого теремка и переходов. В деле Старцевы упоминаются лишь как поставщики ценных образцов и белокаменных резных деталей<sup>49</sup>.

\* \* \*

О мастерах-изразечниках, или, как их называли, «ценниках», «ценных дел мастерах», известно немного, ведь они не оставляли на своих изделиях каких-либо автографов. Сведения о них сохранились в документах, где речь идет о заказах на изготовление изразцов для украшения церквей, что в ряде случаев позволяет говорить об авторстве. Благодаря таким документам удалось проследить жизнь одного из лучших

мастеров ценного дела — Степана Иванова Полубеса. Он родился в Мстиславле, был взят в первую свою службу князем А. Н. Трубецким «полоном» и привезен в Москву, где жил «у сородичей своих». В 1658 году Степан работал в Ново-Иерусалимском монастыре и делал «образцы печные и ценные и зеленые, и печи кладет». В 1666-м его перевели с учениками в Москву в Приказ Большого Дворца, где уже через год подрядили делать изразцы «к тому церковному строению церкви Григория Неокесарийского». В 1668 году у «Степашки Иванова» были куплены в село Измайлово изразцы для трех печей. Через пять лет вместе с Игнатом Максимовым он изготовил изразцы для Покровской церкви в Измайлове, в 1679–1680 годах — изразцы к печам «в хоромех царевен в семи комнатах, в двух мыльнях и в каменных палатах против государевых хором», в 1691-м — очаги и печи для мироварения на патриаршем дворе. С возобновлением строительства Воскресенского собора в Новом Иерусалиме в 1679–1685 годах Степан Полубес направляется туда, чтобы делать изразцы для иконостасов и фасадов храма. В конце 1680-х — начале 1690-х годов Полубес изготавливал изразцы для Иосифо-Волоколамского и Солотчинского монастырей. Последние сведения о мастере встречаются в приходно-расходной книге за 1693 год Ново-Иерусалимского монастыря, где он выполнил три изразцовые печи. За это «москвитину, печному мастеру Степану Иванову сыну Полубесу дано <...> двадцать семь рублей».

По «судьбам-дорогам» мастеров можно проследить географию изразцового дела того времени. Игнату Максиму, родом



*Изразцовый декор Никольской церкви  
(фотография 1930-х годов);  
изразец  
(из собрания МГОМЗ)*



## ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

из Копыси, в 1654 году было поручено наладить производство изразцов в Валдайском Иверском монастыре. С 1658 года он работал в Ново-Иерусалимском монастыре («делает образцы ценные и зеленые, и печи кладет»), а в 1666-м переведен в Москву в Приказ Большого Дворца. По росписи 1668 года, этот государев мастер, печник, ценник «живет своим двором» в Гончарной слободе. Тогда же он изготавливал царю Алексею Михайловичу «на печи образцы и образцовые кафли», а в 1673 году вместе с Полубесом — «ценные образцы к церковному делу» для царской резиденции в Измайлове.

Стоит ли говорить, что московские ценники были лучшими: выполняя многочисленные заказы, они добивались даже до сибирских городов. Так, в 1699 году из Москвы в Тобольск отправились «черепичного и израсцового дела мастер Семен Лузин» и мастера для деланья «ценных и зеленых израсцов» Иван Денежка, Иван Лукьянов и Василий Степанов. Еще быстрее попадали в те или иные места московские изразцы. Сохранились документальные свидетельства о поставке больших партий изразцов для Иосифо-Волоколамского монастыря. Но даже не ведая этого, знаток московской средневековой керамики увидит в здешних фасадных изразцах руку столичных мастеров. Московскими изделиями украшен Солотчинский монастырь под Рязанью, храмы Углича, Ярославля, Сольвычегодска. И таких примеров множество.

\* \* \*

Изразцовое убранство Главной аптеки и церквей в Зауезье стало одной из последних вех в истории «золотого века» московского изразца. Конец столетия оказался и временем заката: многокрасочные сооружения начали постепенно вытесняться из городской среды. Классические черты архитектуры нового времени отвергли изразец; широко применявшиеся ордерные формы все чаще выполнялись из белого камня. На долгие два столетия изразец исчез с фасадов московских зданий, а керамическое производство полностью перешло на выпуск печных изразцов.

Однако на рубеже XIX–XX столетий приверженность москвичей к архитектурной керамике пережила настоящий ренессанс, вспыхнув с новой силой. Изразцовое узорочье на фасадах домов (Игумнова в Замоскворечье, Лопатиных на Большой Никитской, Перцова у храма Христа Спасителя), вокзалов (Ярославский), музеев (Третьяковская галерея)

Ярославский вокзал



http://clubfoto.ru



Государственная Третьяковская галерея

и многих других зданий ознаменовали в московской архитектуре наступление своеобразного «серебряного века» керамики. Москвичи с готовностью восприняли «новый» вид декора; они понимали, что это возвращение — не просто дань прошлому, когда изразцы стали национальным русским ответом на развитие барочного архитектурного убранства городов Европы, — оно способно иметь славное продолжение и в будущем.

Старомосковский облик города, ярким символом которого являлся изразец, по-прежнему дорог и близок москвичам. В свое время это замечательно выразил писатель Владимир Соллогуб в своем «Тарантасе»: «И отчего бы, кажется, не придать снова нашим строениям тот чудный, оригинальный вид, который так изумлял путешественников? Зачем уничтожать те странные фантастические формы, те чешуйчатые крыши, те фаянсовые наличники и подоконники, те изразцовые карнизы, заменяющие на севере камень и мрамор, которые так живописны для взора и придают каждому зданию такой неожиданный и своеобразный вид?».

*Все иллюстрации, кроме оговоренных, взяты из книги: Баранова С. И. Москва изразцовая (М., 2006)*

<sup>1</sup>*Забелин И. Е.* Историческое описание финифтяного и ценинного дела в России // Записки Русского археологического общества. Т. VI. СПб., 1853. С. 285.

<sup>2</sup>Мнения по поводу происхождения слова «ценинный» различны. И. Е. Забелин считал, что «ценина» означает изделие, покрытое синей поливой, В. И. Даль — что «слово ценинный есть синоним слова ценный, цененный, которым первоначально наши предки, избегая чужестранных слов фарфор, фаянс, называли вообще всякую хорошую каменную посуду, привозную из-за рубежа, в отличие от своей домашней, простой глиняной». Другая версия (на наш взгляд — предпочтительная) связывает происхождение слова с немецким Zinn или польским zing — «олово», которое входило в состав многоцветных эмалей в качестве глушителя. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что олово было привозным (как сказано в одном из указов XVI в., «в Московском государстве олово не родится, приходит из немецких сторон»).

<sup>3</sup>Библиография по этому вопросу довольно обширна. См.: Акты Иверского Святозерского монастыря (1582–1706). СПб., 1878. С. 157, 208; *Сивак С. И.* Изразцовая мастерская Иверского Валдайского монастыря (1655–1690) // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л., 1984. С. 239–244; *Кондратьева Е. В.* Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // Памятники культуры. 1980. С. 465–477 и др.

<sup>4</sup>*Архимандрит Леонид (Кавелин).* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1876. С. 760.

<sup>5</sup>Цит. по: *Ильин М. А.* Рязань. М., 1954. С. 96. Автор ссылается на документ, в котором речь идет о закупке изразцов у Степана Иванова (РГАДА. Ф. 1202, оп. 1, ед. хр. 243, л. 1).

<sup>6</sup>ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1859. С. 152.

<sup>7</sup>*Бойцов И. А.* Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

<sup>8</sup>Библиография по Гончарной слободе также весьма обширна. См.: *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии СССР. МИА). 1949. № 12; *Мальм В. А.* Горны московских гончаров XV–XVII вв. (по мате-

риалам раскопок ГИМ 1946 г.) // Там же; *Розенфельд Р. Л.* Новые находки керамических горнов на Яузской гончарной слободе в Москве // Советская архитектура. 1959. № 1; *Дзвонковский С. Л.* Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI веков // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2. М., 1993; *Бойцов И. А.* Указ. соч. и др.

<sup>9</sup>К сожалению, нам не удалось обнаружить этот фрагмент в собрании ГИМ, поэтому ссылка дается лишь на публикацию (см. Отчет Российского исторического музея за 1915 г. М., 1917. С. 5).

<sup>10</sup>*Рабинович М. Г.* Указ. соч. С. 104.; *Розенфельд Р. Л.* Московское керамическое производство XVI–XVIII вв. М., 1968. С. 44–45.

<sup>11</sup>*Архимандрит Леонид (Кавелин).* Указ. соч. С. 17.

<sup>12</sup>*Шушерин И.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России. М., 1997. С. 71.

<sup>13</sup>*Алферова Г. В.* К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследие. 1969. № 18. С. 44.

<sup>14</sup>*Архимандрит Леонид (Кавелин).* Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре, с 1656 по 1759 год // Вестник Общества древнерусского искусства. М., 1876. С. 81.

<sup>15</sup>Там же. С. 82.

<sup>16</sup>Цит. по: *Зеленская Г. М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2000. С. 326.

<sup>17</sup>*Баранова С. И.* «Разсадник изразцового дела». К вопросу об новоиерусалимских аналогиях в Московском изразцовом декоре // Никоновские чтения. М., 2002. С. 225–234.

<sup>18</sup>Подробнее см.: *Румянцев В. С.* Андреевский училищный монастырь в Москве в XVII веке // Культура средневековой Москвы XVII века. М., 1999. С. 292–304.

<sup>19</sup>См.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Царь-зодчий: легенды и действительность (конец XVII — XVIII в.) // Архитектура в истории русской культуры. Власть и творчество. Вып. 4. М., 1999. С. 79–86.

<sup>20</sup>*Бусева-Давыдова И. Л.* Указ. соч. С. 83.

<sup>21</sup>Мы используем принятое в последнее время наименование памятника, хотя в ряде изданий его называют Земской приказ — по названию размещавшегося в этом здании на первых порах учреждения. См., напр.: *Бондаренко И. А.* Красная площадь Москвы. М., 1991. С. 86–87.

<sup>22</sup>Московские губернские ведомости. 1842. № 13. С. 265.

<sup>23</sup>Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873. С. 247.

<sup>24</sup>*Вебер Х. Ф.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Ст. 1375.

<sup>25</sup>Упоминания об изразцовом декоре Главной аптеки в литературе носят самый общий характер. Первая публикация принадлежит А. А. Бродской. См.: *Бродская А. А.* О судьбе керамического декора Главной аптеки Москвы XVII века (сообщение) // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 212–217.

<sup>26</sup>Цит. по: Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 24. М., 1856. Отд. II. С. 37.

<sup>27</sup>*Энговатова Т. Л.* Изразцовый декор церкви Спаса на Сетуни // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 6. Ч. 2. М., 1993. С. 158–165.

<sup>28</sup>Цит. по: *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 90.

<sup>29</sup>*Снегирев И. М.* Памятники московской древности. М., 1841. С. LXII.

<sup>30</sup>Подробнее см.: *Баранова С. И.* К истории создания изразцового декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. С. 205–213.

<sup>31</sup>Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. С. 855–858.

<sup>32</sup>Там же.

<sup>33</sup>*Архимандрит Леонид (Кавелин).* Указ. соч. С. 69–70. Князь Голицын не только собирал, но и использовал подобные материалы. «Известно, что В. В. Голицын давал русским мастерам, работавшим у него, «образцы» — иностранные книги, рисунки, чертежи, которыми он располагал, возглавляя Посольский приказ» (см.: *Баталов А. Л., Вятчина Н. Н.* Об идейном значении иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII веков // Архитектурное наследство. М., 1988. С. 40).

<sup>34</sup>*Здравомыслов К.* Иерархи Новгородской епархии // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 6. С. 356–357; *Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 1. М., 1894. С. 95–98.

<sup>35</sup>*Найденов Н. А.* Москва. Соборы. Монастыри. Церкви. М., 1882–1883. Ч. III. Отд. 1. № 66; Фототека ГНИМА. Кол. I. № 5252, 5057, 5062, 5064, 5065, 5066, 5068, 5069, 5070. Кол. V. № 43339, 43341; Фонд обмеров ГНИМА. РV — 808/1-5; Архив ГНИМА. Ф. 33, оп. 4, д. 57.

<sup>36</sup>Книга расходная ладону 7126 году (РГАДА. Патриарший приказ. Ед. хр. 397).

<sup>37</sup>*Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. М., 1884. Стб. 818.

<sup>38</sup>Первая атрибуция рельефов принадлежит М. А. Ильину. Г. М. Анциферова также склоняется к авторству Полубеса.

<sup>39</sup>Реставрация храма Архидиаконо-Стефановского на Швивой горке // Московские церковные ведомости. 1982. № 38. С. 512.

<sup>40</sup>Древности // Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 1. М., 1907. С. 32.

<sup>41</sup>Московские церковные ведомости. 1906. № 2.

<sup>42</sup>Фототека ГНИМА. Кол. I. № 9658, 9659. Кол. V. № 51151.

<sup>43</sup>Основанием для утверждения авторства Потехина послужила в первую очередь подрядная запись на строительство в Ворсме. Существует версия о других предполагаемых создателях храма — например, Стефане Порецком и Дмитрие Магдебургском (см.: *Михайлов Б. Б.* Церковь Троицы в Останкине. Козельск, Введенская Оптина пустынь, 1993. С. 20–23).

<sup>44</sup>Впервые изразцовая композиция «павлинье око» была применена в декоре Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря в 1658 г. В 1666-м, как мы помним, новоиерусалимских мастеров перевели в Москву, где на первых порах они использовали для изготовления изразцов монастырские формы.

<sup>45</sup>*Выголов В. П.* Творчество зодчего О. Д. Старцева. М., 1955.

<sup>46</sup>РГАДА. Ф. 396, оп. 2, кн. 1033, л. 36.

<sup>47</sup>Там же.

<sup>48</sup>Исследованию этого дела, хранящегося в РГАДА (ф. 210, д. 1638), посвящена специальная работа (см.: *Сошина Н.* Крутицкий теремок в Москве // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 136–137).

<sup>49</sup>Видимо, этим объясняется удивительное сходство белокаменных и керамических колонок в виде виноградной лозы на Крутицком теремке. В свою очередь, они схожи с белокаменными колонками наличников Грановитой палаты в Кремле, которые появились в 1684 г., когда первоначально небольшие оконные проемы были растесаны и украшены новыми белокаменными наличниками. Известно, что этими работами также руководил Осип Старцев.



*Георгий Павлович Ансимов*

## Претерпевший до конца

**Сын священномученика протоиерея Павла Ансимова (1891–1937)  
вспоминает о своем отце\***

*Протоиерей Павел Ансимов родился 24 августа 1891 года в семье священника в селе Четыре Буфа под Астраханью. Окончил Астраханское епархиальное училище, Астраханскую духовную семинарию, в 1921 году — Казанскую Духовную академию. В 1912 году женился на дочери протоиерея Вячеслава Соллертинского Марии. В том же году рукоположен в сан священника. В разное время служил в храмах при пороховом заводе и для слепых, в станице Ладожской на Кубани.*

*С 1925 года проживал в Москве: регент во Введенском храме («Введение на Платочках»), священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на Введенской площади, духовник Покровской общины сестер милосердия в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове, настоятель храма святителя Николая в Покровском. С 1932 по 1935 годы служил в Воскресенском храме на Семеновском кладбище, а с 1935 года — в церкви Рождества Христова в Измайлове.*

*Неоднократно арестовывался. 19 ноября 1937 года приговорен к высшей мере наказания и через два дня расстрелян в поселке Бутово Московской области.*

*Реабилитирован 26 мая 1989 года.*

*Прославлен в лике Собора новомучеников и исповедников Российских XX века 16 июля 2005 года.*



**Священник Павел Ансимов.**

*Рисунок из книги: Ансимов Г. Уроки отца (М., 2005)*

\*Г. П. Ансимов — народный артист СССР, профессор, режиссер-постановщик Большого театра, художественный руководитель факультета Музыкального театра Российской театральной академии.

...Из четверых братьев Ансимовых — будущих священников — старший, Павел, первым окончил семинарию. Как и полагается, он женился, и теперь вместе с женой, которая только что объявила, что счастлива ожиданием ребенка, едет в Казань, где ему предстоит учеба в духовной академии. Ни отец, ни дед не могли и мечтать об академии. Они были простыми тружениками храмов. Но Павел — он станет настоящим богословом...

Казань. Академия. Латынь, древнегреческий... Сократ, Платон, Аристотель, Гомер... Столпы богословской мысли всех времен... Общение с крупнейшими педагогами... И не беда, что там, в Петербурге, опять какие-то волнения, а по Казани ходят взбудораженные студенты и курсистки и выкрикивают невнятные лозунги. Не беда, что у торговцев пропали продукты и академического пайка не хватает на молодую семью. Не беда, что бунтари бросают камни в профессоров и учащихся в рясах. В стенах Академии все шло успешно.

Через три года родились сыновья-близнецы, которых назвали в честь дедов Георгием и Вячеславом. И вот тут пришлось хлебнуть горяшка. Голод, нарастающая травля... У матери на кормление двух младенцев не хватало молока. Один из сыновей умер. Другой еле дышал. Пришлось Павлу отправить семью к родственникам под Астрахань, а самому поскорее заканчивать учебу. Никакой аспирантуры, никакой преподавательской практики — лишь бы поскорее получить приход и начать трудиться, чтобы прокормить семью.

И вот по уже разоренной южной окраине России пешком, иногда выпрашивая милостыню, семья пробирается к месту назначения — в станицу Ладожскую, что под Краснодаром. По дороге потеряли и второго сына...

В станице попу, как это водится у казаков, дали земельный надел, лошадь, корову, двор — и — живи. Пиши, сей, убирай, молоти... Всем этим пришлось заниматься выпускнику Духовной академии и выпускнице Высших женских курсов. Но главное — священническое служение. Исповедовать, причащать, соборовать, крестить, венчать — в станице и за много верст от нее, в снег и в град, в жару и зимнюю стужу...

Служить же становится все тяжелее. В Москве сообщили, что Бога нет. Об этом же твердят заезжие агитаторы. Некоторые из них уже являлись в храм и во время богослужения стояли с винтовками, в шапках, выкрикивая кощунственные лозунги, а кто-то даже положил окурки на блюдо для подаяния. То и дело проходят через станицу вооруженные отряды

— не понять, чьи: требуют, отбирают, конфисковывают. Запрет следует за запретом: нельзя звонить, нельзя устраивать крестные ходы. Прозятся запретить крестины и венчания...

Молодой священник ясно ощущал, что падение царского трона стало началом ожесточенной борьбы с Церковью, с православием.

И вот закрыли храм. Накануне храмового праздника кто-то приклеил на дверь маленькую бумажку со смазанной печатью. Приготовления к празднику, радостное его ожидание вмиг оказались помятыми. Молча стоял священник на ступенях осиротевшего храма... Оставалось лишь молиться. Не о себе — о стране, о Церкви, о вере.

\* \* \*

Наконец вышло постановление новой власти: храм сломать, а священников выселить, а то и арестовать. В Ладожской дальше оставаться было нельзя. О братьях и матери отец Павел знал только, что их разбросало по стране. Когда и куда — неизвестно. Смог подать о себе весточку из Москвы лишь отец жены, сообщивший, что в подмосковном селе Черкизове есть место церковного регента. Пусть регент — только бы быть в храме, участвовать в богослужении!



*Священник Павел Ансимов.  
Фотография 1920-х годов*



*Священник Павел Ансимов  
с женой Марией Вячеславовной,  
дочерью Надеждой и сыном Георгием.  
23 июля 1927 года*



В Черкизове, ставшем пригородом Москвы, только два здания были каменными — церковь и аптека. В начале XX века тут жили кустари, извозчики, рабочие здешней ткацкой фабрики. Они и назвали храм, куда ходили, «Введения на Платочках». Сюда-то и требовался регент. Отец Павел взял в руки камертон. Однако хора как такового не существовало. Раньше на клиросе пели ткачи, потом, когда закрыли фабрику, — способные из прихожан, а теперь, когда за участие в церковной службе можно было попасть «на заметку», в хоре мало кто отваживался остаться. Люди уходили один за другим. И все чаще регент пел один. Но он не сдавался — нашел каких-то четверых бродячих слепых, поющих молитвы на перекрестках черкизовских улиц, и привел их в храм, предварительно окрестив. Однако вскоре и этот храм закрыли. Имущество конфисковали. Так отец Павел перестал быть и регентом. И все больше утверждался в мысли, пришедшей еще в Ладужской, что теперь молиться надо не о хлебе насущном, а о вере, о православии, о Церкви. Ибо храмы разоряют, священников либо арестовывают, либо изгоняют. Разрушен

Вознесенский монастырь, закрыт Чудов, превращен в тюрьму Сретенский, уничтожены Воскресенские ворота с Иверской часовней... В этом губительном вихре совсем незаметной прошла смерть престарелого настоятеля Введенского храма на Введенской площади. Прихожане искали нового настоятеля. Отец Павел попросился на опустевшее место — и был миг великого счастья, когда народ избрал его. Однако миг сей оказался и началом крестного пути молодого священника. Гонения на Церковь были в самом разгаре. Рабочие находившегося по соседству электролампового завода предложили отцу Павлу закрыть храм и переоборудовать его под клуб, а самому стать завклубом. И когда он отверг это предложение, рабочий комитет стал ходатайствовать о сносе храма и строительстве на его месте клуба. Защиты не было. Храм в конце концов закрыли, потом разрушили, выстроив-таки на его фундаменте клуб, а отца Павла арестовали.

\*\*\*

На первый раз ограничились беседой. Отцу Павлу порекомендовали снять с себя сан и устроиться либо счетоводом, либо бухгалтером, либо работником клуба, музея. После категорического отказа беседу прервали и тычками в спину выпроводили из тюрьмы. И вот отец Павел опять на улице — без храма, без средств к существованию. Его с голодающей



*Введенский храм.  
Фотография 1920—1930-х годов*

семьей приютили прихожане. Однажды ночью отец Павел услышал грохот — это взорвали храм Христа Спасителя...

\* \* \*

Выброшенные на улицу после разрушения Вознесенского монастыря его замечательные мастерицы-золотошвейки нашли себе пристанище в Покровской обители. Это было сестричество, приют в старинном Никольском храме на Бакунинской улице. Сестрам и насельницам приюта требовался пастырь, так как прежнего батюшку — отца Георгия Горева, клирика храма святителя Николая, — арестовали. Тут-то сестры и попросили только что освобожденного из тюрьмы отца Павла быть их духовником. И вновь счастье пастырского служения оказалось кратким: последовал очередной арест.

Бутырки. Сначала одиночка, допросы сутками. Потом камера, набитая уголовниками. Через полгода вышел из тюрьмы неузнаваемым. Но зато храм святителя Николая ждал. И отец Павел, уже прекрасно знающий, чем ему может это грозить, сразу вернулся к своему служению. Полгода вдохновенного пастырского труда под дамокловым мечом ожидания: вот эта минута — последняя. Наконец закрыли и Никольский храм. Под проливным дождем, сжимая маленького сына, отец Павел смотрел, как веревками тянут крест с купола. Плакало небо...

Близ Семеновской площади был Воскресенский храм при кладбище. Туда направили отца Павла. Ни помощников, ни хора, ни даже молящихся — приходили только те, кто хоронил близких. Уже даже и утомительно повторять: храм вскоре закрыли.

\* \* \*

Последнее земное пристанище отца Павла — храм Рождества Христова в Измайлове. Там его арестовали в третий раз. После новых тюремных мытарств отец Павел вернулся едва живой — еле-еле мог перекреститься дрожащей рукой. И все же продолжал служить. В голодной рушащейся Москве маленький храм на окраине представлял собой один из редких островков духовности, горячей взывающей молитвы. И люди тянулись сюда, как тонущие в океане из последних сил плывут к спасительному маяку. Молитва отца Павла была тем пламеннее, чем тверже становилась уверенность: очередного погрома не миновать. Так и случилось. 2 ноября 1937 года свершился четвертый арест.

*В Лефортовской тюрьме.  
Фотография 1934—1935 годов*



\* \* \*

...ужасный ноябрь. С каждым днем все холоднее, а сегодня после вчерашних дождей подморозило и пошел снег. Мама, а с нею и мы с сестрой, в отчаянии. Уже почти месяц назад отца арестовали — и никаких следов. Все тюрьмы Москвы обойдены по нескольку раз — «нет сведений». Исчез.

Обойдя тюрьмы с не принятой нигде посылкой (сухари, сахар, папиросы для обмена), мама, так и не сняв пальто, в съехавшем платке бессильно сидит в кухне. Я пришел из школы, налил ей в кружку чая — она не притронулась. Сейчас вернется сестра, она с ребенком пошла на рынок за картошкой.

Оторвали от нас отца — как отняли опору, и мы, потерянные, сразу обнищавшие, тычемся в поисках, похожие на брошенных щенят. Все чаще в наших предположениях и натужных фантазиях о способе и форме поиска звучит: «Комсомольская площадь». Эта вокзальная площадь имела в те скорбные годы, кроме «транспортной», еще одно, скрытое, назначение. С перрона Ленинградского вокзала (а, может быть, и с других тоже) ночами в определенные дни недели тайно отправлялись поезда со ссыльными. Тайно потому, что в момент перегрузки осужденных из «воронков» в вагоны они могли, несмотря на конвойный кордон,

увидеться с пришедшими к скорбному поезду близкими, перемолвиться с ними последним словом, получить посылку. Это был и для остающихся на воле шанс увидеться напоследок с арестованными родственниками, друзьями. Однако недостаточно знать, когда и во сколько поезд, нужно еще и заблаговременно попасть на платформу. Но как попасть? Охрана строго пресекает подобные попытки. Здесь существовали разные хитрости и уловки, о которых много говорилось в тюремных очередях.

В конце концов мы с сестрой, видя, что мама уже обессилела от бесконечных просьб, унижений, скитаний по тюрьмам, решили пойти «на Комсомольскую». Съездили к вокзалу. Знатоки нам сказали, что самый верный способ миновать охрану — взять билет на ночной поезд на Тверь. Мы взяли. Стали ждать ночи — заботливо закутанные мамой, с посылкой в руках, увязанной так, чтобы ее можно было бросить и она не развязалась. С наступлением ночи двинулись на «прорыв» кордона.

На площади уже стояли ряды солдат. Оставался только узкий проход для тех, кому на тверской поезд. Прошли в вокзал. Там полутьма, сидят и бродят люди. Обострившимся околотюремным чутьем мы сразу определяем, кто из них едет в Тверь, а кто — вроде нас. Эти мнимые «тверичи» нас тоже распознали. Сказали, что когда объявят посадку на Тверь, а «нашего» состава еще не будет, вокзал начнут очищать, и всем необходимо где-то укрыться. Одна старая женщина в мягкой шляпке посоветовала сестре на время «очистки» повести меня в мужской туалет — «мальчику нужно!»

Объявили посадку на Тверь—Бологое. Почти одновременно с задвигавшимися пассажирами по залу пошли патрули с проверкой билетов. Мы, поняв, что нас могут попросту конвоировать на тверской поезд, юркнули в туалет. Из-за двери видели, как людей, не имеющих билета на Тверь, отправили к выходу на площадь. Мы следили за женщиной в шляпке. У нее тоже был билет на Тверь, и она, предъявив его, пошла на перрон. Ее пропустили. Выходя на перрон, она оглянулась: сигнал нам. Мы вышли, предъявили билеты и тоже были пропущены.

Перрон. Застыли на перепутьи. Слева — «наша» платформа, далеко справа — «тверская». По билетам нам направо, а надо налево. Оказывается, таких, как мы, немало. Все бродят по перрону, будто в поисках нужного поезда. Но нас перехитрили. Патрули, что ходили по залу, вышли на перрон и напра-

вились налево к «нашей» платформе. Дойдя до ее начала, выстроились цепью, таким образом отрезав платформу от перрона, где находились мы. Теперь на платформу не проникнет никто.

Нас было человек сто-сто пятьдесят. Мы тихо стояли, сгрудившись, надеясь в неярком свете фонарей разглядеть своих близких, которых вот-вот поведут в арестантские вагоны. Бывалые нам нашептали, что заключенные осведомлены о том, что их ждут за кордонами охраны. Поэтому надо не столько искать в толпе или звать «своего» заключенного, сколько слушать выкрики конвоируемых и по ним пытаться что-то узнать.

Мело. Сестра, сама простывшая, замерзшими руками укутала меня поплотнее. Все — и мы, и охрана, и дорожники — ждали. Но вот промокшие и продрогшие охранники забежали. Из глубины вокзального двора показалась машина с горящими фарами. Она подъехала к началу платформы. Охранники выстроились в две линии, образовав коридор между дверцей машины и дверью вагона. Какой-то командир подошел к машине, резко крикнул: «Марш!» И тут началось...

С котомками, узлами, мешками пошли заключенные. Шли они боком, неотрывно глядя в нашу сторону. Они знали, что при пересадке будет последняя возможность дать знать о себе близким, и вот дождались этого момента. Как будто с грохотом разверзлась бездна:

- Ма! Я невиновен!
- Это я, Николай! Задорный!
- Маша, невиновен я!
- Марьяна Роца, двадцать два. Шнейдерам! Отец жив! Жив отец!
- Воркута. Рудники. Заславскому!
- Благослови тебя Бог, мама! Дьякон Гр...
- Заславскому, Воркута!
- Дети, мои дети! Ждите!
- Папа!.. Звягин! Папа!..
- Марьяна...

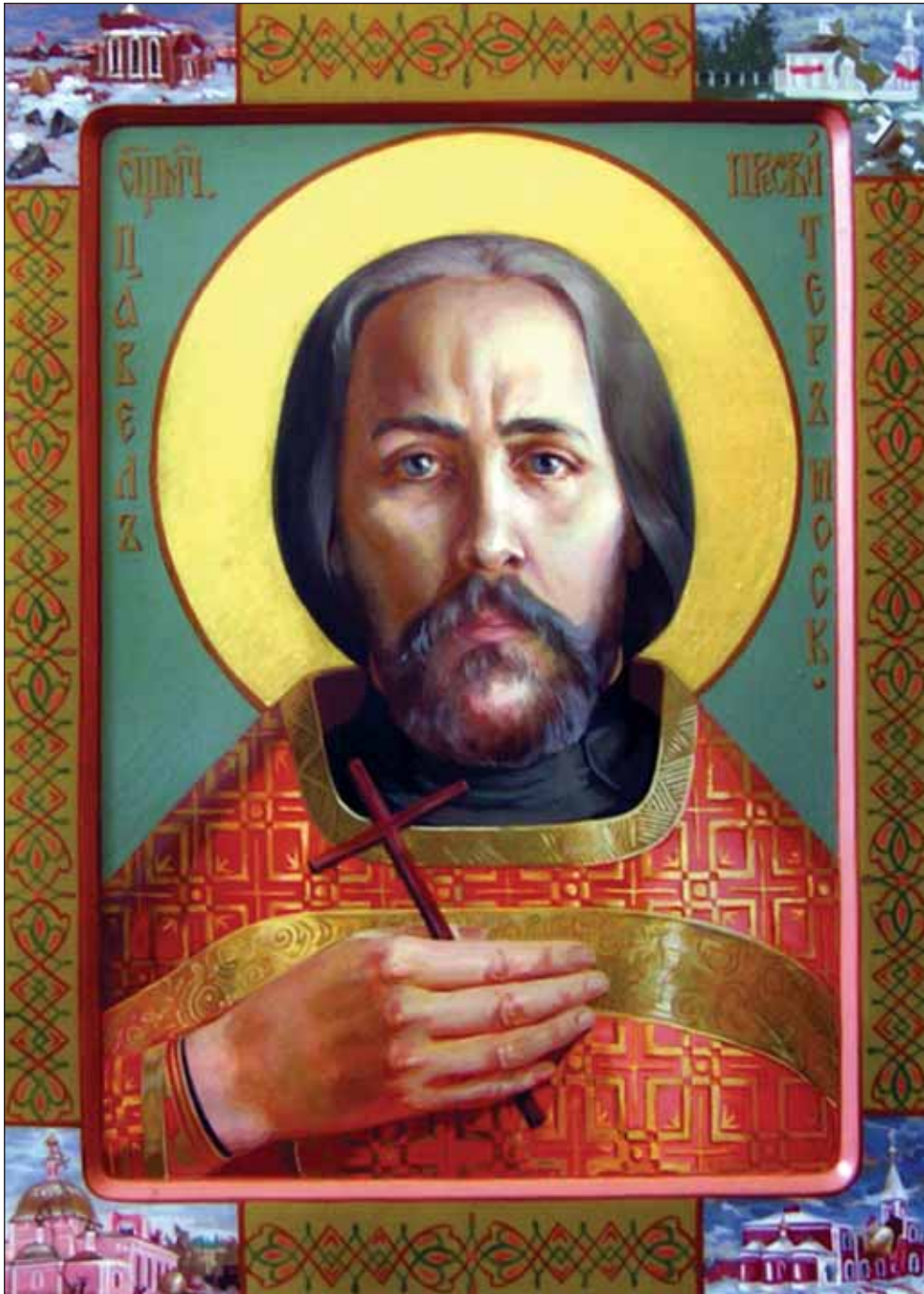
Их толкали, били, но они замедляли ход, насколько могли, и все кричали, кричали, перекрывая надрывный лай собак:

- «Тройки» не было! Не было «тройки»! Мирский Семен! Ссылают без «тройки»!
- Кузема Степан умер в тюрьме!
- Люля, люблю, жди!
- Ивановским. Зацепа, пятнадцать! Отец сослан. Жив!

Наконец всех привезенных загнали в вагон. Подошел еще один «воронок», развернулся, стал рядом с первым. Все повторилось. Затем на место отъехавшей первой машины

## СВЕТ ПАМЯТИ

*Священномученик Павел Николопокровский Московский.  
Икона из храма святителя Николая в Покровском*



подъехала третья. И вновь шествие заключенных, крики, лай собак...

У меня болели глаза от усилия разглядеть в этой скорбной чередѣ фигуру отца. Лиц видно не было — тщетно. Машины все подъезжали, заключенные шли и шли.

Из нашей толпы то и дело бросали им пачки папирос, какие-то свертки. Что-то долетало, мгновенно хваталось. Мы с сестрой решили наш узелок тоже бросить туда. Я размахнулся, докинул; кто-то поймал. Отца мы так и не увидели...

Поскольку мы были окружены, разойтись удалось только когда состав с заключенными отправился. Снег перестал, ветер утих, но сразу растаяло. По грязи и слякоти, обессиленные, мы шли к маме в Черкизово, чтобы поведать о своей неудаче.

На другой день мама снова пустилась с узелком на поиски. Эти поиски продолжались много лет. И только через полвека мы узнали, что в том самом ноябре, когда мы стояли ночью на платформе Ленинградского вокзала, наш отец был расстрелян на Бутовском полигоне.

*Екатерина Владимировна Уварова*

## Зубриловка

Об этой знаменитой некогда усадьбе и ее владельцах\*



*Общий вид усадьбы князей Голицыных-Прозоровских в Зубриловке.*

*Фотография начала XX века*

*(из книги: Шилов К. В. Борисов-Мусатов. М., 2000)*

Усадьба расположена на границе Пензенской и Саратовской областей, недалеко от города Балашова на берегу реки Хопер. В 1780-х годах эти земли были высочайше пожалованы (по другим сведениям, проданы) князю Сергею Федоровичу Голицыну. Имение строилось стремительно. Возможно, поэтому в свете ходили слухи, что работали здесь солдаты драгунского полка, которым командовал князь Голицын<sup>1</sup>. Так или нет, но к 1796 году в усадьбе уже стояли барский

дом с двумя флигелями, церковь и неподалеку от нее — колокольня. Все эти сооружения возводились в популярном при Екатерине II стиле классицизма.

Перенесемся ненадолго в наше время. Спасо-Преображенская церковь (ее в 1990 году вернули верующим) имеет круглую в плане среднюю часть и два придела, освященные во имя преподобного Сергия Радонежского и великомученицы Варвары. Внутри стены отделаны под золотистый мрамор, переходящий

---

\* Этой темы автор отчасти уже касался в статье «Мне нужно набраться старинного духа...» (см.: Московский журнал. 2010. № 2. С. 42). — *Прим. ред.*

## ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

*Дом-дворец в Зубриловке.  
Фотографии начала XX века*



*Иллюстрация из книги:  
Шилов К. В. Борисов-Мусатов  
(М., 2000)*



*Иллюстрация из статьи  
В. А. Верещагина «Разоренное гнездо»  
(журнал «Старые годы».  
1908 год. Март)*

в купольном пространстве в розовый. Церковь освещается 26-ю окнами. Частично сохранились и фрески.

Колокольня — как и церковь, кирпичная — в плане представляет собой треугольник с отсеченными углами, на котором зиждется шестиугольник, завершающийся цилиндром, — композиция весьма необычная. Декор — из белого камня. Колокольню венчал купол со шпилем. В советское время она сильно пострадала, поскольку использовалась в качестве водонапорной башни. Шпиль и купол сняли, и на их место установили деревянный резервуар. Еще два года назад из него просачивалась вода и стекала по стенам. Сейчас резервуар убрали, но до сих пор колокольня стоит без завершения. Высота колокольни составляла около 27 метров<sup>2</sup>.

Архитектурная «изюминка» усадебного дома — наличие двух различных фасадов. Северный — парадный. К нему выходит главная аллея. Украшают его лишь растительный орнамент в прямоугольных рамах между оконными проемами и круглые розетки во фризе между триглифами. Крайние пары колонн портика соединились балюстрадой с каменными балясинами. Дом трехэтажный, считая цокольный этаж — достаточно высокий и массивный.

Совсем другой характер имеет южный фасад — парковый, с полуротондой, завершаю-

щейся куполом. От полуротонды на второй этаж ведет широкая лестница. Из-за спада местности с южной стороны цокольный этаж выше, чем с остальных, поэтому парковый фасад производит наиболее монументальное впечатление. По бокам лестницы на парапетах стояли статуи. До нашего времени дошли лишь две — сейчас они хранятся в Радищевском музее города Саратова.

Архитектор Зубриловки неизвестен. Видимо, чертежи и документация погибли во время пожара усадьбы в 1905 году. Впрочем, данное предположение никак не подтверждено, и вполне возможно, что хозяева хранили документы в другом месте. Это дает нам призрачную надежду на их обнаружение в будущем.

Однако, несмотря на отсутствие документальных источников, ансамбль Зубриловки причисляют к творениям таких зодчих, как Д. Кваренги, Н. А. Львов и И. Е. Старов.

В пользу первого высказалась саратовский архитектор Ирина Константиновна Ежова. Она опирается исключительно на архитектурный анализ сооружений и на их сравнение с другими постройками Кваренги. Более того, усадьбу Надеждино, находящуюся недалеко от Зубриловки, автор также относит к творениям зодчего. Она пишет: «Голицын по своему положению при дворе мог привлечь к проектированию

## ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

своего дворца и строений усадьбы одного из самых видных архитекторов, близких ко двору. В то время одним из ведущих и был Джакомо Кваренги. Известно, что он много работал на периферии»<sup>3</sup>.

Приведенное мнение, впрочем, не ново, ранее его высказывали сотрудники Радищевского музея братья А. В. и В. В. Леонтьевы и авторитетный искусствовед И. Э. Грабарь. Однако после смерти Сергея Федоровича Голицына его сын Федор Сергеевич дом перестраивал. «Ему хотелось, чтобы замок его походил на Павловский дворец, и он его переделывал самым великолепным образом с большим вкусом и роскошью»<sup>4</sup>. А значит, то, что мы видим сейчас, не является «первоначальным вариантом». Таким образом, можно утверждать: к строительству дома в разное время было привлечено два разных архитектора.

Л. М. Перфильева высказывает вполне справедливое сомнение по поводу причастности Дж. Кваренги к возведению зубриловского дворца: «Не было учтено, что Кваренги начал работу в России с 1780 г. В это время в Зубриловке по плану генерального межевания уже значились церковь каменная <...> и «дом господский каменный с регулярным плодовым садом»<sup>5</sup>. Автор предполагает, что перестраивал дом не менее именитый архитектор И. Е. Старов, ибо «мода на новый тип загородного дома в духе французского «отеля» была привнесена в русскую строительную традицию» именно им.

На мой взгляд, очевидно некоторое сходство усадебного дома в Зубриловке с домом в бывшей усадьбе Якунчиковых Введенское под Звенигородом (архитектор Н. А. Львов). Похожие фасады, только расположены они зеркально относительно рельефа. Если



*Южный фасад дворца  
в осенний день.*

*Фотография  
В. Э. Борисова-Мусатова  
для картины «Призраки».  
1902 год*

*Иллюстрации  
из книги:  
К. В. Шилов.  
Борисов-Мусатов  
(М., 2000)*



*Скульптуры,  
украшавшие лестницу дворца*



*Башня-  
руина*



*Парковая  
статуя*

*Фотографии А. В. и В. В. Леонтьевых. 1920-е годы*

## ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

*Дж. Б. Дамон Ортолани. Портрет князя Сергея Федоровича Голицына. Холст, масло. Начало XIX века*



*Дж. Б. Дамон Ортолани. Портрет Варвары Васильевны Голицыной. Холст, масло. Начало XIX века*



в Зубриловке фасад с ротондой повернут к склону, то во Введенском, наоборот, — к парадной аллее. Во Введенском фасад с ротондой — парадный, а фасад с портиком — парковый. Колонны украшены коринфскими капителями, но это уже результат позднейшей перестройки, ранее их украшал дорический ордер, как и в Зубриловке. Интересен и тот факт, что посещавший голицынское имение в 1901–1902 годах художник В. Э. Борисов-Мусатов на своих картинах часто изображал именно две эти усадьбы, а порой даже «объединял» их — например, в акварели «Сон божества». К тому же, как известно, Н. А. Львов являлся близким другом поэта Г. Р. Державина, жена которого Д. А. Дьякова приходилась родной сестрой супруге Н. А. Львова. А Державин, в свою очередь, дружил с первыми хозяевами Зубриловки и неоднократно посещал их имение. Здесь он написал стихотворение «Осень во время осады Очакова» — в то время, когда Сергей Федорович Голицын сражался под Очаковом, а Варвара Васильевна ждала его возвращения. Следовательно, версия, что Н. А. Львов мог быть знаком с Голицыными через Г. Р. Державина (и строить для них), не лишена основания.

В пользу Н. А. Львова также говорит и характерная именно для него оригинальность форм колокольни — вспомним хотя бы коло-

кольню в бывшей усадьбе Львовых Арпачево (1791). Впрочем, все это лишь предположения, и пока не отыщутся факты, подтверждающие одно из них, они равно имеют право на существование.

Дом в Зубриловке окружал не менее красивый парк, который делился на две зоны: пейзажную и регулярную. Перед парадным фасадом находились цветники и фонтан. Были здесь и липовые аллеи — их остатки можно проследить и сейчас, несмотря на то, что парк уже превратился в лес. Но в этом лесу стоит еще одно интереснейшее сооружение — башня-руина, и сегодня поражающая воображение<sup>6</sup>. Она имеет три яруса — нижний из красного кирпича, два верхних отделаны диким камнем — и украшена длинными узкими окнами со стрельчатыми завершениями — в средневековом духе. Верх стен изначально не завершен, чтобы башня выглядела «обглоданной» временем. Время ее действительно не пощадило: если посмотреть на фотографии, сделанные В. Э. Борисовым-Мусатовым в 1902 году, можно увидеть, что башня тогда была выше, да и большое количество обвалившегося дикого камня вокруг говорит о длительном разрушении. Внутри видны следы междуэтажных перекрытий. Кто и когда их уничтожил — неизвестно.

Еще одной «затеей» Зубриловского парка был водоем, предназначавшийся для вечер-



них купаний. Это уникальное сооружение не дошло до наших дней. Водоем имел форму чаши. Ночью он наполнялся водой, которая за день нагревалась на солнце, а после купаний спускалась по керамическим трубам в ручей. Бассейн окаймляла вымощенная площадка с мраморными скамьями. В июле 2009 года я попыталась найти остатки этого памятника, но безрезультатно.

Стоит сказать несколько слов о первых хозяевах Зубриловки — личностях весьма колоритных.

Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардт (1761–1815) — одна из пяти племянниц Г. А. Потемкина, взявшего девочек под свою опеку после смерти их родителей. Оказавшись у дядюшки, Варвара Васильевна вскоре стала фрейлиной императрицы. Она отличалась вспыльчивым и страстным нравом. Упорные слухи о связи Потемкина со своими племянницами относились и к ней. Тем не менее, это не помешало юной фрейлине искренне полюбить князя Сергея Федоровича Голицына (1749–1810). Надо заметить, что Варвара Васильевна единственная из племянниц фаворита самостоятельно выбрала себе спутника жизни — лишнее подтверждение силы и смелости ее характера, которым она так славилась. Неизвестно, дошли ли до жениха слухи о связи его невесты с дядей, но в 1779 году свадьба состоялась. По мнению некоторых исследователей, князь Сергей Федорович имел не только сердечную склонность, но и корыстные цели в отношении своей супруги, что якобы следует из письма к ней: «Надобно для моего счастья, чтобы князь Григорий столько же захотел сделать мне милость. <...> На сие я не столь счастлив, чтобы сам собою мог довести. Чем преданность моя к нему более стремится, тем меньше может быть примечается она. Отдав письмо, приложенное ему, употреби свою просьбу обо мне столько же, сколько ласка твоя и любовь ко мне тебе позволит; я сегодня ввечеру в город буду и тебя увижу; увижу также и то, что вправду ты меня любишь или нет»<sup>7</sup>. Так или иначе, брак супругов Голицыных оказался вполне счастливым, принесшим им десять сыновей. Да и одним из виднейших военных деятелей своего времени Сергей Федорович стал благодаря в первую очередь своим личным качествам и достоинствам. Он принял участие в обеих войнах с Турцией. В 1779 году особенно отличился при штурме Очакова. Всю свою жизнь этот человек посвятил военной карьере — стал генерал-аншефом, членом Государствен-

ного совета. Лишь в 1798 году при Павле I он отстраняется от службы и вплоть до воцарения Александра I, назначившего его генерал-губернатором Риги, живет в Зубриловке. За это время Сергей Федорович успел собрать здесь большую библиотеку и уникальную коллекцию произведений искусства. «Любил читать книги по военной истории, играл в шахматы и всегда побеждал. В хозяйство не вмешивался и в начале зимы целыми днями гонялся за зайцами. Смолodu был отличный игрок, но победил свою страсть, а страсть к женщинам превратилась в постоянную любовь к одной»<sup>8</sup>.

Стоит сказать, что после опалы князь приехал в Зубриловку не один, а со своим личным секретарем и учителем сыновей — знаменитым баснописцем И. А. Крыловым, который оставался здесь вплоть до 1801 года. «Уроки <...> проходили почти все в разговорах, он умел возбуждать любопытство, любил вопросы и отвечал на них так же толковито, так же ясно, как и писал свои басни»<sup>9</sup>. В зубриловском парке рос дуб, под которым, по преданию, Иван Андреевич сочинял басню «Свинья под дубом». В память об этом дуб огородили, но в 1860-х годах его сломало бурей. Металлическими обручами дуб прикрепили к рядом растущему дереву и на стволе повесили табличку с текстом басни и портретом поэта. Однако дерево вскоре погибло, дуб спилили, ограда исчезла. Теперь найти это место невозможно.

Сергей Федорович Голицын скончался в Тарнополе, его тело привезли в Зубриловку и погребли в семейном склепе Спасо-Преображенской церкви. Варвара Васильевна тяжело переживала смерть супруга и даже собиралась уйти в монастырь<sup>10</sup>. В конце концов, передав управление имением старшему сыну Федору, она поселилась в маленьком деревянном домике недалеко от церкви. После ее смерти Федор Сергеевич построил на месте домика каменную часовню в форме усеченной пирамиды — довольно странное, почти не декорированное сооружение, своим обликом явно переключившееся с мавританской архитектурой (не исключено, что Федор Сергеевич принадлежал к масонству). Имя архитектора часовни также неизвестно.

Федор Сергеевич продолжал благоустраивать имение. Любил пышные торжества, во время которых вся Зубриловка иллюминировалась и «езде раздавались веселые песни всевозможных представителей разнообразных европейских народов. <...> Несмотря на широкий размах князя Федора Сергеевича

## ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

*Иллюстрации из статьи В. А. Верещагина «Разоренное гнездо»  
(журнал «Старые годы». 1908 год. Март)*



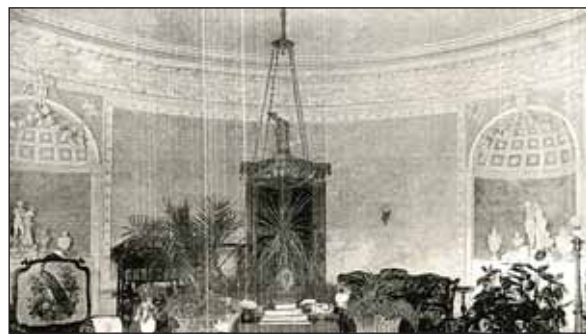
*Неизвестный художник. Портрет  
Федора Сергеевича Голицына*



*Х. Фогель. Портрет княгини А. А. Голицыной,  
урожденной Прозоровской*



*Портретная зала*



*Круглая зала*

и устраиваемые им празднества, он жил у себя в имении довольно уединенно <...> благодаря главным образом характеру своей жены, оттолкнувшей от себя своею надменностью все местное общество»<sup>11</sup>.

Анна Александровна Голицына была одной из двух дочерей генерал-фельдмаршала А. А. Прозоровского (1732–1809). На сестрах Прозоровских род пресекался, и по этой причине сын А. А. Голицыной получил высочайшее дозволение носить фамилию отца и матери одновременно. Так хозяевами имения со временем стали Голицыны-Прозоровские.

В 1821 году супруги Голицыны учредили «Зубриловский пансион», где воспитывались дети небогатых помещиков. Располагался пансион в двух зданиях: в одном жили мальчики, в другом — девочки. Их учили истории,

географии, математике, русскому и иностранному языкам, музыке, танцам.

Продолжала пополняться портретная галерея. Она «помещалась в широкой длинной сильно освещенной зале, в стиле Первой империи. Выступавшие из гладких белых стен прямоугольные и строгие колонны венчались таким же гладким карнизом, поддерживавшим восхитительный купол, весь расписанный фресками в столь излюбленном в те времена классическим вкусе, с богами Олимпа и группами римлян в хитонах и тогах»<sup>12</sup>.

Федор Сергеевич, страстный коллекционер, собрал огромное количество произведений искусства: фарфор, миниатюры, мебель, картины. Одной из драгоценностей усадьбы считалась бронзовая ваза, созданная, по преданиям, учеником Микеланджело Жаном

де Болоном. «От нее после погрома Зубриловки не осталось и самого незначительного обломка, и мы знаем только, что она имела форму кувшина, что ручкой ее служил нагнувшийся над женской фигурой сатир и что по бокам ее были барельефы мифологического содержания»<sup>13</sup>.

После внезапной смерти Федора Сергеевича в 1826 году имение унаследовал его младший сын Давид, но он вскоре «утонул при какой-то переправе»<sup>14</sup>, после чего Анна Александровна учредила в Зубриловке майорат. По закону, майоратное имение являлось «заповедным», не подлежащим разделу между наследниками и переходившим целиком к старшему в роде. Таковым являлся на тот момент Александр Федорович Голицын. Однако многочисленные его братья, сохраняя права на доходы с имения, начали распродавать зубриловскую коллекцию.

В начале 1860-х годов Зубриловку посетил историк, филолог, лексикограф академик Я. К. Грот, занимавшийся тогда изданием собрания сочинений Г. Р. Державина. Он писал: «Старый дом поддерживается, или, точнее, возобновляется в прежнем виде; стены его внутри увешаны портретами знаменитых предков хозяина. Супруга Александра Федоровича Голицына, княгиня Мария Александровна (1826–1901), связана с домом Державина и узами родства и семейными преданиями: она по отцу — внучка друга и родственника его Н. А. Львова»<sup>15</sup>.

От Александра Голицына-Прозоровского имение перешло к его старшему сыну князю Александру Александровичу.

В 1901–1902 годах, как уже сказано выше, в Зубриловку приезжал художник В. Э. Борисов-Мусатов. Здесь им был написан ряд картин, принесших автору широкую известность.

В таком состоянии имение просуществовало до 1905 года. Последние хозяева нечасто приезжали сюда: дом опустел, появились первые следы бесхозности и запустения. А в 1905-м усадьба была разграблена и почти уничтожена взбунтовавшимися крестьянами. «Во главе толпы шел крестьянин соседнего села Изнаира, белый как лунь старик с четырьмя сыновьями, владевший 100 десятинами земли. За ним следовали 12 телег для нарузки ограбленного добра. Старик шел уверенной поступью, держа икону в руках, в твердом убеждении, что исполняет волю царя, повелевшего в три дня уничтожить и ограбить все соседние поместья. При переходе реки Хопер к толпе присоединилась вся зубриловская молодежь и тоже пошла

на усадьбу. Погром начался с винного подвала, из которого выкатывались бочки одна за другой и тут же распивались. Когда вино было выпито, озверевшая стихийная толпа ворвалась в один из флигелей. Мебель подожгли, облив керосином и устроив сквозняк. Покончив с флигелем, толпа ринулась на главный дом и точно таким же образом подожгла и его, а пока огонь разгорался, начала грабить, частью молотками и ломами разбивать в мелкие куски всю мебель, бронзу, фарфор и разрывая в клочки все картины и портреты, уничтожая все без разбора, что попадалось ей в глаза, в каком-то бессмысленном, беспощадном исступлении. <...> Вскоре покончили и с домом — рухнули его крыша, полы и потолки и своею тяжестью пробили своды нижнего этажа. Начался погром другого флигеля, оранжерей, сараев и конюшен, а когда и от них ничего не осталось, толпа бросилась на больницу и только тут была остановлена слишком поздно подоспевшими войсками. Так же долго дымилось и тлело в окрестных деревнях награбленное добро, которое крестьяне из опасения обыска тщательно сжигали»<sup>16</sup>.

Практически все ценности, находившиеся в имении, погибли. Сохранилось лишь несколько портретов, незадолго до этого экспонировавшихся на выставке в Таврическом дворце, устроенной С. П. Дягилевым, и собрание миниатюр, вывезенное Александром Александровичем в столицу еще до погрома<sup>17</sup>.

В 1914 году после смерти А. А. Голицына-Прозоровского имение досталось его старшей сестре Анне Александровне (1851–1921). 63-летняя княгиня, которая в 1877 году вышла замуж за Владимира Михайловича Горяйнова (1851–1907) и взяла его фамилию, не планировала заниматься усадьбой. Наследники князей Голицыных-Прозоровских — Горяйновы — продали Зубриловку казне.

В 1920-х годах усадьбу посетили братья А. В. и В. В. Леонтьевы. «Тишина, поросшие травой и полевыми цветами полукруглые площадки перед домом, соседство старого уютного парка <...> быть может, одного из самых привлекательных и значительных памятников этой эпохи во всем Нижне-Волжском крае, и сейчас еще производят сильное впечатление»<sup>18</sup>. Из своей экспедиции Леонтьевы привезли около 120 фотографий, которые находятся ныне в Саратовском Радищевском музее. Также благодаря братьям в музее хранятся две уцелевшие после пожара вышеупомянутые статуи с лестницы: амуры лежащий и опирающийся на урну с медальоном.

## ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Стоит в усадьбе большое мраморное изваяние — женщина с двумя детьми. Одного ребенка, младенца, она держит на руках, второй прильнул к матери, попирая ножками змею. Скульптура пребывает в плачевном состоянии: покрыта мхом и лишайниками, фигуры лишены голов, тело младенца едва различимо. С ней связано следующее поверье: однажды в Зубриловке

некая женщина сидела на поляне с двумя детьми — одного держала на руках, второй, постарше, сидел рядышком. К нему незаметно подползла змея и ужалила его. Укус оказался смертельным, а горе матери необъятным. В память об этой трагедии и было установлено изваяние.

После революции хозяйство Зубриловского имения передается 3-й Петроград-



*Северный фасад дворца  
и лепной декор*



*Часовня*



*Фотографии автора. 2009 год*



*Башня-руина*

*Парадная лестница*

ской сельскохозяйственной коммуне, образованной здесь рабочими Путиловского завода и просуществовавшей до конца 1920-х годов. За это время дворец частично отреставрировали. На полное восстановление деньги выделили лишь в 1930-х годах. Здесь, сменяя друг друга, размещались то дом отдыха, то военный госпиталь, то туберкулезный санаторий. К дому пристроили длинные двухэтажные флигели, к настоящему времени полуразобранные. Но все же

усадьба поддерживалась в стабильно удовлетворительном состоянии, ничто не угрожало ее существованию. Вызывали тревогу почвы со стороны южного фасада. Земля здесь мягкая, рыхлая, влажная, с каждым годом расстояние между домом и склоном сокращается; однажды паводок уже унес современную постройку.

В 1980 году подвал дома затопили грунтовые воды, санаторий был срочно эвакуирован. С тех пор дом стоит заброшенным.

<sup>1</sup> *Вигель Ф. Ф.* История светской жизни императорской России. М., 2008. С. 196.

<sup>2</sup> *Ежова И. К.* Зубриловка. Надеждино. Дворцово-парковые ансамбли в Поволжье конца XVIII — начала XIX века. Саратов, 1974. С. 157.

<sup>3</sup> Там же. С. 65.

<sup>4</sup> *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 138.

<sup>5</sup> *Перфильева Л. М.* Усадьба Голицыных и Голицыных-Прозоровских. М., 1995. С. 228.

<sup>6</sup> В эпоху классицизма подобные малые архитектурные формы в романтическом духе (гроты, беседки, башни, руины) имели широкое распространение.

<sup>7</sup> *Данилова А. М.* Ожерелье светлейшего. Племянницы князя Потемкина. М., 2005. С. 144.

<sup>8</sup> *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 86.

<sup>9</sup> Там же. С. 94.

<sup>10</sup> *Толстой С. Л.* Мать и дед Л. Н. Толстого. М., 1928. С. 92.

<sup>11</sup> *Верещагин В. А.* Разоренное гнездо // Старые годы. 1908. Март. С. 140.

<sup>12</sup> Там же. С. 143—144.

<sup>13</sup> Там же. С. 142.

<sup>14</sup> Там же. С. 141.

<sup>15</sup> *Грот Я. К.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 368.

<sup>16</sup> *Верещагин В. А.* Указ. соч. С. 146.

<sup>17</sup> *Городнова Л.* Разрушился сей дом, засохли бор и сад. Державинская песнь голицынской Зубриловке // Наше наследие. М., 2008. № 86.

<sup>18</sup> *Леонтьев А., Леонтьев В.* Зубриловка. Саратов, 1928. С. 3.

*Сергей Александрович Рогатко*

# Елисеевская гастрономия

**О выдающихся отечественных предпринимателях  
в сфере продовольственной торговли  
купцах Елисеевых**



*Гастроном «Елисеевский» в Москве.  
Современная фотография*

Предком основателя знаменитого Елисеевского магазина на Тверской в Москве был, по преданию, крестьянский сын Петр Елисеев, служивший садовником у графа Шереметева. Однажды зимой 1812 года, когда в поместье съехалось множество именитых гостей, на десерт подали свежую землянику, что вызвало восторженное изумление собравшихся. Граф вызвал своего садовника и публично

спросил о самом главном его желании. Петр ответил: вольная...

Насколько правдива эта история — судить не беремся. Существует и другое мнение: Петр Елисеев крепостным не был, а вышеизложенное предание могло возникнуть из-за того, что деревня Новоселка Луцкого стана Ростово-Переславской провинции Московской губернии, откуда были родом

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

все Елисеевы, находилась по соседству с владением графа Шереметева — село Вошажниково с деревнями и близлежащими селами даже носило название «Графщина». Согласно ревизской сказке 1745 года вотчины Спасо-сокоцкого монастыря деревни Новоселка, род Елисеевых берет свое начало от Ивана Герасимовича, имевшего на тот момент сыновей Тимофея и Семена и восьмилетнего внука от старшего сына<sup>1</sup>. Ревизская сказка 1795 года содержит о семье Елисеевых уже более подробные сведения. Здесь наряду с сыновьями Ивана Герасимовича перечислены их жены, дети и внуки, среди которых впервые упоминается девятнадцатилетний Петр Елисеевич<sup>2</sup>. В следующей ревизии 1811 года, когда деревня Новоселка относилась уже к Родионовской экономической волости Ярославского уезда, значатся дети Петра Елисеевича, впоследствии принимавшие участие в становлении семейного дела: Сергей (10 лет), Григорий (7 лет), родившийся 25 сентября 1804 года, и Степан (5 лет), родившийся 28 октября 1806 года.

Деревня Новоселка состояла в приходе церкви Воскресения Христова села Яковцево. Сохранились немногочисленные исповедные росписи и метрические книги этого храма. Среди прихожан — бывшие и отсутствующие у исповеди Елисеевы: глава семейства Елисей Семенович, его жена Пелагея Яковлевна и трое сыновей — Игнатий, Петр и Василий с женами и детьми. Частое отсутствие в последующие годы Петра Елисеева в исповедных росписях говорит о том, что уже в начале XIX века он занимался отхожим промыслом. После пяти смертей, в том числе отца и матери, от чахотки он забирает семью и перебирается в Петербург.

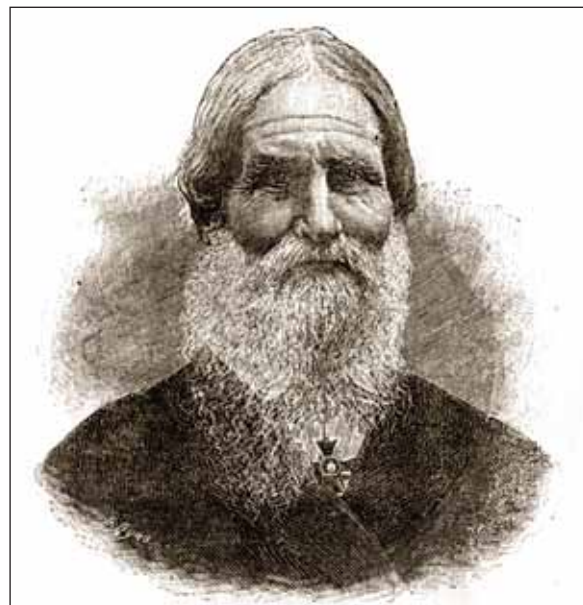
Летом 1813 года в Петербурге на Невском проспекте в доме Котомина (позже — Пастухова) появилась скромная лавка Петра Елисеева для торговли вином и колониальными товарами. Будучи самородком и обладая природной сметкой, Петр буквально на ощупь, интуитивно искал свое место в развивавшемся тогда городском рынке заграничных товаров. Без знания языков, получая товар через третьи руки, он каким-то удивительным образом сумел расширить дело. Уже в 1819 году П. Е. Елисеев заявил в Купеческую управу капитал для дальнейшего ведения оптовой торговли и зачисления в купеческое сословие со всем родом. В 1821-м предприимчивый хозяин снял помещение специально для продажи импортного вина в Санкт-Петербургской таможне, а в 1824-м открыл торговлю в биржевой линии Васильевского острова в доме

Политковского. По характеру Петр Елисеевич был человеком весьма осторожным, скупым и расчетливым. С людьми сходилась не просто. Грамоту знал плохо и потому деньги и бумаги проверял тщательно. В 1825 году он умер, оставив после себя очень энергичную и деловитую вдову — Марию Гавриловну, которой помогали трое сыновей: Сергей, Григорий и Степан.

С 1843 года после смерти Марии Гавриловны дело всецело перешло в руки Григория и Степана. Родители оставили им отлаженное предприятие и солидный капитал. С этого момента фирма стала называться торговым домом «Братья Елисеевы»<sup>3</sup>.

Прекрасный организатор, Григорий Петрович Елисеев стал налаживать контакты с наиболее известными торговыми домами в разных странах. Фирма выписывала продукцию целыми кораблями. Это помогло начать торговлю в «главнейших провинциальных городах» России новейшими гастрономическими

**С 1843 ГОДА ПОСЛЕ СМЕРТИ  
МАРИИ ГАВРИЛОВНЫ ДЕЛО ВСЕЦЕЛО  
ПЕРЕШЛО В РУКИ ГРИГОРИЯ И СТЕПАНА.  
<...> ПРЕКРАСНЫЙ ОРГАНИЗАТОР,  
ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ ЕЛИСЕЕВ  
СТАЛ НАЛАЖИВАТЬ КОНТАКТЫ  
С НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫМИ ТОРГОВЫМИ  
ДОМАМИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ.**



*Григорий Петрович Елисеев*

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

товарами, винами и фруктами. Затем сюда добавилась оптовая продажа кофе, чая, прованского масла, а также торговля дорогими гаванскими сигарами.

К 1845 году фирма настолько расширилась, что потребовалось приобрести собственные корабли. Три грузовых судна закупили в Голландии — «Архангел Михаил», «Святой Николай» и «Конкордия», специально оборудованные для перевозки колониальных товаров. Особенно выделялась трехмачтовая «Конкордия» — быстроходная, имевшая современную по тем временам конструкцию и изящную отделку из дорогостоящих материалов. Как-то во время одной из стоянок на Неве на судно прибыл Великий князь Константин Николаевич и, осмотрев его, остался весьма доволен<sup>4</sup>.

Корабли фирмы «Братья Елисеевы» были парусными и поэтому за время навигации успевали сделать всего два рейса. Данное обстоятельство побудило Григория Петровича арендовать винные подвалы и склады в Бордо, Хересе, Опорто и на острове Мадейра. Сразу появилась возможность закупать вино круглый год и хранить его до очередной навигации.

В 1850-х годах дела фирмы шли настолько успешно, что в России и среди русских купцов за границей им просто не было равных. Известнейшие торговые дома во Франции, Испании, Португалии и на Мадейре считали большой удачей завязать прочные отношения с Елисеевыми. Это, в свою очередь, давало братьям возможность «делать строгий отбор среди товаров, широко браковать их и требовать от заграничных домов вин лучших урожаев». В период с 1858 по 1877 годы размах товарооборота торгового дома братьев Елисеевых позволял им скупать в некоторых винодельческих местностях Франции весь объем урожая, а португальские и испан-

ские вина доставлялись на нескольких судах<sup>5</sup>. Причем закупленные большими партиями красные и белые вина после выдержки их в собственных подвалах и разлива в бутылки поставлялись в Лондон, Бордо, Опорто и даже в Нью-Йорк. Подобные факты лишний раз доказывают, что не только из России вывозилось сырье, в дальнейшем «возвращавшееся» назад в переработанном виде.

В 1857 году Григорий Петрович и Степан Петрович официально учредили торговый дом под маркой «Братья Елисеевы». А на следующий год собственностью фирмы стал один из лучших пароходов того времени «Александр II»<sup>6</sup>.

В 1862 году Елисеевы приступили к постройке обширных складов на Васильевском острове и в течение нескольких лет создали самый грандиозный в империи комплекс складских помещений. По свидетельствам современников, «общее протяжение всех подвалов и кладовых» составляло 475 сажений (примерно километр)<sup>7</sup>, площадь, занимаемая каменными одноэтажными корпусами, — 4300 квадратных сажений (19565 м<sup>2</sup>)<sup>8</sup>. «Чтобы обойти все отделения подвалов и кладовых, вникнуть в детали разнообразных приспособлений, предназначенных к громадным ежедневным отправлениям, к хранению разнообразных колониальных товаров, к воспитанию и розливу вина, недостаточно и дня. Это в своем роде маленький городок с сильно бьющимся пульсом живой работы»<sup>9</sup>. Во дворе складских помещений на Васильевском острове, крытом стеклянной крышей, одновременно скапливалось порой до пятидесяти подвод.

В винных подвалах фирмы братьев Елисеевых, в отличие от хранилищ других фирм, поддерживался постоянный температурный режим. Емкость бочек достигала 700 ведер. Ежедневно разливалось до 15 тысяч бутылок<sup>10</sup>. Каждому сорту вина было отведено свое помещение, оборудованное соответственно требованиям к условиям выдержки данного сорта. Применялась только доливка бочек, переливка и очистка вина. К купажу (смешиванию и обработке) прибегали в редких случаях, так как при закупке вин выбирались уже известные сорта.

В подвалах имелось также солидное коньячное отделение, находившееся под охраной таможенного ведомства. Здесь выдержка коньяка в бочках преобладала над бутылочной, что самым лучшим образом отражалось на его качестве.

Кроме основного предмета торговли «Братьев Елисеевых» — вина, в складских помещениях фирмы было отведено специальное

**В 1850-Х ГОДАХ ДЕЛА ФИРМЫ ШЛИ  
НАСТОЛЬКО УСПЕШНО, ЧТО В РОССИИ  
И СРЕДИ РУССКИХ КУПЦОВ  
ЗА ГРАНИЦЕЙ ИМ ПРОСТО  
НЕ БЫЛО РАВНЫХ. <...>  
В 1857 ГОДУ ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ  
И СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ОФИЦИАЛЬНО  
УЧРЕДИЛИ ТОРГОВЫЙ ДОМ  
ПОД МАРКОЙ «БРАТЬЯ ЕЛИСЕЕВЫ».**



## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

*Торговый дом братьев Елисеевых в Санкт-Петербурге*



*Склады на Биржевой линии*



*Укупорка и укладка розлитого вина в подвалы*



*Наружный вид магазина*



*Внутренний вид магазина*



В 1862 ГОДУ ЕЛИСЕЕВЫ ПРИСТУПИЛИ К ПОСТРОЙКЕ ОБШИРНЫХ СКЛАДОВ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ И В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ СОЗДАЛИ САМЫЙ ГРАНДИОЗНЫЙ В ИМПЕРИИ КОМПЛЕКС СКЛАДСКИХ ПОМЕЩЕНИЙ. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННИКОВ, «ОБЩЕЕ ПРОТЯЖЕНИЕ ВСЕХ ПОДВАЛОВ И КЛАДОВЫХ» СОСТАВЛЯЛО 475 САЖЕНЕЙ (ПРИМЕРНО КИЛОМЕТР), ПЛОЩАДЬ, ЗАНИМАЕМАЯ КАМЕННЫМИ ОДНОЭТАЖНЫМИ КОРПУСАМИ, — 4300 КВАДРАТНЫХ САЖЕНЕЙ (19565 М<sup>2</sup>).

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

отделение для торговли прованским и деревянным (оливковым) маслами. Масла очищались способом отстаивания при строго определенной температуре. Хотя этот способ и требовал больше времени, чем фильтрование через фланелевые мешки, он давал гарантию наивысшего качества<sup>11</sup>. Существовали также кофейное и чайное отделения. Производились поставки сардин и различных сортов сыра.

В 1874 году за «долголетнюю и полезную деятельность» торговый дом «Братья Елисеевы» был награжден правом изображения на своих этикетках и вывесках Государственного герба<sup>12</sup>.

В 1879 году умер Степан Петрович, место которого в фирме занял его сын П. С. Елисеев, но участие последнего оказалось непродолжительным. С 1881 года все предприятие стало принадлежать Григорию Петровичу с сыновьями Александром и Григорием. Скончался он в 1892 году<sup>13</sup>.

Пожалованный личным дворянством, Г. П. Елисеев играл видную роль в общественной и экономической жизни Петербурга. В 1858–1892 годах выбирался гласным Петербургской общей, а затем и городской думы. Являлся выборным от купеческого сословия (1865–1874, с 1877), биржевым старшиной, членом совета государственных кредитных установлений (1869)<sup>14</sup>. Состоял в должности председателя Петербургского учетного и ссудного банка (1875–1882). Старший сын Александр Григорьевич с 1880 по 1895 год принимал активное участие в деятельности торгового дома, но затем посвятил себя финансовой деятельности в качестве члена совета Государственного банка. В 1882–1884 годах он также был председателем правления Петербургского частного коммерческого банка, а затем (до 1892) — членом правления Петербургского учетного и ссудного банка. Наряду с этим А. Г. Елисеев вел большую общественную работу: выборный от купеческого сословия, член Императорского общества судоходства, совета Императорского Человеколюбивого общества. С 1896 года вместе с братом Григорием Григорьевичем он являлся одним из руководителей Общества для распространения коммерческих знаний<sup>15</sup>.

В 1896 году единственным владельцем фирмы стал Григорий Григорьевич Елисеев. К этому времени ее торговая деятельность достигла весьма внушительных размеров. Достаточно сказать, что только одного заграничного вина привозилось и продавалось в среднем до 120 тысяч ведер ежегодно

(22,7% от общего завоза иностранного вина в Россию)<sup>16</sup>. Шампанское: по 56 тысяч бутылок в год (10,18% от суммарного российского импорта). Кроме того, из-за границы было завезено 183918 бутылок ликеров и 293140 бутылок пива и портера<sup>17</sup>. Всего с 1886 по 1896 год фирма выписала всевозможных заграничных товаров на 24881396 рублей, заплатив государству в качестве госпошлины 11178264 рубля<sup>18</sup>. В том же 1896 году Григорий Григорьевич осуществил давно вынашиваемое преобразование торгового дома «Братья Елисеевы» в акционерное общество. Совместно с женой Марией Андреевной и компаньоном А. М. Кобылиным он создал торговое товарищество на паях с капиталом в 3 миллиона рублей<sup>19</sup>. Из 600 именных паев



*Александр Григорьевич Елисеев*



*Григорий Григорьевич Елисеев*

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

по 500 тысяч рублей каждый супругам Елисеевым принадлежало 582<sup>20</sup>.

Григорию Григорьевичу исполнилось тогда всего тридцать два года. Это был стройный элегантный светлоглазый блондин с безукоризненно светскими манерами, отличавшийся тонким острым умом и небывалой выдумкой в предпринимательстве. Именно ему Россия обязана идеей создания огромных по тем временам столичных гастрономов. Реконструировав в 1898 году отцовский магазин в Петербурге (Невский проспект, 18), Г. Г. Елисеев открывает второй магазин в Киеве (Никольская улица, 1). Затем появляется гастроном в Петербурге на Невском проспекте, 56 (построен в 1901–1903 годах в стиле раннего модерна по проекту архитектора Г. В. Баровского), позднее еще один на Большом проспекте, 42, а еще позднее — на Литейном проспекте, 23/25<sup>21</sup>. Всего в Петербурге фирма «Братья Елисеевы» владела семью магазинами. Но главным ее детищем был знаменитый гастроном на Тверской улице в Москве. Первым делом Григорий Григорьевич приказал подобрать соответствующее здание, хорошо известное московской публике и имевшее достойнейшую репутацию. Таким зданием оказался дом на Тверской, 14, сооруженный в конце XVIII века по проекту архитектора М. Ф. Казакова для богатой сибирской золотопромышленницы Е. И. Козицкой. Первоначально он представлял собой дворец в классическом стиле. В последующие сто лет домом-дворцом владели Носовы, Ланины, Морозовы. Он подвергался неоднократным перестройкам и реконструкциям — в результате остались нетронутыми лишь фундамент и часть стен. Здесь бывали Пушкин, Одоевский, Вяземский, Муравьев, Веневитинов, блистала «царица муз и красоты» княжна Зинаида Волконская. Все это, конечно же, учитывал при выборе помещения Григорий Григорьевич<sup>22</sup>.

Перестройку здания поручили архитектору Г. В. Барановскому. Он «зашил весь дом тесом, что было для Москвы новинкой, и получился гигантский деревянный ящик, настолько плотный, что и щелочки не осталось»<sup>23</sup>. Прошел год, второй, но леса по-прежнему окружали стройку. «Нашлись смельчаки, которые, несмотря на охрану и стаю огромных степных овчарок во дворе, все-таки ухитрились проникнуть внутрь, чтобы потом рассказывать чудеса.

— Индийский храм воздвигается, — шептали на московских улицах.

— Мавританский замок, — распускали слухи другие.

*Г. Г. Елисеев.*

*Фотография 1906 года*



**ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ  
БЫЛ СТРОЙНЫЙ ЭЛЕГАНТНЫЙ  
СВЕТЛОГЛАЗЫЙ БЛОНДИН  
С БЕЗУКОРИЗНЕННО СВЕТСКИМИ  
МАНЕРАМИ, ОТЛИЧАВШИЙСЯ ТОНКИМ  
ОСТРЫМ УМОМ И НЕБЫВАЛОЙ  
ВЫДУМКОЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ.  
ИМЕННО ЕМУ РОССИЯ ОБЯЗАНА  
ИДЕЕЙ СОЗДАНИЯ ОГРОМНЫХ  
ПО ТЕМ ВРЕМЕНАМ СТОЛИЧНЫХ  
ГАСТРОНОМОВ.**

— Языческий храм Бахуса, — уточняли третьи.

И вот наконец в 1901 году длившееся почти три года небывалое строительство было завершено. После снятия лесов взору москвичей предстало обновленное, занимавшее почти целый квартал здание, на фронтоне которого вместо княжеского герба сверкало некое мифологическое изображение и модная вывеска: «Магазин Елисеева и погреба русских и иностранных вин»<sup>24</sup>.

По случаю открытия гастронома на Тверской в его торговом зале состоялся молебен,

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

а затем банкет, куда собрался весь цвет московского общества. Гостей встречал сам Григорий Григорьевич Елисеев в безукоризненно сидевшем на нем фраке. В. А. Гиляровский писал о новом магазине: «Горами поднимались заморские фрукты; как груда ядер, высилась пирамида кокосовых орехов с голову ребенка каждый; необъятными пудовыми кистями висели тропические бананы; перламутром отливали разноцветные обитатели морского царства — жители неведомых глубин, а над всем этим блистали электрические звезды на батареях бутылок, сверкая и отражаясь в глубоких зеркалах, вершины которых терялись в туманной высоте»<sup>25</sup>.

После открытия московского гастронома Елисеевых подобный магазин был обустроен на Невском проспекте в северной столице. Вообще надо заметить, что елисеевские магазины представляли собой для того времени невиданное явление не только для России, но и для Европы и Америки. По некоторым сведениям, Григорий Григорьевич даже вынашивал мысль создать сеть гастрономов по типу московского и петербургского в Соединенных Штатах Америки, но... разразилась Первая мировая война.

По размаху, ассортименту товаров, культуре обслуживания елисеевские магазины могли конкурировать с лучшими магазинами мира<sup>26</sup>. Между тем о Григории Григорьевиче Елисееве до сих пор судят как об удачливом продовольственном торговце

— и не более. Мол, достаточно было умело заключить сделки с европейскими партнерами — и прибыль тут же появлялась сама собой. Однако, чтобы купленное сырье и товары могли найти себе широкую дорогу в сбыте, фирме требовалось множество вспомогательных цехов и мастерских по переработке поставляемой продукции, а также обширная служба доставки. Кроме гужевого транспорта, являвшегося в то время основным, Григорий Григорьевич начал использовать автомобили, редкие тогда в России и стоившие больших денег. У Елисеева же имелся целый автопарк. Товарищество владело производственными подразделениями — небольшим водочным заводом в Петербурге и колбасным — в Москве, шоколадным цехом, самостоятельными отделениями по вареньям и мармеладам, уксусным и масляным цехами<sup>27</sup>. Последним всегда придавалось важное значение, так как они давали необходимое при консервировании сырья. В масляном подразделении работала специальная промышленная установка, с помощью которой осуществлялась очистка и фильтрация прованского масла, используемого для консервирования рыбы. Отдельно обрабатывалась икра. Сырами занимались опытные мастера-сыроделы. В специальных помещениях пережаривался кофе: в продаже всегда имелось несколько его сортов. Для переработки фруктов и овощей были оборудованы подвалы: покупатель получал яблоки без единого пятнышка и виноградные грозди без единой мятой или гнилой ягодки<sup>28</sup>.

Торговый дом «Братья Елисеевы» располагал большим штатом рабочих и служащих. В конторе, центральной кассе, упаковочном отделении и экспедиции трудились правоведа, бухгалтеры, эксперты и множество людей иных профессий, вплоть до собственного ветеринарного врача.

Наряду с магазинной и оптовой торговлей, Григорий Григорьевич владел несколькими доходными домами в Петербурге и Москве, виноградниками на юге России. В Петербурге содержал вышеупомянутые водочный завод и кондитерскую фабрику. Оба предприятия находились на Биржевой линии. Г. Г. Елисеев являлся также директором правления компании «Новая Бавария», которому принадлежал пивоваренный завод на Палюстровской набережной, кандидатом в члены правления АО «Санкт-Петербургская химическая лаборатория» (учреждено в 1890 году, владело парфюмерной фабрикой, открытой в 1860-м)<sup>29</sup>. В своем имении в Екатеринославской губер-

ПО РАЗМАХУ, АССОРТИМЕНТУ ТОВАРОВ,  
КУЛЬТУРЕ ОБСЛУЖИВАНИЯ  
ЕЛИСЕЕВСКИЕ МАГАЗИНЫ  
МОГЛИ КОНКУРИРОВАТЬ  
С ЛУЧШИМИ МАГАЗИНАМИ МИРА. <...>  
ТОВАРИЩЕСТВО ВЛАДЕЛО  
ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ  
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ — НЕБОЛЬШИМ  
ВОДОЧНЫМ ЗАВОДОМ В ПЕТЕРБУРГЕ  
И КОЛБАСНЫМ — В МОСКВЕ,  
ШОКОЛАДНЫМ ЦЕХОМ,  
САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ  
ПО ВАРЕНЬЯМ И МАРМЕЛАДАМ,  
УКСУСНЫМ И МАСЛЯНЫМ ЦЕХАМИ.

*Павильон фирмы «Братья Елисеевы»  
на Всероссийской промышленной и художественной  
выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году.  
Фотография из альбома участников выставки.  
(СПб., 1896)*



нии он имел конный завод; здесь же разводил известную по всему югу страны семенную рожь «Елисеевская». В 1897 году вошел в число учредителей первой в России автомобильной фабрики — АО «Фрезе и Ко».

В 1896 году фирма «Братья Елисеевы» экспонировала свои вина на Нижегородской выставке, где вторично удостоилась права изображения на своих товарах Государственного герба. В 1900-м на Всемирной выставке в Париже Г. Г. Елисеев выставил вне конкурса коллекцию бордоских вин «Retour de Russie» (белых 1847 года и красных 1864-го). Правительство Франции наградило хозяина этой коллекции орденом Почетного легиона<sup>30</sup>.

Коснемся теперь деятельности Елисеевых на ниве благотворительности.

Еще в 1855 году Г. П. Елисеев, желая увековечить память умершей в 1849 году своей единственной горячо любимой дочери Елизаветы Григорьевны, купил каменный дом в Петербурге на Васильевском острове (3-я линия, 28)<sup>31</sup>. Так начиналась организация Елизаветинской богадельни Елисеевых. Первоначально в ней содержалось 40 человек. К 1906 году в богадельне находились уже 100 женщин и 25 мужчин. Кроме того, в здании помещались 40 «квартирных» (семейных). Когда-то одноэтажный, дом стараниями Александра Григорьевича Елисеева за это время превратился в трехэтажный.

В 1882 году в память одного из братьев Елисеевых — Степана Петровича — его сыном Петром Степановичем Елисеевым на Большеохтинском кладбище был сооружен в русско-византийском стиле величественный храм Казанской Божией Матери (взорван в 1929 году)<sup>32</sup>. На средства П. С. Елисеева также перестраивался и ремонтировался в 1879 году дом

петербургского купца Василия Харавина. По просьбе настоятеля Большеохтинской церкви протоиерея Иоанна Вишневского дом оборудовали для призрения вдов и сирот духовного звания со школой и амбулаторией.

В Ораниенбауме А. Г. Елисеев попечительствовал над Свято-Троицким богадельным домом. В течение 16 лет он и его родные (братья и жена) пожертвовали сюда в виде неприкосновенного капитала, членских взносов и прочего до 90 тысяч рублей<sup>33</sup>.

В начале 1870-х годов Елисеевы становятся благотворителями Покровской общины сестер милосердия в Петербурге. А. Г. Елисеев за труды на благо Покровской больницы удостоился ордена Святого Владимира.

В 1881 году в память погибшего императора Александра II была задумана постройка в Петербурге на Васильевском острове по Большому проспекту больницы для бедных. В апреле 1888 года Г. П. Елисеев, пожертвовавший ранее по подпискам 15 тысяч рублей, пожелал внести 65 тысяч на строительство еще одного барака<sup>34</sup>, который решили назвать «барак Г. П. Елисеева», а его сын Александр Григорьевич закупил для больницы все оборудование, обошедшееся в 3305 рублей<sup>35</sup>.

**В 1896 ГОДУ ФИРМА «БРАТЬЯ ЕЛИСЕЕВЫ»  
ЭКСПОНИРОВАЛА СВОИ ВИНА  
НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ВЫСТАВКЕ,  
ГДЕ ВТОРИЧНО УДОСТОИЛАСЬ ПРАВА  
ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СВОИХ ТОВАРАХ  
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА.  
В 1900-М НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ  
В ПАРИЖЕ Г. Г. ЕЛИСЕЕВ ВЫСТАВИЛ  
ВНЕ КОНКУРСА КОЛЛЕКЦИЮ  
БОРДОСКИХ ВИН «RETOUR DE RUSSIE» .  
ПРАВИТЕЛЬСТВО ФРАНЦИИ НАГРАДИЛО  
ХОЗЯИНА ЭТОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОРДЕНОМ  
ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА.**

В 1907 году А. Г. Елисеев приобрел участок земли стоимостью в 500 тысяч рублей в Лесном (2-й Муринский проспект, 101, 108) и пожертвовал его Императорскому Человеколюбивому обществу для строительства Еленинской онкологической больницы на 25 коек<sup>36</sup>.

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

Одним из первых объектов покровительства Елисеевых в сфере народного образования стал Дом призрения и ремесленного обучения бедных детей, вскоре превратившийся в Ремесленное училище цесаревича Николая и Женскую рукодельную школу Марии Александровны. Степан Петрович Елисеев внес на его создание одну из самых больших сумм — 8 тысяч рублей<sup>37</sup> (всего жертвователей было около 50 человек). Семья имела также собственную бесплатную женскую рукодельно-хозяйственную школу имени А. Г. Елисеева. Основанная 8 сентября 1893 года, она первоначально располагалась в собственном доме А. Г. Елисеева на Васильевском острове в Петербурге. Все расходы на содержание школы принял на себя учредитель. Жившие здесь воспитанницы пользовались бесплатным полным содержанием, а приходящие получали в стенах заведения пищу и одежду. Учебные пособия, книги, материалы для работ предоставлялись ученицам также бесплатно. Будучи в 1892—1914 годах гласным Петербургской городской думы, глава семейного дела Григорий Григорьевич Елисеев входил в состав училищной и благотворительной думских комиссий. Во время русско-японской войны

он был членом наблюдательного комитета Красного Креста и одновременно попечителем Петербургской барачной больницы<sup>38</sup>. Несколько лет занимал должность чиновника особых поручений при главном начальнике военно-учебных заведений. В 1902 году стал инициатором учреждения первых в России коммерческих общедоступных курсов. Г. Г. Елисеев состоял также почетным попечителем Санкт-Петербургского учительского института, внося, кроме ежегодной субсидии в 1 тысячу рублей, по 250 рублей в качестве платы за одного из беднейших воспитанников по представлению директора<sup>39</sup>. В своем имении в Московской губернии Григорий Григорьевич учредил в 1892 году сельскохозяйственную школу<sup>40</sup>. За многогранную благотворительную деятельность Г. Г. Елисеев по высочайшему указу был награжден орденом Святого Владимира, а в 1910 году «за особые заслуги на пользу и преуспевание отечественной промышленности Всемилоостивейше возведен в потомственное дворянское Российской империи достоинство». Об огромном авторитете Григория Григорьевича как в России, так и за рубежом, говорит то, что он являлся почетным генеральным консулом Дании в Петербурге.



*Елисеевский магазин в Ленинграде.  
Фотография А. Ф. Шувалова. 1989 год*

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

### *Елисеевские магазины:*



*на Невском  
проспекте  
в Санкт-  
Петербурге*



*на Тверской  
улице  
в Москве*

*Фотографии  
автора. 1998 год*

22 октября 1913 года состоялось празднование 100-летнего юбилея фирмы, проходившее в главной конторе на Васильевском острове в доме № 14 по Биржевой линии. На торжестве присутствовали члены Государственного совета, петербургский губернатор со свитой, знаменитый винодел князь Л. С. Голицын, многочисленные друзья. Всего гостей собралось около четырех тысяч человек<sup>41</sup>. Григорий Григорьевич в своей приветственной речи сказал: «Господа! На меня выпал счастливый случай переступить столетие торговой деятельности рода Елисеевых, и я прежде всего с особой радостью должен обратить внимание на то, что отличительной чертой представителей этого рода была беззаветная преданность православно́й вере, русскому царю и России»<sup>42</sup>.

Григорий Григорьевич Елисеев к этому времени имел пятерых сыновей, но, что ин-

тересно, никто из них так и не захотел пойти по стопам отца. Один окончил медицинскую академию, другой учился на востоковеда, третий на юриста, четвертый на инженера, а пятый был тогда еще очень молод. И неизвестно, как в дальнейшем сложилась бы судьба семейного дела, не случись в жизни хозяина одно непредвиденное обстоятельство. Он влюбился в супругу крупного ювелира. Жена Мария Андреевна о разводе даже слышать не хотела. Находясь в конфликтной ситуации с мужем, она в 1912 году передала на содержание своих детей капитал в 325 тысяч рублей<sup>43</sup>. Все попытки Григория Григорьевича в судебном порядке оспорить это решение оказались безрезультатны. И все-таки он настоял на разводе. Потеряв всякую надежду сохранить семью, Мария Андреевна покончила с собой. Пресса смаковала мельчайшие подробности распада семейства

## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

*Гастроном «Елисеевский» в Москве.  
Современные фотографии*



*Портрет Г. Г. Елисеева в центральном зале*



*Фрагмент интерьера*

Елисеевых. В доме осталась жить только младшая дочь Маша, но и она в скором времени уехала к братьям. Вплоть до 1917 года длилось судебное разбирательство по жалобе Г. Г. Елисеева о похищении его дочери. Репутация владельца товарищества «Братья Елисеевы» была подорвана окончательно<sup>44</sup>. Сыновья отказались от наследства. Обвенчавшись с новой женой, Григорий Григорьевич Елисеев свернул дела и уехал за границу.

В 1917 году в Петрограде умер его брат Александр Григорьевич. С этой смертью закончилась история торговой династии Елисеевых.

После Февральской революции за границу уехал Сергей Елисеев, востоковед, а затем и юрист Николай. В Петрограде оставалась лишь семнадцатилетняя внучка Г. Г. Елисеева Мариэтта. Вскоре она обвенчалась со своим женихом Андреем (фамилия неизвестна) — молодым юнкером, погибшим в гражданской войне. В 1918 году вернулся с фронта Первой мировой Григорий (отец Мариэтты, сын Григория Григорьевича) и устроился работать в больницу. В 1934-м Елисеевых выслали в Уфу, где Григорий Григорьевич работал в медицинском институте, а в 1937-м он и его младший брат Павел Елисеев были арестованы якобы по делу убийства Кирова. Оба умерли в лагере, Мариэтта — в Москве<sup>45</sup>.

Сам глава некогда могущественного торгового предприятия, уехавший в Париж, скон-

чался в 1949 году. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Позже там появились могилы его сыновей Николая, Сергея и их жен.

Ныне многочисленные потомки рода Елисеевых рассеяны по всему миру — Франция, Швейцария, США... Среди них — и юристы, и хирурги, и даже японисты. Нет только коммерсантов. Никто и не помышляет о восстановлении былого величия фирмы Елисеевых.

В Петербурге по сей день проживает внучка последнего Елисеева — актриса Анастасия Григорьевна Елисеева. Она пережила ленинградскую блокаду, выступала на фронтовых подмостках, много ездила с гастролями по стране. Ее сын — биолог — живет в США.

...Мне не раз приходилось слышать, что многие наши соотечественники, эмигрировавшие когда-то за рубеж и в первые годы перестройки приезжавшие в Москву, в первую очередь спешили убедиться — стоит ли красавец «Елисеевский» на Тверской. И, найдя магазин на своем месте, успокаивались: значит, не все еще в России потеряно.

*Иллюстрации, кроме оговоренных,  
взяты из книги: Альмедингер А. Н.  
Иностранные вина и колониальные товары  
(СПб., 1896)*

<sup>1</sup>Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 100, оп. 7, д. 146 а, л. 3187.

<sup>2</sup>Там же. Д. 322, л. 805 об. — 806.

<sup>3</sup>Всероссийская промышленная и художественная выставка. Нижний Новгород, 1896. Торговое товарищество «Братья Елисеевы». СПб., 1900. С. X.

<sup>4</sup>Альмедингер А. Н. Иностранные вина и колониальные товары. СПб., 1896. С. XII.

<sup>5</sup>Там же. С. XII—XIII.

<sup>6</sup>Там же. С. XIII.

<sup>7</sup>Данилов А. А. Справочные материалы. История России IX—XIX вв. М., 1998. С. 348.

<sup>8</sup>Там же.



## ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РОССИИ

- <sup>9</sup>Альмедингер А. Н. Указ. соч. С. XIV.
- <sup>10</sup>Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 234.
- <sup>11</sup>Альмедингер А. Н. Указ. соч. С. XVII.
- <sup>12</sup>Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 235.
- <sup>13</sup>Барышников М. Н. Деловой мир в России (историко-биографический справочник). СПб., 1998. С. 165.
- <sup>14</sup>Там же. С. 165.
- <sup>15</sup>Там же.
- <sup>16</sup>Альмедингер А. Н. Указ. соч. С. 211.
- <sup>17</sup>Там же.
- <sup>18</sup>Там же. С. XVIII.
- <sup>19</sup>Устав торгового товарищества «Братья Елисеевы». СПб., 1897. С. 2.
- <sup>20</sup>РГИА. Ф. 23, оп. 24, д. 298, л. 49.
- <sup>21</sup>Барышников М. Н. Указ. соч. С. 165.
- <sup>22</sup>Васильев В. Создатель храма на Тверской //Провиант. 1997. № 4.
- <sup>23</sup>Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 235.
- <sup>24</sup>Васильев В. Указ. соч.
- <sup>25</sup>Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1981. С. 196–197.
- <sup>26</sup>Васильев В. Указ. соч.
- <sup>27</sup>Там же.
- <sup>28</sup>Там же.
- <sup>29</sup>Барышников М. Н. Указ. соч. С. 165.
- <sup>30</sup>Русский торгово-промышленный мир. Вып. 2. М., 1914. С. 23.
- <sup>31</sup>Красильщиков А. Храмы, школы и больницы Елисеевых. Елисеевы: известные и забытые факты //Нева. 1998. № 1. С. 215.
- <sup>32</sup>Там же. С. 217.
- <sup>33</sup>Там же. С. 218.
- <sup>34</sup>Там же. С. 222.
- <sup>35</sup>Там же.
- <sup>36</sup>Там же.
- <sup>37</sup>Там же. С. 219.
- <sup>38</sup>Русский торгово-промышленный мир. Вып. 2. М., 1914. С. 23.
- <sup>39</sup>Деятели России. СПб., 1906. С. 330(6).
- <sup>40</sup>Русский торгово-промышленный мир. Вып. 2. М., 1914. С. 23.
- <sup>41</sup>Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 236.
- <sup>42</sup>100-летний юбилей торгового товарищества «Братья Елисеевы». СПб., 1913. С. 3.
- <sup>43</sup>Купечество и промышленность. 1912. Декабрь. С. 11.
- <sup>44</sup>Барышников М. Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006. С. 73.
- <sup>45</sup>Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 237.



**ИНФОРМНАУКА**

**ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!**

**ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:**

- ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
- ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
- ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20  
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81  
E-mail: [alfimov@viniti.ru](mailto:alfimov@viniti.ru) [www.informnauka.com](http://www.informnauka.com)

*Ксения Андреевна Кропотова*

# Мастера сценографии

О московских театральных декораторах  
первой половины XIX века  
Карле и Иосифе Браунах



*К. Браун. Эскиз декораций к опере «Чурова долина, или Сон наяву». 1844 год*

В истории русского изобразительного искусства XIX века есть немало незаслуженно забытых персонажей. Среди них — художники-декораторы, театральные оформители, всю свою творческую жизнь трудившиеся во славу русского театра. Один из таких мастеров — московский художник Карл Осипович Браун.

В январе 1825 года в Москве состоялось торжественное открытие Большого театра. Это стало важным событием для древней столицы — в 1805-м пожар уничтожил стоявший на том же месте Петровский театр, а в 1812-м во время наполеоновского нашествия сгорел театр на Арбатской площади, и с этого времени московская Императорская труппа не

имела собственного помещения. Новый театр, построенный по проекту архитектора Осипа Бове, был признан одним из лучших театральных зданий Европы. Его сцена открывала большие возможности для демонстрации своего мастерства не только артистам, но и художникам-декораторам. И, судя по отзывам современников, декорационное оформление спектаклей оказалось достойным столь блестящей сцены. А создавал его небольшой штат декораторов во главе с Карлом Осиповичем Брауном.

Карл Браун состоял в должности декоратора и театрального машиниста московских Императорских театров с 1824 по 1854 год. В том,

## ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА



*К. Браун. Эскизы декораций к опере «Аскольдова могила». 1835 год*



что в его ведении находилось одновременно и написание декораций к спектаклям, и исполнение для них сценических машин, нет ничего удивительного. Совмещать деятельность художника-декоратора и машиниста-механика доводилось не только Брауну; так, в 1834–1879 годах немецкий художник Андреас Роллер был и декоратором, и главным машинистом Санкт-Петербургских театров, а в Москве с 1861 года обе театральные специальности совмещал Карл Вальц.

Архивные сведения о Брауне довольно скудны. До сих пор не найдены документы, относящиеся к его ранней деятельности. Нам неиз-

вестны место его рождения и годы жизни, нет и сведений о том, где он обучался изобразительному искусству. Скорее всего, Браун осваивал декорационное мастерство за границей и приехал в Россию уже сложившимся мастером. Во второй четверти XIX века и в дальнейшем на службе в Императорских театрах по «декорационной части» работало немало немцев — например, те же Андреас Роллер и Карл Вальц. Но начало «немецкому периоду» в русском театрально-декорационном искусстве положил именно Карл Браун.

Деятельность Брауна пришлась на времена расцвета романтизма в театре. Он оформлял

## ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА



*К. Браун. Эскизы декораций к опере «Вадим, или Пробуждение двенадцати спящих дев». 1831 год*

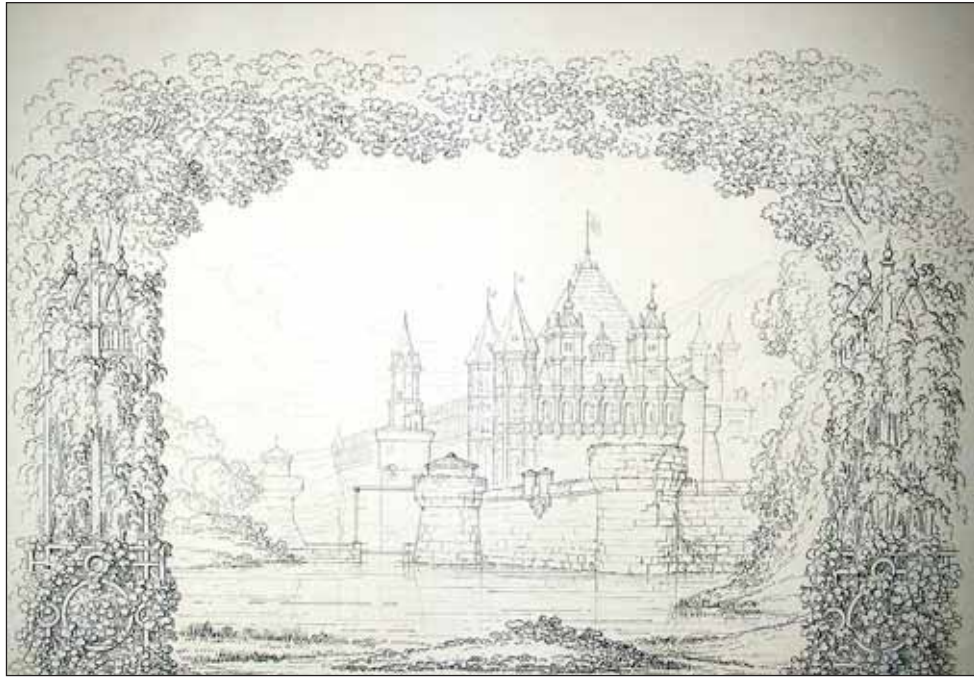


балеты Ф. Тальони и Ж. Перро, оперы Дж. Мейербергера, Д. Обера, В. Беллини. Тогда же стал формироваться и русский национальный репертуар, немалую лепту в становление которого внес композитор Александр Николаевич Верстовский<sup>1</sup>, писавший оперы на сюжеты древнерусских и славянских преданий. Все шесть его опер были поставлены на сцене Большого театра, над декорациями к пяти из них — «Пан Твардовский» (1828), «Вадим, или Пробуждение двенадцати спящих дев» (1832), «Аскольдова могила» (1835), «Тоска по родине» (1839) и «Чурова долина, или Сон наяву» (1841) — работал Карл Браун, и ко всем этим операм сохранились

его эскизы<sup>2</sup>. Это выполненные на бумаге тщательные и подробные акварели с прорисованными тушью и пером деталями.

Эскизы к операм Верстовского свидетельствуют, что Браун одинаково умело писал и архитектурные, и пейзажные декорации. Его перспективные построения безупречны, ландшафты, при всей их театральной условности, весьма убедительны, а цветовое решение сдержанно и гармонично. Во многих случаях Браун увлекается разнообразными эффектами освещения — этого требовали сюжеты романтических спектаклей. В его работах мы видим и закатное небо, и лунные

## ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА



*К. Браун. Эскизы декораций к балету «Дева Дуная». 1838 год*



пейзажи; есть пейзажи с несколькими источниками освещения, как, например, на эскизе к «Аскольдовой могиле» (холодный свет луны и теплый свет из окна).

Спектакли эпохи романтизма были насыщены сценическими «чудесами» — превращениями и полетами, буйством природных стихий, пожарами и разрушениями. Такие наличествуют и в работах Брауна. Так, на одном из эскизов к опере «Чурова долина, или Сон наяву» изображено летящее над облаком чудовище, под крыльями которого резвится нечисть.

«Чурова долина» писалась по мотивам славянских преданий и сказок В. Даля, дейст-

вие «Аскольдовой могилы» разворачивалось в Киеве в X веке, а либретто оперы «Вадим, или Пробуждение двенадцати спящих дев» отсылает нас к балладе В. Жуковского, герои которой живут на Руси в «незапятнанную старину». Браун, воплощая легендарную и сказочную Древнюю Русь, создавал архитектурные фантазии на основе русского и европейского зодчества — в его эскизах мы можем найти и немецкие средневековые замки, и элементы готических храмов, и мотивы московской архитектуры XVII века. Попытки Брауна придать «русский колорит» европейским архитектурным формам — один

## ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

*И. Браун. Эскиз декорации к опере «Громобой». 1857 год*



из первых шагов, сделанных театральными художниками на пути постижения национальной темы в то время, когда «не только декораторы, но даже архитекторы имели самые младенческие понятия о русской древней архитектуре и искусстве»<sup>3</sup>.

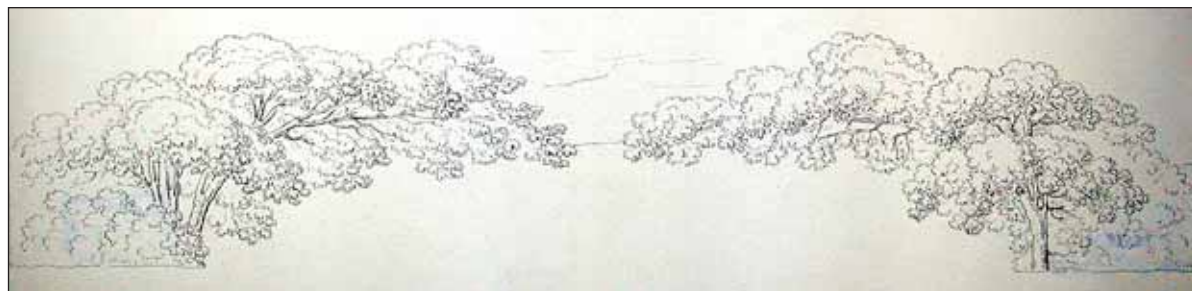
Многие эскизы к операм Верстовского у Брауна населены персонажами — то есть это уже не только декорации, но и мизансцены, что роднит его театральные работы со станковыми пейзажами первой четверти XIX века. Браун, кстати, занимался и станковой графикой (серия видов Москвы для путеводителя, изданного в 1824 году С. Н. Глинкой).

До нашего времени дошли эскизы Брауна и к балетным спектаклям, выполненные тушью и пером (эскизов в цвете, к сожалению, не сохранилось). Они чудом уцелели после пожара Большого театра 11 марта 1853 года<sup>4</sup> и сейчас находятся в собрании ГЦТМ. В 1829-м рецензент «Московского телеграфа» В. Ушаков писал: «Ныне московские балеты по искусству нашей труппы, по великолепию декораций и костюмов и по удобству обширной сцены

здесь театра могут удовлетворить требования самого взыскательного хореографа»<sup>5</sup>. И основная заслуга по созданию этого «великолепия» принадлежит Карлу Брауну.

Сохранились его рисунки к балету, с которого началась романтическая эпоха в этом виде сценического искусства, — «Сильфиде», поставленной Ф. Тальони в Москве в 1837 году. Речь идет о фрагментах декорации второго действия, разворачивающегося в лесу: аккуратные и строгие группы деревьев, тщательно вырисованные лесные «арки» — верхние части декораций, а также задник с изображением холмистого пейзажа.

В следующем году в Большом театре Тальони ставит еще один балет — «Дева Дуная», декорационное оформление которого, выполненное Брауном и его помощниками, вызвало восхищение критиков. Поражала воображение очевидцев, в частности, «чистая перемена» — смена декорации на глазах у зрителя, когда он вместе с персонажами опускался на речное дно. Рецензент отмечал, что в этой сцене была «прекрасно соблюдена постепенность перехо-



*Эскиз декорации к балету «Сильфиде». 1837 год*

да из царства подлунного в царство подводное: вы нечувствительно отделяетесь от земли; сперва земля и камни; потом корни дерев; потом сталактиты и, наконец, подводные растения и цветы»<sup>6</sup>. А как выглядело дно Дуная, мы можем увидеть на рисунке Брауна: композиция изображает подводный грот, в центре которого на возвышении стоит старец — сам Дунай.

«Декорация замечательная по верности своей перспективы есть та, которая изображает замок на Дунае; отражение в воде и колорит самой воды исполнены превосходно», — сообщал зритель об оформлении второго действия спектакля<sup>7</sup>. Нам же остается судить об этой декорации лишь по перьевому рисунку Брауна: сквозь «лесную арку» открывается вид на замок, стоящий на берегу реки, в воде несколькими штрихами намечено его отражение. Архитектура не имеет конкретных прототипов, художник лишь обозначает, что действие происходит где-то в Европе; на это указывают и готические стелы, просвечивающие сквозь листья арки.

Карл Браун работал в Большом театре до 1854 года и был уволен «по уменьшению потребности в декорационных работах после сгорания Большого театра и в видах сокращения излишних издержек Дирекции, при настоящих незначительных доходах ее от сборов одного театра»<sup>8</sup>. Но еще до пожара штат декораторов увеличился за счет переведенных в Москву петербургских художников, и театральное руководство, видимо, решило сделать ставку на них. В 1856 году Большой театр вновь открылся, и на следующий год Браун попытался вернуться на службу, но ему в этом отказали. О дальнейшей судьбе декоратора ничего не известно.

\* \* \*

Во время службы в Большом театре Карл Браун преподавал декорационное искусство в Московском театральном училище. Веро-

ятно, одним из его учеников был сын Иосиф (1819—1868?), который тоже впоследствии стал декоратором Большого театра. Работы Брауна-младшего очень близки по манере исполнения эскизам отца — та же точная линия, грамотное перспективное построение, аккуратно прорисованные детали, сдержанный колорит. Карл Вальц, машинист и декоратор московских Императорских театров с 1861 года, писал в воспоминаниях, что декорации Иосифа Брауна «отличались совершенно исключительной аккуратностью и вырисованностью деталей»<sup>9</sup>, а его декорация ночного Парижа из балета «Эсмеральда» производила «феерическое впечатление»<sup>10</sup>. Летом, когда заканчивался сезон в Императорских театрах, И. Браун украшал представления в знаменитом саду «Эрмитаж» — любимом месте гуляния москвичей.

Иосиф написал множество декораций для различных спектаклей открытого после пожара Большого театра. Среди них немало типовых, то есть не предназначенных для конкретного спектакля: «русская изба», «готические комнаты», «внутренность волшебного замка», «городская комната», тюрьмы, немецкие и французские «избы», «бедные» и «богатые» павильоны. Иосиф был одним из декораторов последней, шестой оперы А. Н. Верстовского «Громобой» (1854), поставленной в Москве в 1857 году. Несколько сохранившихся эскизов к этой опере подтверждают характеристику, данную художнику К. Вальцем, — они действительно выполнены профессионально и тщательно. Особенно эффектен эскиз четвертого действия — «Разрушение палат Громобоя», характеризующий автора как незаурядного мастера архитектурной декорации.

В 1861 году Иосифа Брауна уволили из театра, но исполненные им декорации еще долгие годы использовались в постановках Большого, а его эскизы теперь являются украшением коллекции Бахрушинского музея.

<sup>1</sup>Верстовский Александр Николаевич (1799—1862) — композитор и театральный деятель. Работал в разнообразных музыкальных жанрах — писал оперы, музыку к мелодрамам и водевилям, кантаты, песни и романсы. 30 лет занимал руководящие должности в дирекции Императорских театров.

<sup>2</sup>Находятся в собрании ГЦТМ им. А. А. Бахрушина (отдел декорационно-изобразительных материалов).

<sup>3</sup>Стасов В. В. «Руслан и Людмила» М. И. Глинки. К 50-летию этой оперы на сцене // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1891/1892 гг. СПб., 1892. С. 322.

<sup>4</sup>РГАЛИ. Ф. 659, оп. 4, ед. хр. 3560. Списки рисунков, декораций и костюмов, уцелевших после пожара в Большом театре 11 марта 1853 г.

<sup>5</sup>Московский телеграф. 1829. Ч. 28. № 15 (цит. по: Петров О. А. Русская балетная критика конца XVIII — первой половины XIX века. М., 1982. С. 98).

<sup>6</sup>Хроника. Московский театр // Галатея. 1839. Ч. 5. № 36 (цит. по: Петров О. А. Указ. соч. С. 166).

<sup>7</sup>Там же.

<sup>8</sup>ОР ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Ф. 486, ед. хр. 1800, л. 4—5.

<sup>9</sup>Вальц К. Ф. Шестьдесят пять лет в театре. Л., 1928. С. 31.

<sup>10</sup>Там же. С. 70.

*Александр Александрович Подмазо*

# О некоторых работах «неизвестного художника XIX века» А. М. Горшмана

**По поводу атрибуций этого автора,  
публиковавшихся и в «Московском журнале»**

В 1996 году в 7-м томе Российского архива увидел свет «Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг.»<sup>1</sup>. Впервые была сделана попытка собрать в одном издании биографии всех российских генералов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813—1814 годов. Авторы-составители старались максимально полно проиллюстрировать «Словарь...», в результате чего там оказалось много портретов, ранее не известных широкому кругу исследователей.

Постепенно эйфория от выхода «Словаря...» сменилась недоумением, а затем и разочарованием из-за многочисленных ошибок в биографиях и низкого качества иллюстраций. Попытки найти более качественные экземпляры изображений, помещенных в «Словаре...», вызвали определенные проблемы, поскольку из 408 приведенных портретов местонахождение оригиналов указывалось только в семи случаях.

Часть портретов была опубликована в «Словаре...» впервые, что делало вопрос о местонахождении их оригиналов наиболее актуальным. Характерный стиль, невысокое качество исполнения, жесткая манера передачи черт лица и деталей одежды на некоторых из этих портретов говорили о том, что они исполнены одним художником, причем невысокого уровня (не получившего систематического художественного образования). Речь шла в первую очередь о портретах П. С. Ланского, А. А. Ласкина, У. В. Мура, Ф. Ф. Падейского, Ю. И. Поливанова, П. А. Рахманова и И. Л. Трескина. У всех в качестве автора фигурировал «неизвестный художник начала XIX века». Тот факт, что другие работы данного художника до выхода «Словаря...» никому не были известны и нигде ранее не публиковались, вызывал большое удивление.

Оригинал одного из портретов, опубликованного в «Словаре...», а именно — генерал-майора Юрия Игнатьевича

Поливанова<sup>2</sup> (автор биографической статьи А. М. Горшман), находится в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева. В музей полотно поступило в 1922 году из Государственного музейного фонда как «Портрет неизвестного георгиевского кавалера» работы неизвестного художника второй половины XVIII века. Позднее сотрудник Саратовского музея Г. Е. Федорова атрибутировала его как портрет Карла Федоровича Боура, и под таким названием в 2004 году он был опубликован в каталоге музея<sup>3</sup>.

При внимательном рассмотрении обоих портретов видно, что портрет из «Словаря русских генералов...» является вольной перерисовкой портрета из Саратовского музея, в процессе которой к изображению были добавлены шейный крест ордена Святого Владимира 3-й степени и золотой крест для офицеров, участвовавших в штурме Очакова. Дорисованные награды очень удачно подтвердили приведенную Горшманом биографию Ю. И. Поливано-





*«Портреты  
П. С. Ланского,  
А. А. Ласкина,  
Ф. Ф. Падейского,  
П. А. Рахманова,  
И. Л. Трескина»  
из «Словаря русских генералов...»*

ва. Удивляет только отсутствие на перерисованном портрете золотого креста за взятие Измаила, которым, как пишет Горшман, Поливанов был также награжден.

Другой портрет, очень похожий на помещенный в «Словаре...», — портрет контр-адмирала Устина Васильевича Мура<sup>4</sup>, находится в Национальном художественном музее Республики Саха (Якутия). Он числится как «Портрет военного» работы неизвестного художника первой половины XIX века. На нем можно увидеть морского штаб-офицера с орденами Святой Анны 2-й степени с алмазами и Святого Георгия 4-го класса. На портрете же из «Словаря...» (автор биографической статьи также Горшман), который, как и портрет Поливанова, является перерисовкой с музейного портрета, изображено адмиральское

шитье на воротнике и эполеты с густой бахромой, а помимо указанных наград, добавлены еще орден Святого Владимира 4-й степени с бантом и пряжка, обозначающая наличие наградного золотого оружия с надписью «За храбрость».

Вот так, благодаря легкому движению руки копииста, неизвестный флотский штаб-офицер превратился в капитан-командора Мура, произведенного Горшманом в контр-адмиралы. К тому же портрет стал идеально иллюстрировать биографию Мура, сочиненную Горшманом, где между прочим говорится, что «в 1790 г., находясь на линейном корабле «Ярослав», [Мур] участвовал в Ревельском и Выборгском морских сражениях и при блокаде с моря Свеаборга, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом и золотым оружием».<sup>5</sup>

На самом же деле капитан-командор Мур ордена Святого Владимира 4-й степени удостоился 15 марта 1819 года «за 35-летнюю беспорочную службу от вступления в обер-офицерский чин»<sup>6</sup>. Да и до чина контр-адмирала Устин Васильевич так и не дослужился: 16 января 1825 года капитан-командор Мур был исключен из списков умершим.

Оба перерисованных портрета, ставших портретами Поливанова и Мура, а точнее, фотографии с них передавал для публикации в «Словаре...» Горшман так же, как и фотографии других упомянутых выше портретов. По странному совпадению, все они иллюстрируют биографические статьи, написанные Горшманом.

Еще один похожий по стилю портрет был опубликован в 2003 году в альманахе



*«Портрет Ю. И. Поливанова»  
из «Словаря русских генералов...»*



*Портрет Н. Ф. Боура  
из Саратовского  
художественного музея*



*«Портрет У. В. Мура»  
из «Словаря русских генералов...»*



*Портрет неизвестного  
военного из Якутского  
художественного музея*



*«Портрет М. М. Бороздина из Рижского музея западного искусства»*

«Памятники культуры. Новые открытия» в статье Горшмана «Портрет М. М. Бороздина...»<sup>7</sup>, где автор сообщает, что копию с портрета неизвестного военного в числе других слайдов и цветных фотографий прислала ему сотрудница Рижского музея западного искусства В. К. Бартошевская. Горшман уточняет: это было «даже не фото, а выполненная на цветном сканере копия». Бартошевская же, прислав копию, сделала предположение, что портрет, находящийся в музее, «не подлинник, а, судя по хорошей сохранности красочного слоя и четкости изображения, выполненная позже копия неизвестным живописцем не очень высокого качества». После проведенного анализа Горшман атрибутировал данный портрет как изображение генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина. Я позвонил в Ригу, переговорил с Верой Куртовной Бартошевской, и выяснилось, что такого портрета никогда в Рижском музее не было и ничего Горшману она не посылала.

Установить имя столь плодотворного «неизвестного художника начала XIX века» не составило особого труда,

поскольку незадолго до выхода «Словаря...» Горшман передал А. В. Кибовскому срисованный им в Петрозаводском музее портрет И. М. Аклечеева с просьбой помочь в определении «неизвестного мундира, возможно, принадлежащего чиновнику лесного ведомства». По стилистике изображения портрет очень походил на упомянутые ранее, поэтому сразу стало очевидным, что и их автором тоже является Александр Михайлович Горшман, хотя при публикации под ними было указано «Неизвестный художник начала XIX века». И дело здесь не в скромности Горшмана, не указавшего своего авторства, а в его стремлении подтасовать факты, проиллюстрировав портретами выдуманные им же детали биографий. Подтверждение тому легко можно найти, сравнив портреты Поливанова и Мура с их музейными прототипами.

Кстати, в упоминавшемся альманахе «Памятники культуры. Новые открытия», помимо нарисованного им самим портрета, Горшман опубликовал и другой портрет — М. М. Бороздина, находящийся в Институте русской литературы РАН в Санкт-Петербурге. При публикации же статьи о Бороздине в «Московском журнале»<sup>8</sup>, Горшман в качестве иллюстрации приложил очень похожий на вышеназванный портрет М. М. Бороздина, но уже своей работы. Я долго не мог понять, зачем ему понадобилось делать копию с портрета, если он при этом никаких наград не добавил и не убавил. Ясность внесла следующая фраза из статьи: «К сожалению, полотно не датировано. Попробуем, однако, определить время его создания по покрою черного выходного фрака персонажа. Обратим внимание на следующее: между воротником и лацканами хорошо



*Копия с портрета из Петрозаводского музея, выполненная А. М. Горшманом*

виден маленький треугольный зубец. Подобные зубцы вошли в моду с конца 1800-х годов, то есть портрет вполне мог быть написан вскоре после отставки М. М. Бороздина — в 1817–1819 годах». Для датировки Горшману потребовался маленький треугольный зубец на лацкане, который на оригинале отсутствовал.

Еще один портрет с характерными признаками работы того же «неизвестного художника» появился в январском номере «Московского журнала» за 2009 год в статье Горшмана<sup>9</sup>, где шла речь об акварельном портрете неизвестного генерала, находящемся в Государственном архиве Российской Федерации. Автор, опираясь на набор орденов, атрибутировал полотно как изображение генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Лехнера. Если же посмотреть на оригинал, находящийся в ГАРФ<sup>10</sup>, то обнаружится, что вместо звезды ордена Святого Станислава 1-й степени Горшман изобразил звезду ордена Святого Владимира 2-й степени. Маленькая деталь, перечеркивающая всю доказательную базу Горшмана, поскольку А. А. Лехнер не имел ордена



*«Портрет М. М. Бороздина»,  
нарисованный А. М. Горшманом*



*Портрет М. М. Бороздина  
из Института русской литературы*

Святого Станислава 1-й степени, а орденом Святого Владимира 2-й степени был награжден в 1828 году задолго до получения ордена Белого Орла (1844). На портрете же

неизвестного генерала мы видим орден Белого Орла при шейном кресте ордена Святого Владимира 3-й степени.

В той же статье для подтверждения правильности

своей атрибуции Горшман помещает литографию Иозефа фон Крихубера с изображением генерала Лехнера, обнаруженную им в «книге об инженерном управлении в России



*«Портрет А. А. Лехнера  
с литографии И. Крихубера»,  
нарисованный А. М. Горшманом*

*Раскрашенная литография  
И. Крихубера с портретом  
неизвестного генерала  
из Государственного архива  
Российской Федерации*



## РЕПЛИКА

первой половины XIX века». В указанной Горшманом книге<sup>11</sup> такого портрета не оказалось, зато он очень похож на раскрашенную литографию Крихубера, находящуюся в Государственном архиве Российской Федерации<sup>12</sup>. Поскольку литография, приведенная Горшманом, не цветная и отличить на ней звезду ордена Святого Станислава 1-й степени от звезды ордена Святого Владимира 2-й степени невозможно, перерисовка потребовалась Горшману для придания портретного сходства с атрибутированным им «портретом А. А. Лехнера».

Вышеперечисленные факты наглядно показывают, как Горшман для подтверждения выдуманных им фактов биографий перерисовывает портреты, внося в них необходимые изменения.

Ранее Горшмана уже уличали в сочинении нескольких «архивных документов», опубликованных им в 7-м томе Российского архива под общим



*Портрет неизвестного генерала из Государственного архива Российской Федерации*



*«Портрет А. А. Лехнера», нарисованный А. М. Горшманом*

заголовком «Об установлении места погребения бригадного командира 22-й пехотной дивизии генерал-майора Ивана Степановича Кутузова, умершего от ран полученных в сражении под Лейпцигом 6-го октября 1813 г.»<sup>13</sup>, чтобы доказать производство И. С. Кутузова в генерал-майоры, поскольку биогра-

фия этого «генерала» была помещена Горшманом в том же сборнике в «Словаре русских генералов...»<sup>14</sup>. С подробным разбором данной фальсификации желающие могут ознакомиться в сборнике малоярославцевских конференций<sup>15</sup>, в № 2 журнала «Отечественные архивы» за 2003 год<sup>16</sup> или на сайте интернет-проекта «1812 год»<sup>17</sup>.

<sup>1</sup>Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 288—645.

<sup>2</sup>Там же. С. 516.

<sup>3</sup>Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева. Русская живопись XVIII — начала XX века. Каталог. Т. 1. М., 2004. С. 351.

<sup>4</sup>Словарь русских генералов... С. 482.

<sup>5</sup>Там же.

<sup>6</sup>Русский инвалид. 1819. № 75.

<sup>7</sup>Горшман А. М. Портрет М. М. Бороздина, командующего 8-м пехотным корпусом в Отечественной войне 1812 г. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 2003. С. 361—366.

<sup>8</sup>Горшман А. М. Командующий корпусом Михаил Бороздин // Московский журнал. 2009. № 9. С. 50—53.

<sup>9</sup>Горшман А. М. Два портрета генерала А. А. Лехнера // Московский журнал. 2009. № 1. С. 84—86.

<sup>10</sup>ГАРФ. Ф. 1463, оп. 1, д. 1042, л. 1.

<sup>11</sup>Ссылка гласит: «Исторический очерк инженерного управления в России в царствование императора Николая I с 1825 по 1855 год. СПб., 1896. С. 155».

<sup>12</sup>ГАРФ. Ф. 1463, оп. 1, д. 1042, л. 2.

<sup>13</sup>Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 184—187.

<sup>14</sup>«Словарь русских генералов...». С. 442.

<sup>15</sup>Подмазо А. А. Осторожно — фальшивка (документы «Об установлении места погребения... генерал-майора Ивана Степановича Кутузова...») // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники. К 190-летию Отечественной войны 1812 года. Материалы X и XI научных конференций. Малоярославец, 2003. С. 206—211.

<sup>16</sup>Он же. Осторожно — фальшивка! (как полковника И. С. Кутузова произвели в генерал-майоры спустя два столетия после смерти) // Отечественные архивы. 2003. № 2. С. 122—124.

<sup>17</sup><http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/falshivka.html>.

*Александр Яковлевич Булгаков*

# Современные записки и воспоминания мои\*

Отрывки из дневника

## Холера морбус

1830 г.

Публика оставила теперь политические дела и французские происшествия<sup>1</sup>: все ее внимание обращено теперь на предмет гораздо важнейший и касающийся до собственной безопасности и даже жизни нашей: в половине июня сего дня<sup>2</sup> открылась в сопредельных с Персиею провинциях наших ужасная болезнь, известная под именем *холера морбус*. Это род чумы, возникающей обыкновенно в Индии. Болезнь начинается головокружением, потом делается сильная рвота и понос, кровь обращается в воду, человек истлевает и умирает в короткое время. Болезнь, как сказывают, не сообщается прикосновением, но в поветрии. При самом начале можно избавиться от оной одним скорым кровопусканием; действие ее уменьшается разными предохранительными средствами; так как трудно побуждать к оным простой народ иначе, как силою, то и смертность в низших классах гораздо сильнее. В Астрахани умерло более 2000 человек. От обеих сторон Кавказа распространилась болезнь в Астраханскую, Оренбургскую и Саратовскую губернии и в землях Войска Донского. В Петербурге взяты немедленно решительные меры. Сенаторам Лаврову, Меншикову и графу Кутайсову даны предписания, ассигнованы деньги; в помощь Оренбургскому воен[ному] губернатору графу Сухтелену послан фл[игель]-адъютант Лачинов, в Астрахань отправлен фл[игель]-адъютант Кокошкин, учреждены Центральная комиссия под председательством д[ействительного] т[айного] с[оветника] Энгеля, Медицинский совет и Факультет медиков; отправлены в те места из Москвы искусные доктора, яко то: Мудров, Эвениус, Детловский и др.; сделаны печатные объявления, как надлежит обывателям поступать и пр. Однако же Москва объята была страхом, люди глупые, а, может быть, и неблагонадежные распустили слухи, будто бы холера морбус, проскользнув в Тамбовскую и Рязанскую губернии, оказалась уже в Серпухове и Коломне, и что даже в Москве иностранец один по имени Педотти умер сею болезнию. Сего было достаточно, чтобы привести

---

\*Продолжение. Начало в № 4–6 за 2010 год.

большую часть жителей в смятение и страх. Все комнаты наполнились сосудами с дегтем, везде стали курить можжевельником и другими очистительными травами: всюду слышен запах чеснока, который так вздорожал, что луковичка в орех продавалась в 40 копеек, тогда как прежде стоила копейку.

Многие начали уезжать из города, пробираясь к местам высокорасположенным, кои безопасны от ужасной сей болезни. Благоприятным известиям никто не верил, а страх всеобщий еще больше умножился от статьи, напечатанной в «С[анкт]-Петербургских ведомостях» и перепечатанной в «Московских»: там описаны подробно все ужасы холеры. Государю угодно было приказать министру внутренних дел ехать самому в Саратов для принятия самых решительных мер по собственному усмотрению на месте. Граф Закревский прибыл в Москву 14-го сентября, издал в тот день печатное объявление, коим сообщает публике Высочайшую волю и просит содействия всех сословий для исполнения отеческих намерений Государя и пр. Мера сия великую принесет пользу и успокоила уже умы, ибо все великую полагают надежду на усердие, деятельность и благоразумные меры гр[афа] Закревского. Он, конечно, заслужит общую благодарность и не употребит во зло данной ему власти. Он писал ко мне и приглашал быть в Москву, но меня ожидали в городе<sup>3</sup>, письмо его пролежало три дня, и когда я оное получил, то Закревского уже не было в Москве. Я написал ему все, что может быть ему полезно, и сообщил ему о помолвке Ольги, которую он очень любит<sup>4</sup>. <...>

27-го происходило обручение дочери нашей Ольги. Никого не было, кроме ближайших родственников и Фаста Петровича<sup>5</sup>. Жених подарил невесте две прекраснейшие шали в 11 т. рублей. Смутное нонешнее время не позволяет назначить времени свадьбы. Холера, проникшая в Москву, вселяет всюду ужас. <...>

Кн[язь] Дм[итрий] Вл[адимирович]<sup>6</sup> едва успел сообщить публике содержание рескрипта, полученного им от Государя, и коим е[го] в[еличество] предписывал ему извещать его каждодневными эстафетами о состоянии холеры в Москве, как вдруг, поднятием *кайзерштандарта* на Кремлевском дворце были мы извещены о прибытии в Москву самого ангела хранителя. Родительское сердце не утерпело. Он приехал делить с москвичами труды, опасности.

Свиту государеву составляют граф П. А. Толстой, генер[ал]-адъютант Бенкендорф (прибывший несколько позже), Храповицкий, Адлерберг, фл[игель]-адъютанты: Кокошкин (прибывший сюда из низовых зараженных холерою губерний и ожидавший здесь е[го] и[мператорское] в[еличество]), Апраксин и князь Урусов, доктор Арндт и человек 10 прислуги.

Государь изволил прибыть 29-го октября в 10 часов утра и вышел из коляски прямо в наместнический дом на Тверской. Люди бросились было докладывать князю Дм[итрию] Вл[адимировичу], но Государь запретил говорить, а только приказал проводить себя прямо к князю, который, встав только что с постели<sup>7</sup>, перед зеркалом чистил себе рот, в халате своем золотом. Государь тихонько к нему подкрался. Можно себе представить удивление князя, увидя в зеркале лицо Государя, тогда как он еще накануне имел от е[го] в[еличества] приказание письменное посылать всякий день куриеров! Князь, не доверяя близорукому своему зрению, обернулся и увидел стоящего перед собою императора. Замешательство его было еще более умножено страхом: что должен был Государь подумать, найдя наместника своего в столь смутное время в 10 часов еще не одетого! Но милосердный Николай, обняв

Ф. Н. Риск. *Портрет князя Д. В. Голицына.*  
Холст, масло. 1835 год



его, начал разговор сими словами: «J'espère, mon Prince, que tout le monde à Moscou se porte aussi bien que vous»<sup>8</sup>. Потом, запрета князю одеваться наскоро, сел возле него и более получаса говорил о вещах самонужнейших, изъявляя благоволение свое за содействие, [оказанное] князю высшим [и] низшим классами: дворянства, купечества, медиков; одобрял взятые меры, кроме крестных ходов, находя, что прибегать должно к ним в самых крайностях и что они могут быть вредны по великому стечению народа в одно место.

Вообще видно, что Государь прибыл сюда с мыслями весьма увеличенными о возможной здесь заразе. От князя Голицына Государь заехал к часовне Иверския Божией Матери, долго стоял тут на коленях, молился и прикладываться изволил. Скопившийся тут в бесчисленном

множестве народ провожал коляску государеву до самого Архиерейского дому (что ныне дворец наследника), где е[го] и[мператорское] в[еличество] изволил иметь жительство в самом верху, ибо главные комнаты отделяются. Первое движение Государя было сесть писать к императрице и предписание тверскому губернатору: отправя с сими бумагами фельдъегеря, государь надел шарф, ленту и отправился в Успенский собор, где встречен был преосвященным Филаретом<sup>9</sup> с крестом и словами: «Благословен грядый на спасение града сего!» После молебна в соборе Государь отправился объезжать некоторые части города. Кушать изволил у князя Голицына.

Чем более размышляем о великодушном поступке Государя, тем более надо удивляться великой его душе! Кому не известна горячая любовь его к императрице и к детям его? Он все это отставляет, пренебрегает трудности скорого путешествия, опасности заразиться и является неожиданно в Москву свою, верную, страждущую! Кто бы из нас оставил семейство свое, чтобы ехать в дальние деревни спасать погибающих крестьян? Но то ли это? Известно по истории, что когда оказалась здесь чума в царствование Екатерины II, наместник ее, граф Петр Семенович Солтыков (так! — *С. III.*) оставил Москву, удалился в подмосковную свою Марфино, в ней оцепился, взяв с собою войско и даже пушки. Такому геройскому примеру последовал также бывший тогда обер-полицеймейстером в Москве генер.-м[айор] Бахметьев. Кн[язь] Вяземский справедливо писал мне, что Николай I переменял пословицу русскую: «Близ царя, близ смерти!» — пусть успокоится мой народ, а я не страшусь слов: близ народа, близ смерти!



Пусть другие государи превозносят в пышных, не ими сочиняемых речах любовь свою к народам, управлению их вверенным, пусть короли французские и гишпанские, укрываясь сами в безопасные места, посылают врачей исследовать и истреблять желтые лихорадки, опустошающие их владения, наш великодушный Николай ничего не обещает, не говорит. Мы видели приказание его князю Голицыну извещать его всякий день о состоянии города; приказание сие было от 26-го сентября, 27-го е[го] в[еличество] узнает, что болезнь усиливается в столице древней. Он все забывает, следует лишь внушениям возвышенной, сострадательной, бесстрашной души своей: садится в коляску, не внемля просьбам императрицы, князей Волконского и Голицына. Вел[икий] князь Мих[аил]

Павл[ович] просит позволения сопровождать августейшего брата, но получает отказ. Государь не хочет подвергать его опасностям, и 29-го царь в Москве! Черта сия одна была бы уже достаточна для снискания любви всего народа, ежели бы он уже не любил искренно своего царя; она будет вписана золотыми буквами в историю Николая и вечно будет памятна в душах москвичей, коим только остается молиться и слезы проливать!

Конечно, князь Голицын предался с самого начала напрасному страху, который передал и в Петербург; надобно было поддержать написанное. После смертность, действительно, умножилась, но когда заставила Государя решиться ехать сюда, не было еще доказано, что точно умирали *холерою*, и самые сведения, ежедневно печатаемые о состоянии города, говорили глухо о умерших с *признаками* холеры. К князю Дм[итрию] Вл[адимировичу] присоединился и другой Голицын, князь Сергей Мих[айлович], имеющий главное начальство над Воспитательным домом и здешними всеми учебными заведениями, и сей также начал брать меры, кои распространили всюду страх и ужас, тогда как в обстоятельствах такого рода две главнейшие добродетели должны быть *неустранимость* и *хладнокровие*. Они могут только успокаивать слабоумных. Сколько людей умерло от одного страха или от того, что лечили их от холеры, а не от тех болезней, коими [они] были действительно одержимы! Сколько погибло особенно людей от напрасных кровопусканий?

Я видел Москву 28-го сентября и видел ее в следующий день внезапного прибытия Государя. Какая мгновенная перемена приметна была! Казалось, что не тот город это был, не те же люди: грусть, тоска, отчаяние заменились

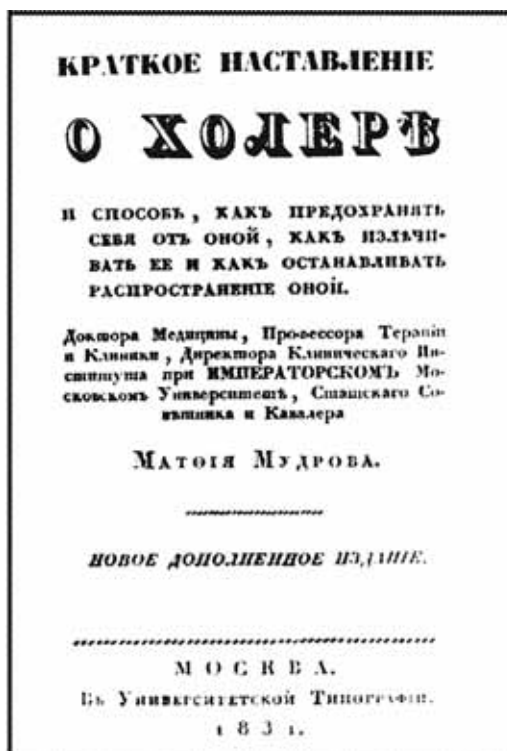
В. А. Тропинин. *Портрет С. М. Голицына.*  
Холст, масло. После 1828 года





*Голицынская больница в Москве.  
Фотография начала XX века*

*Обложка книги  
выдающегося русского врача  
М. Я. Мудрова  
«Краткое наставление о холере»  
(СПб., 1830)*



радостию, бодростию и доверием, и все те, кои прятались, начали выходить из домов своих и показываться в свете. Спокойствие, которое являлось на челе Государя, сообщалось самым малодушным людям. В человеке любовь и святая вера к тому, который умеет умами нашими управлять, столь велики, и влияние ума на тело столь сильно, что я уверен: ежели бы Государь именным указом объявил, что холеры не было вовсе, или что она прекращена, всякий свято бы этому поверил. Надобно было видеть, как народ как бы невольно повергался в землю везде, где государя встречал он на улицах, повторяя: «Ах! Ты отец наш! И мор-то тебя не устрашает! Буди с тобою благодать Господня!» Надобно было видеть Кремлевскую площадь, покрытую бесчисленным множеством народа, стекавшегося отовсюду, чтобы хотя издали видеть своего царя. Никакая полиция, ниже пушки, не в силах были бы удержать жителей московских, стремившихся к нему навстречу: домашние обязанности, занятия и самая холера — все было забыто в сии дни радости.

1-го октября последовало обещание от полиции, что все те, кои желают куда-нибудь выехать, должны предварительно присылать свои экипажи для окурения. В сегодняшнем объявлении о состоянии города сказано в первый раз, что умерло несколько людей *холерою* и представляются предохранительные средства от язвы сей.

В Кремле был и сегодня крестный ход и молебствие в соборе.

Государь был в яблочном ряду, говорил купцам, что фрукты и овощи вредны при теперешнем поветрии, а потому нужно прекратить продажу особенно яблок и арбузов! Один купец на это отвечал: «Извольте, батюшка в[аше] в[еличество], приказать, что для православных полезно!» — но тогда прочие

## ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

прибавили, что они от прекращения продажи совсем разорятся. Тогда Государь уехал от них, сказав, что даст приказания свои военному генерал-губернатору. Во дворце нашел Государь градского главу со всем купечеством, поднесшим его вел[ичес]ву хлеб и соль. Государь, вышед к ним, говорил им следующее: «Узнав о бедствиях Москвы, я сам сюда приехал разделить с вами опасности. По донесениям, кои я имею, Россия лишилась по сие время более 20 т. человек от холеры; я желаю, чтобы взяты были строгие меры против сего зла и чтобы вы содействовали всеми силами правительству. Много вреда причиняют овощи и плоды; я сам был в яблочном ряду, говорил с торговцами; один из них был столь благоразумен, что тотчас согласился на прекращение торга своего, а прочие представляли о разорении, которое потерпят. Я прикажу князю Голицыну, чтобы их вознаградили, но продажа должна прекратиться тотчас. Нельзя, чтобы в теперешнее время все мы не имели более или менее недостатка и убытки. Много больных в вашем сословии?» Градской глава отвечал, что мало и что более заключается в простом народе. «Я хотел, — сказал еще Государь, — приехать сюда с императрицею на выставку русских изделий и погостить у вас в Москве, но смутные сии обстоятельства помешали нам исполнить желание наше».

Тогда ком[мерции] советник Титов представил Государю, что выставка может быть отсрочена и что Москва надеется не лишиться счастья иметь в стенах своих царскую фамилию. Государь изволил сказать: «Увидим! Может, Бог это и устроит», — и, откланясь купцам и приняв сам поднесенные хлеб-соль, удался в свой кабинет.

Государь никого не допускает к себе. Кроме купцов, были также у е[го] в[еличества] начальники двадцати отделений и больниц временных, в Москве устроенных для лечения больных холерою. Государь говорил с ними в некотором расстоянии, выхвалял их усердие, благодарил за труды их и просил не упускать



*Ш. О. Лебше по рисунку И. Ф. Э. Гертнера. Вид Кремля от Большого Каменного моста. Литография. Конец 1830-х годов*

ничего для спасения (особенно людей беднейших) жителей Москвы от возникшей в оной заразы. <...>

3-го числа Государь навестил вечером княгиню Урусову Ек[атерину] Павловну, коей дочь София фаворитная фрейлина императрицы. Я слышал от княгини, что между ними происходил следующий разговор:

— Что скажете, княгиня, нового?

— Да у нас только и разговоров, в[аше] в[еличество], что о холере!

— Оставимте скучный этот предмет, давайте говорить о другом, о новостях московских.

— В[аше] в[еличество] слышали, я думаю, что Булгаковы помолвили дочь свою?

— Которую?

— Меньшую, Ольгу.

— Быть не может! Она робенок, ей 14 лет. Я помню, что отец и мать не возили ее в Петербурге прошлого года.

— Это правда, что она еще молода, но ей более 16 лет, мне сам отец приезжал объявить о помолвке.

— Я удивлен, что только теперь о том узнаю. Я очень ее знаю. Она премилая и преумная девочка. Я и забываю главное спросить: кто жених?

— Князь Долгорукий.

— Какой это Долгорукий?

— Князь Александр Сер[геевич], очень молодой человек и нам родня. Его мать урожденная графиня Волкова, другая сестра была за гр[афом] Орловым-Денисовым.

Государь, подумав, отвечал: «Не знаю! Где он служит, в военной?»

— Нет, в[аше] в[еличество], он недавно еще вступил в Иностранную коллегия и *даже еще не камер-юнкером*.

— Чей он сын?

— Отец его был министром в Голландии.

Государь, как ни старался догадаться, но по сим показаниям княгини не мог никак узнать ни о самом женихе, ни о родителях его.

<...> Я поехал во дворец с тем, чтобы видеть кого-либо из окружающих Государя. Доступ довольно труден: приезжающие во дворец должны становиться у дверей подъезда, объявить свое имя и до кого имеют нужду. Я сказал, что желаю видеть ген[ерал]-адъют[анта] Бенкендорфа. Гоффуриер отвечал, что нет его дома. Генер[ал]-адъют[анта] Храповицкого также не было. Дабы дожидаться возвращения одного из них, я велел доложить графу П. А. Толстому, который меня принял, но прежде, нежели быть допущену к нему, мне надобно было итти в особенную комнату, где придворный лакей заставил меня омыться хлорною водою и выполоскать себе оною рот. Обряду сему все подвергаются, даже сам Государь всякий раз, что возвращается домой.

Много говорил я с графом Петром Александровичем о холере здешней. Он также смеялся всеобщему страху, но теперь верит существованию сей болезни и почитает ее заразительною. «Но ежели так, — заметил я ему, — то зачем допускать народу стекаться так в одно место? Посмотрите на площадь перед дворцом, тут по малой мере, 20 т. человек, могут быть больные, кои других заразят!» — «Ну, этому, — отвечал граф, — можно бы пособить разве одними пушками, вы знаете, как ваши москвичи любят Государя; впрочем, я думаю, что эта

## ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

болезнь более в воздухе, это род поветрия: иной [раз] глаза у всех болят, иной горло; сам Государь этого же мнения». <...>

Известие полученное, что в деревне, именуемой *Котлы* на Серпуховской дороге, оказалась холера весьма сильная, заставило оцепить Москву, тем более что в бюллетене о состоянии столицы показано было вдруг великое количество больных<sup>10</sup>. Смоленский губернатор прислал сюда некоего мещанина, именем *Хлебников*, умеющий (так! — *С. III.*) весьма скоро вылечивать людей, холерою зараженных. Медики здешние старались всячески его отдалить, но кн[язь] Голицын, призвав его к себе, заставил его сделать опыты над больными самыми отчаянными, и он вылечил *девятерых*. Хлебников не одобряет кровопускание, разве токмо в некоторых случаях. Лечение его состоит в следующем: он дает прежде всего магнезии, потом обертывает больного в простыню, напитанную уксусом, и покрывает его сенною трухой, распаренною в горшке, от чего производится немедленно пресильная испарина, прекращающая и рвоту, и понос. Хлебникова употребили сперва в Тверской части, в Мещанской больнице, теперь же находится он при Доме призрения бедных и много лечит по домам.

4-го числа скончался здесь заслуженный генерал-лейтенант Илья Иванович Алексеев, бывший здесь некогда полицмейстером, и в такой бедности, что нечем было его похоронить. Государь, узнав о сем, послал 5000 [р.] с[еребром] на похороны и приказал сказать вдове, чтобы она во всех своих нуждах относилась бы прямо к его имп[ераторскому] вел[ичес]тву. Государь перед обедом изволил проехать мимо нашего дома, дети сидели у окна, и он, узнав Катиньку, очень милостиво ей поклонился.

6-го Государь опять изволил проезжать мимо окон наших. Мы все сидели в зале. Е[го] в[еличество] очень всматривался в нашего жениха и поклонился



*А. Кадоль. Тверской бульвар в Москве.  
Литография. 1825 год*

*Иверские ворота. Литография А. Ш. Мюллера с оригинала В. О. Вивьена*



Ольге с улыбкою. Во втором часу пришли доложить, что приехал генер[ал]-адъют[ант] Храповицкий. Мы велели его просить. Мат[вей] Е[вграфович], войдя, сказал мне (жены не было дома), что он прислан Государем, чтобы меня и жену поздравить с помолвкою дочери. «А у вас, — прибавил он, подойдя к Ольге, — Государь приказал мне поцеловать руку», — что и было им исполнено. Потом генерал Храповицкий, севши, с нами разговаривал, расспрашивал, когда и где будет свадьба, что Государь желает знать о том подробно. Мы полагали, по молодости Ольги, отложить свадьбу до будущего лета, и жених должен был причислиться к чрезвычайному посольству, которое от нашего двора отправлено будет в Лондон на коронацию короля Вильгельма IV, но мы намерения наши переменили и свадьба будет в генваре месяце. При нынешних смутных обстоятельствах нельзя

[ни] заниматься приуготовлениями свадебными, ни готовить приданое. Генер[ал] Храповицкий был прислан Государем самим, я проводил его, когда он уезжал, до самой кареты, просив повергнуть нас всех к стопам Государя, прибавя, что я счел бы верхом счастья лично благодарить е[го] и [мператорское] в[еличество] за лестное к нам внимание. Храповицкий отвечал, что Государю доложит, но что е[го] в[еличество] никого не видит, кроме начальства здешнего. Присылка гоффуриера была бы нам приятна, но как не чувствовать нам, сколь велики милости Государя прислать человека столь высокого сана, как генерал-адъютант? И в городе было много о сем говорено!

6-го числа вечером Государь приезжал опять к княгине Е. П. Урусовой. Хвалил опять Ольгу, сказывал, что видел всех нас у окошка, что жених хорош собою. «Теперь, — прибавил Государь, — знаю я, кто это, вам бы сказать, что это сын князя *Каламбура* Николаевича Долгорукова<sup>11</sup>, я бы тотчас узнал, какой Долгорукий женится на Ольге Александровне». <...>

7-го узнали мы, что Государь в 10 часов утра отправился обратно в С[анкт]-Петербург, чему всякий добрый русский должен порадоваться. Появление его вел[ичес]тва ободрило, успокоило Москву и дало лучший всему ход. Ежели нет опасности, то и присутствие Государя не нужно, а ежели она существует, то надобно порадоваться, что он едет от нас. Разные делают толки и глупые суждения, полагают, что отъезд ускорен был от вчерашнего нездоровья, что во дворце занемог истопник один холерою. Как будто Государь не многократно доказал

уже свою неустрашимость? Государь не намеревался пробыть здесь более недели, и возвращение его в Петербург было расчислено уже заранее к 20-му числу, а почтение его к установленным им же законам столь велико, что и он не хочет исключить себя от установленного карантина. Присутствие Государя чрезмерно ободрило трусливых, имело влияние на принятие мер скорых, решительных; пустословы молчали, но после отъезда е[го] в[еличества] злонамеренные, коих и сей последний великодушный поступок Государя не мог обезоружить, хотя и мало сих гнусных людей, начали опять распускать нелепые слухи: то говорят, что священникам запрещают исповедовать и причащать больных, то что в Москве только на неделю хлеба, то что с кладбища ушел ночью мещанин, который был похоронен живой, что в больницах сажают больных в ванны из кипятка и обжигают их живых. Хотя и русские употребляют, но большая часть медиков, как и было то всегда, иностранцы. На дверях больницы в Смоленском рынке прибита была следующая надпись: «Ежели доктора немцы не перестанут губить народ православный, то мы ихними черепами вымостим улицы московские!» Дерзость злоумышленников подстрекаема раскольниками, которые представляют все происходящее в виде божеского наказания, от коего ни Петербург, ни царская фамилия не укроются; к сему прибавляют другие, что холера, кою заразились мы от азиатских стран, есть наказание за алчность России к славным приобретениям и расширение пределов своих в ущерб турок и персиян и пр. Все таковые вредные толки тем смелее распространяются в народе, что полиции здешней никто не боится. Обер-пол[ицмейстер] Муханов, кроме того, что человек новый, давно болен и занимается токмо ограждением себя и семейства своего от холеры. Торговля от оцепления города крайне стеснена, народ смутен и не имеет никакой доверенности к князю Голицыну и окружающим его, никто его не видит, и печатаемые по его приказанию ведомости ежедневные о состоянии города наполнены, по большей части, вздорными мелочами и рассказами о сплетнях Аглинского клуба. При самых благонамереннейших и благороднейших чувствах и усилиях своих ко благу Москвы, князь Дм[итрий] Вл[адимирович] — человек нрава слабого, окружен не хорошо, под влиянием жены своей и князя Сергея Мих[айловича] Голицына<sup>12</sup>, коими овладел страх. Афишками сими думали, как Ростопчин в незабвенном 1812 году, рассеять умы и отвратить всеобщее внимание от предстоящего зла, но не так взялись, и не всякому дано остроумное красноречие графа Ростопчина. <...>

Доктор Маркус, управляющий больницею князей Голицыных и рекомендованный князем Сергеем Михайловичем, человек умный и искусный, но хочет действовать деспотически, чем раздражил [коллег], и <...> у медиков вышла война и личности в такую минуту, когда должно бы быть совершенное единодушие. Успешное лечение смоленского мещанина вооружило зависть докторов: сперва, по очевидной пользе, должны они были одобрить средства его, а после стали печатать, что магнезия не только не избавляет от холеры, но даже прививает болезнь сию. Между тем смертность в Москве все увеличивается; опубликование карет и особенных при оных людей, наименованные *мортусами*, в коих должны быть сажаемы больные и отвозимы в гошпиталь, вселило во всех ужас. Многие не зараженные холерою и коих посадили в сии *смертоносные дроги*, от страха почти одного занемогали еще более, а неуместное кровопускание наносило им же последний удар.

Я все-таки того мнения, что болезнь, здесь царствующая, не есть холера Ост-Индская, ниже та, которая в Астрахани убивала по 300 человек в сутки, или она

много потеряла силы своей, иначе по народонаселению Москвы должно бы умирать по 1000 человек в день, а здесь смертность самая большая была 243 человека. Болезнь наша не прилипчивая, иначе умирало бы много между сторожами и фершалами, кои в больницах ходят за больными, и в тех местах, где большое есть накопление людей, яко на фабриках, в казармах и т. д., — но этого нет. Ежели же зараза в воздухе, который все равно глотают, отчего смертность не заметна в высшем классе людей зажиточных, а мрут все в простом народе люди, преданные вину, разврату или несчастные, терпящие всякого рода недостатки? Замечено, что все пьяницы занемогающие умирают.

Сколь ни скоры были меры, взятые правительством, и похвально содействие дворянства, но усилия его не имели тех хороших следов, кои видели мы в Пензе, Ярославле, Костроме и в других губерниях, зараженных холерою. Причиною тому или ничтожество людей бороться с волею Божиею, или надобно думать, что не все, взявшие на себя обязанности исполняют оные с такою ревностию, умом и неустрашимостию, как генерал Сталь<sup>13</sup>. Он беспрестанно сам в своей больнице<sup>14</sup>, обедает там иной раз, часто является туда ночью, сам свидетельствует больных, тогда как другие боятся даже входить в больницы, отчего доктора и прочие, имеющие надзор, слабо должность свою исполняют<sup>15</sup>.

Кажется, что холера теряет уже своей силы и опустошения ее бояться, кажется, нечего, но есть другое опасение: оцепление города и стеснение торговли и промышленности может произвести ропот и даже бунт, ежели продовольствие не обеспечено будет или хлеб и съестные припасы вздорожают. А. А. Волков, начальник здешнего жандармского округа, обратил на это внимание князя Голицына, который выписал сюда тотчас до 30 барок с хлебом, остановленных под самою Москвою, в Кожухове для того, что на оных оказалось трое больных. <...> Щастие для города, что ушло отсюда тысяч шестьдесят работников и фабричных и что холерою освобождена Москва от кучи пьяниц и всяких бродяг, наполнявших улицы и всегда готовых на всякие беспорядки. <...>

В доме генерал-губернаторском умерла женщина. Князь Дм[итрий] Вл[адимирович] оставил немедленно дом сей. Княгиня Т[атьяна] В[асильевна] переехала жить к Авд[отье] Селивер[стовне] Небольсиной, а князь нанял себе рядом маленький дом Александрова, полагая, что женщина та умерла холерою. Страх, показанный при сем случае князем Голицыным, сделал в жителей Москвы весьма дурное впечатление. В одном из бюллетен[ей] были помещены насмешки начет слабоумных, кои, бояся холеры без причины, токмо оную себе прививают. Могут ли советы сии иметь хорошее действие в публике, когда первое лицо не дает собою примера неустрашимости? Говорят, что княгиня боится за детей своих, это и естественно, и похвально! Пусть княгиня детей бережет, но у князя другие дети — это целая Москва! В такое время государеву наместнику неприлично жить и принимать всех имеющих до него нужду (а их очень великое множество!) в лачушке маленькой. Отложя все уважения в сторону, остается решить другой вопрос: почему дом Небольсиной, находящийся в месте сыром и низком, в сравнении с Тверскою должен представлять безопасное убежище? Разве не может и там умереть кто-нибудь? В таком случае князь и княгиня переедут опять на новую квартиру! Есть ли тот дом, где бы никто не умирал? Жаль, что никто не отсоветовал князю переезжать из своего казенного дому. Поступок сей, верно, и в Петербурге одобрен не будет, а насмешнику какому-то послужило это поводом нарисовать карикатурку, которая



## ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

ходит по рукам: Авд[отья] Сел[иверстовна] Небольсина представлена в больших фижмах, кои растарашила обеими руками; с одной стороны выглядывает из-под юбки кн[язь] Дм[итрий] Вл[адимирович], а с другой княгиня; оба обращают взоры свои со страхом на Тверской дом, представленный вдали; перед оным стоит Холера в виде худой женщины, которую рвет; одною рукою держит она себя за живот, а другою тряпку, коею готовится обтирать некоторую часть тела.

Хотя кажется, что болезнь начинает ослабевать, с 15-го октября город оцеплен войском для строжайшего наблюдения, чтобы никто не выезжал и не выходил из городу. Ежели холера, как почти не подвержено сомнению, не прививается прикосновением, но сообщается воздухом и есть род *язвительного поветрия*, то к чему ведет оцепление? И возможно ли оцепление города, имеющего, как Москва, 50 верст окружности? В первые дни позволено жителям выходить за заставы Рогожскую, Тверскую и Дорогомиловскую покупать на учрежденных там рынках разные припасы. Множество людей под предлогом покупки дров, молока и пр. уходят из Москвы, куда им надобно. С другой стороны, другой князь Голицын, князь Сергей Михайлович, запер Воспитательный дом и Опекунский Совет и оцепил оный в такую минуту, как болезнь точно уменьшилась и когда всякий еще более имеет нужды в ломбарде. Ему кто-то сказал, что во время бывшей в Москве чумы Воспитательный дом один был изъят смертности от принятия подобных мер. Как будто можно сравнить опустошавшую тогда чуму с тем, что теперь в Москве видим?



*Красные ворота. Литография Л. Ж. Арну с оригинала В. О. Вивьена.  
Над боковыми проходами — медальоны с вензелем императора Николая I*

П. А. Федотов. «Все холера виновата...».  
Бумага, акварель. 1848 год



Беспристрастие, однако же, требует сознаться в том, что при нынешних смутных обстоятельствах трудно отвратить все зло и принять меры, кои не представляли бы каких-либо неудобств и не стесняли бы жителей столь обширной столицы. Где гнев Божий, тут что́ делать уму человеческому? Можно безропотно терпеть нужды теперешние, и надобно радоваться, что народ покоен и покорен, не предаваясь никаким буйствам, хотя и есть неблагонамеренные люди, рассеивающие всякие зловредные слухи. <...>

Нельзя не удивляться тому, что, когда Бог карает Москву необыкновенною смертною, есть люди, которые еще более стараются заслужить гнев небесный, позволяя себе ужаснейшие злодейства и преступления. На днях церковь Иоанна Богослова, что на Тверском бульваре, была совершенно обокрадена, а в Красном Селе за пороховыми магазинами нашли одного богатого садовника, сына его, дочь и четыре работника убитыми и плавающими в крови. Есть, точно, изверги, кои стараются приводить народ в ожесточение: ругают явно митрополита здешнего Филарета, который вообще народом не любим за то, что умирающих холерою не хоронят как должно и не отпевают с подобающею церемониею; за то, что икона святые Иверския Божией Матери, столь целою Россиею уважаемая, не вверена сохранению благочестивой духовной особы, а монаха, часто пьяного, поющего молебны скоро, нерадиво и везущего икону сию святую в те места, где большие платят деньги и пр. Слышны были в народе

угрозы приуготовить Филарету ту же участь, которую имел несчастный Амвросий<sup>16</sup>, убиенный здесь во время чумы, прибавляя, что смертию сею положен был чуме конец, что жертвою сею искупилась тогда столица древняя. Раскольники, вероятно, рассеивают в народе вредные сии толки, а беспечная полиция наша не принимает никаких мер к укрощению злоумышленных людей.

*Публикация Сергея Викторовича Шумихина*

<sup>1</sup>Имеется в виду Июльская революция во Франции, положившая конец монархии Бурбонов.

<sup>2</sup>Описка; вместо «года».

<sup>3</sup>Описка; вместо «в деревне».

<sup>4</sup>Ольге Булгаковой сделал предложение молодой князь Александр Сергеевич Долгоруков (1809–1873).

<sup>5</sup>Макеровский Фавст (у Булгакова — Фаст) Петрович (ум. в 1847), коллежский советник, друг детства и юности Булгакова, штаб-офицер, служивший в 1812 г. при Ф. В. Ростопчине по Московскому ополчению.

<sup>6</sup>Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), светлейший князь, Московский военный генерал-губернатор (1820–1841).

<sup>7</sup>Кн[язь] Голицын имеет привычку работать лежа еще в постели, в коей читает дела и подписывает бумаги очень долго, не имея при себе ни одного из секретарей (*прим. А. Я. Булгакова*).

<sup>8</sup>«Надеюсь, князь, что все в Москве чувствуют себя так же хорошо, как вы!» (*фр.*).

<sup>9</sup>Святитель Филарет (Дроздов. 1782–1867) — митрополит Московский (с 1826).

<sup>10</sup>Известие сие оказалось после ошибочным, за что Государь гневаться изволил. Списки не верно составлялись (*прим. А. Я. Булгакова*).

<sup>11</sup>Отец нашего жениха был очень веселого нрава, любил шутить, балясы точить, а потому и называли его сим именем (*прим. А. Я. Булгакова*).

<sup>12</sup>Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — князь, попечитель Московского университета, начальник Воспитательного дома, председатель Московского цензурного комитета, поэт-дилетант, муж (с 1799) Е. И. Голицыной, известной как *Princesse Nocturne* (Ночная княгиня), с которой жил «в разъезде».

<sup>13</sup>Стааль (у Булгакова часто «Сталь») Карл Густавович (1777–1853) — в описываемое время генерал-майор, позже генерал от кавалерии, после смерти 26 октября 1830 г. коменданта Москвы Н. Н. Веревкина занял его место.

<sup>14</sup>В пропущенном фрагменте рассказывалось об учреждении в Москве двадцати временных больниц для заболевших холерой и добровольцах, вызвавшихся этими больницами заведовать. Стааль был начальником Суцевской больницы.

<sup>15</sup>О том, как своеобразно толковали защитные меры против эпидемии не слишком далекие служаки, П. А. Вяземский записал рассказ И. И. Дмитриева: «Дмитриев съехался где-то на станции с баринном, которого провожал жандармский офицер. Улучив свободную минуту, Дмитриев спросил его, за что ссылается проезжий?

— В точности не могу доложить Вашему высокопревосходительству, но, кажется, худо отзывался насчет холеры» (*Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1883. С. 97*).

<sup>16</sup>Архиепископ Московский Амвросий (Зертис-Каменский. 1708–1771) был убит взбунтовавшейся толпой во время эпидемии чумы.

*Николай Владимирович Вехов*

# Среднеазиатская одиссея супругов Федченко

О русских естествоиспытателях — первопроходцах Средней Азии  
Алексее Павловиче (1844–1873)  
и Ольге Александровне (1845–1921) Федченко



www.folk1.uindex.ru

*Ледник Федченко*

Прошло почти 140 лет со времени первой русской экспедиции по Средней Азии. Официально единственным участником и главным действующим лицом экспедиции считался молодой ученый-биолог Алексей Павлович

Федченко. Ему, однако, помогала жена Ольга Александровна, поехавшая в Туркестан за мужем по собственной инициативе.

Туркестанский край тогда, в 1868 году, был только что присоединен к Россий-

ской империи. Лишь в конце апреля русские войска вступили в Зеравшанскую долину, а 2 мая — в Самарканд. Эта обширная территория имела прямой выход к Северо-Западному Китаю и дальше к Тибету. Но если ее страте-

гическое значение для России прекрасно осознавалось, то о здешних природных условиях и населении продолжали судить преимущественно по четырехвековой давности запискам венецианского купца Марко Поло. Ликвидировать среднеазиатское «белое пятно» на географической карте мира предстояло А. П. и О. А. Федченко.

Алексей Павлович родился в семье владельца прииска — по одним сведениям, в Барнауле, по другим — в Иркутске. Во всяком случае, его детские и гимназические годы прошли в Иркутске. Разорившийся отец умер, оставив семью без средств. Из пяти детей супругов Федченко, кроме Алексея, выжил еще только старший брат Григорий. Он окончил Императорский Московский университет и преподавал в Московском техническом училище. Алексей после окончания Иркутской гимназии в 1860 году вместе с матерью тоже переехал в Москву и поступил на естественное отделение физико-математического факультета ИМУ.

В университетские годы Алексей продолжил свое юношеское увлечение ботаникой. В 1861–1862 годах он собрал большой гербарий



*Алексей Павлович Федченко.  
Фотография 1872 года*

в окрестностях Москвы, высоко оцененный директором университетского Ботанического сада профессором Н. Н. Кауфманом — автором капитального труда «Московская флора».



*Константин Петрович  
фон Кауфман*

В числе первых учителей начинающего натуралиста был зоолог и антрополог, один из основателей антропологии в России профессор А. П. Богданов. Алексей становится активным участником «богдановского кружка», а с конца 1863 года — членом-основателем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. «С 1862 г. некоторые из специалистов (А. П. Богданов, Н. К. Зенгер и др.) и любителей естествознания (А. П. Федченко, В. Ф. Ошанин, В. Н. Ульянин и др.) постоянно собирались в известные дни, чтобы передать друг другу новые замечательные факты, появившиеся в науке. На частных собраниях зародилась мысль о пользе, которую могло бы принести общество, составленное не только из специалистов, но и любителей»<sup>1</sup>. Так на свет появилось это наиболее демократичное и открытое российское научное общество.

После окончания университета А. П. Федченко преподавал в средних учебных заведениях Москвы, а с наступлением каникул подключался к исследованиям своего учителя — например, в 1865 и 1866 годах принимал участие в раскопках курганов так называемого «московского курганного племени». Собранная тогда краниологическая коллекция Богданова-Федченко легла в основу Антропологического музея, созданного при Московском университете. В это же время Алексей Павлович начал сотрудничать с университетским Зоологическим музеем, где познакомился со своей будущей женой Ольгой Александровной Армфельд.



*Ольга Александровна Федченко  
(урожденная Армфельд).  
Фотография 1872 года*

Армфельды достаточно долго оставались в австрийском подданстве, и только 11 октября 1845 года отец Ольги Александр Осипович «принял за подданство России присягу вместе с семейством по вероисповеданию православному»<sup>2</sup>, после чего предоставил в Герольдию Правительствующего сената все необходимые документы для оформления дворянства по выслуге<sup>3</sup>. Семья Армфельдов относилась, как ныне говорят, к кругу

московской интеллектуальной элиты. Александр Осипович — медик по образованию, действительный статский советник, заслуженный профессор Императорского Московского университета — был одним из самых популярных университетских преподавателей своего поколения. Его дом посещали С. Т. Аксаков, братья Киреевские, М. Ю. Лермонтов, М. П. Погодин; Лев Толстой считал себя другом семьи. Человек весьма состоятельный, А. О. Армфельд числился домовладельцем и землевладельцем<sup>4</sup>. В числе прочего ему принадлежала усадьба Трепарево (Тропарево) на высоком левом берегу реки Протвы в Можайском уезде Московской губернии.

Первоначальное образование Ольга Александровна вместе с братьями и сестрами получила дома. В 11 лет ее отдали в Николаевский институт при Воспитательном доме, где Александр Осипович с 1838 года до самой смерти по совместительству был инспектором. Кроме занятий в институте, Ольга брала уроки музыки, рисования и английского языка. Каждое лето семья Армфельдов проводила в Трепарево. Еще подростком Ольга увлеклась сбором коллекций животных и гербаризацией. Собранные ею гербарии московской флоры вошли в вышеупомянутый труд Н. Н. Кауфмана, а коллекцию птичьих яиц Ольга отнесла в Зоологический музей к его сотруднику Н. К. Зенгеру, одновременно исполнявшему обязанности секретаря ОЛЕАЭ. Зенгер высоко оценил работу молодой натуралистки, и ее приняли в члены Общества. В 1864 году Ольга Армфельд с отличием окончила институт. Она в совершенстве знала английский, немецкий и французский языки, отлично рисовала.

В 1866 году А. П. Федченко перешел работать в Московский университет на должность инспектора. Все свободное время он отдавал занятиям энтомологией и антропологией — в частности, активно участвовал в организации готовящейся в стенах Зоологического музея антропологической выставки (1867). Большую помощь в научной деятельности ему оказывала О. А. Армфельд. Совместная работа и общность интересов сблизили молодых людей. 2 июля 1867 года они поженились и вскоре отправились в первое свое совместное (свадебное, оно же и научное) путешествие — в Финляндию и Швецию для знакомства с тамошними естественнонаучными музеями.

Возвратившись на родину, супруги Федченко приняли участие в работе Первого съезда естествоиспытателей в Петербурге. Видимо, там под влиянием рассказов о новых неизведанных районах Российской империи и созрел у них план экспедиции в Туркестан под эгидой ОЛЕАЭ. Этот план поддержало Общество, которое предварительно командировало супругов за границу на трехмесячную стажировку. В музеях и институтах Франции, Австрии, Италии нужно было проконсультироваться с европейскими коллегами о методиках краниологических исследований. Француз Поль Брока слыл одним из главных специалистов в этой области; у него предстояло приобрести необходимое оборудование. С виднейшими учеными обсуждались программы ботанических, зоологических, этнографических работ, энтомологических сборов.

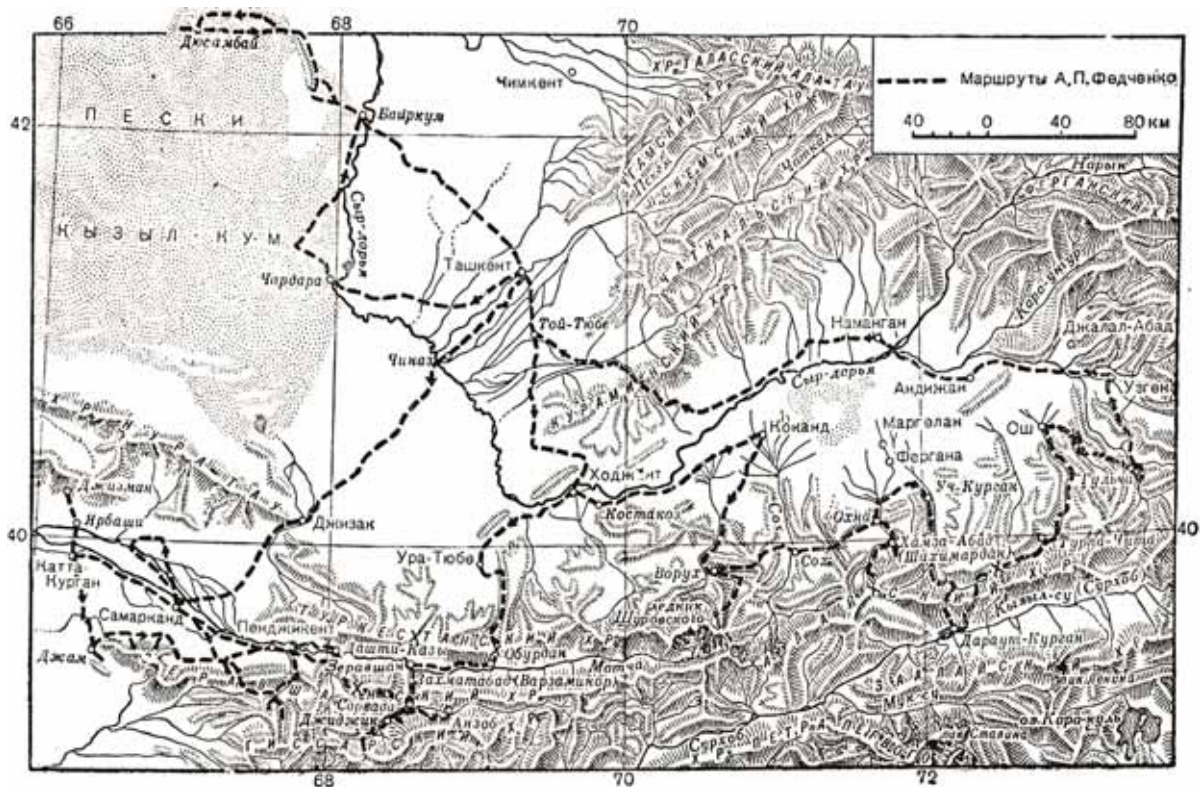
Грядущая экспедиция мыслилась членами ОЛЕАЭ как одно из главных предприятий Общества. Готовились основательно. На официальное

письмо президента ОЛЕАЭ Г. Е. Щуровского в начале 1868 года тогдашний туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман ответил согласием оказать содействие командируемому в край А. П. Федченко<sup>5</sup>.



*Григорий Ефимович Щуровский*

ОЛЕАЭ обратилось ко всем заинтересованным «русским ученым обществам, учреждениям и компетентным лицам с просьбой сообщить в дополнение к программе вопросы, на которые, по их мнению, должно быть преимущественно обращено внимание при исследованиях в Туркестане<sup>6</sup>. 4 сентября 1868 года К. П. фон Кауфман информировал А. П. Федченко об условиях предстоящей работы: «Обязанность ваша будет заключаться в научном исследовании вверенного мне края согласно инструкции Общества и моих указаний. Для пользы дела я полагаю необходимым, чтобы вы, не дожидаясь окончательного определения на службу, а по получении денег (на экипаж предназначенных) немедленно отправились к месту нового вашего назначения<sup>7</sup>. В качестве первого объекта изучения генерал-губернатор указал на Зеравшанский округ, присоеди-



Карта маршрутов А. П. Федченко по Туркестану

ненный к России всего лишь четыре месяца назад, и отдал распоряжение начальнику Зеравшанского округа генералу А. К. Абрамову «оказывать командированным для научных исследований г. Федченко и отправляющейся с ним в качестве ученого его жене всякое содействие», предоставить в качестве переводчика знающего местный язык казака, «снабжать в потребном количестве конвоем в его (Федченко. — *Н. В.*) экскурсиях и предоставить ему возможность пользоваться всяким случаем проникать в глубь страны, в особенности в верховья р. Зеравшана и к озеру Искандеркулю»<sup>8</sup>.

Экспедиция оставила Москву 23 октября 1868 года. «Поздно вечером 14 декабря после 53-дневного почти безостановочного путешествия мы въехали в Ташкент»<sup>9</sup>. Город очаровывал еще на подходе к нему: «Постепенно спускаясь к реке Келес, мы въехали в долину Чирчи-

ка. Сады тополей и плодовых деревьев тянутся почти до последней станции вплоть до Ташкента. Дорога проходит между живописных групп самых разнообразных деревьев: грецкого ореха, шелковицы, миндаля, джиды, вишни, сливы, яблонь, груш, урюка (абрикоса), шепталы (персика), карагача, тополя и т. п. По каменному мосту проезжаем через Боз-су, рукав Чирчика, снабжающий водою Ташкент, а города все-таки нет; он совершенно скрыт в лесу садов»<sup>10</sup>.

Отсюда предстояло отправиться в Самарканд. Туда экспедиция прибыла 3 января 1869 года. Обстановка в крае была не из простых. Отдельные отряды бухарцев близко подходили к Ташкенту; бухарский эмир еще продолжал требовать от Кауфмана, который меньшим числом войска рассеял многотысячный отряд азиатского правителя, возвращения присоединенного к России в апреле

1868 года города. Поднимали голову и воинственные беки Шахрисабза, лежащего к югу от Самарканда. Федченко и его спутники въехали в Самаркандскую крепость, когда в лазаретах еще находились раненные в боях солдаты и офицеры, а в городе повсюду были видны следы недавних сражений. В таких условиях требовалось большое мужество, чтобы не отказаться от намеченного плана научных исследований.

Супруги Федченко начали свою работу с организации систематических метеорологических наблюдений в среднеазиатских владениях Российской империи. В зимние месяцы они ограничились только короткими экскурсиями по окрестностям города — дальние вылазки были невозможны без вооруженной охраны. До апреля главное внимание уделялось зоологическим сборам, гербаризации растений и антропологии. Ольге Александровне

удалось собрать в коллекцию более 200 видов местной флоры, составить список культивируемых туземным населением растений. Попадались и интереснейшие антропологические находки.

24 апреля экспедиция наконец выступила из Самарканда. Путь лежал в местности, где русские еще не бывали. Генерал А. К. Абрамов прикомандировал к ученым поручика Куцея и топографа Новоселова, которым предписывалось выполнять топографическую съемку.

Маршрут проходил по утопающей в зелени Зеравшанской долине. Город Каттакурган стал главной базой экспедиции. Отсюда путь пролегал до гор Актау. Тут супруги Федченко посетили Джаманское ущелье, расположенное на границе с Бухарой. Ольга Александровна продолжала собирать свою ставшую впоследствии знаменитой коллекцию среднеазиатской флоры — живые растения, луковицы и семена, из которых она позже создала известный до революции ботанический сад южных экзотов в имени Ольгино, подаренное ее отцом молодоженам на свадьбу. А. П. Федченко начал изучение водоемов на предмет обнаружения в них паразитических червей, вызывающих тяжелые заболевания у местного населения — это было необходимо и русским, чтобы защитить войска и прибывающих на жительство в присоединенный край гражданских лиц. Одновременно Алексей Павлович занимался изучением фауны птиц.

Удаленное положение местечка Джама, которого 12 мая достигла экспедиция, заставила отряд приготовиться к возможной защите от нападения враждебных кочевников: на ночь высокая

### Рисунки Ольги Александровны Федченко



*Озеро Искандеркуль*



*Горы Аксай-Тау к югу от Самарканда*



*Развалины мечети Биби-Ханум в Самарканде*



крыша старой мечети «была превращена в маленький бастион: туда втащили нашу артиллерию, ракетные станки и поставили часовых»<sup>11</sup>. С возвышенностей, расположенных к югу, Федченко пытался хотя бы «заглянуть» в недоступную тогда для русских Шахрисабзскую долину. Однако «пыльный воздух, вроде тумана, скрывал долину от любопытных взоров». Пути на юг — к Шахрисабзу, и на запад — к Бухаре оставались пока закрытыми, и отряд повернул на восток, к Самарканду. Начинаясь вторая половина мая, степь стала выгорать. По дороге обследовали Агалькское ущелье с его интереснейшей растительностью, местные водоемы, которые при своей небольшой величине (диаметр не более 10 метров) оказались населенными близкими к гималайским формам рыбами, одно из любопытнейших ирригационных сооружений Средней Азии — подземный арык (кяриз), сооруженный несколько сотен лет назад. К вечеру 4 июня экспедиция вернулась в Самарканд. Результат этого среднеазиатского путешествия А. П. и О. А. Федченко — первые отечественные коллекции животных и растений Туркестанского края, среди которых оказалось много неизвестных до того науке видов, информация о географии главных племен региона — таджиков и узбеков, пятиверстная карта территории площадью около 8 тысяч квадратных километров, частные съемки в двухверстном масштабе ущелий и дорог, распросные сведения о долине Шахрисабза, Магианском и Кштутском ущельях и озере Искандеркуль, альбом рисунков с натуры.

До начала сентября супруги обрабатывали собранный материал и готовили научный

отчет, а 12 октября 1869 года были уже в Москве. 15 числа на годичном собрании ОЛЕАЭ Г. Е. Щуровский приветствовал возвратившуюся экспедицию. В своем отчете А. П. Федченко подчеркнул, что «практическое использование естественных богатств Туркестанского края станет возможным лишь на базе всестороннего изучения его природных условий и особенностей хозяйственной деятельности»<sup>12</sup>.

Туркестанскую экспедицию А. П. Федченко высоко оценило руководство ОЛЕАЭ и Московского университета, другие представители научной общности. Так, известный географ И. В. Мушкетов писал: «Алексей Павлович собрал в сравнительно непродолжительное время такой громадный материал, произвел столько любопытных и разносторонних наблюдений, что ему по праву принадлежит первое место в ряду многих исследователей Туркестана новейшего времени. <...> Экспедиция Федченко по богатству материалов и плодотворности результатов составляет целую эпоху в научных исследованиях Туркестана»<sup>13</sup>. «Превосходными» назвал работы А. П. Федченко по изучению Туркестанского края и один из руководителей Императорского Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский<sup>14</sup>.

В полной мере оценило усилия супругов Федченко и государство. Алексей Павлович «во внимание к особым трудам и лишениям, понесенным при научных исследованиях Туркестанского края и ввиду важности результатов, добытых этими исследованиями, все милостивейше пожалован кавалером ордена Святого Владимира 4 степе-

ни»<sup>15</sup>, а Ольге Александровне «за труды по исследованию Туркестанского края и сопредельного с ним Кокандского ханства пожалован из Кабинета Его Величества золотой браслет, украшенный бриллиантами и рубином»<sup>16</sup>.

Следующая экспедиция в Туркестан планировалась на весну 1870 года. Между А. П. Федченко и К. П. фон Кауфманом шла по этому поводу оживленная переписка. Алексей Павлович считал, что Памир должны открыть русские, «хотя сюда упорно стремилась проникнуть английская экспедиция». Сообщал он и то, что ОЛЕАЭ предполагает устроить в 1872 году Всероссийскую политехническую выставку «с целью указать на практические приложения естественных наук», в которой он намерен участвовать с туркестанским материалом<sup>17</sup>.

2 мая 1870 года супруги Федченко выехали из Москвы в Туркестан, планируя принять участие в походе генерала А. К. Абрамова к истокам Зеравшана, ибо проникнуть в верховья реки можно было только с войсками. 2 июня прибыли в Оббурдон, где расположился лагерь военно-экспедиционный корпус. На сей раз в состав экспедиции руководство Туркестанского края, кроме А. П. и О. А. Федченко, пригласило и других специалистов — геолога Д. К. Мышонкова, этнографа А. Л. Куна, офицера-топографа Аминова, астронома Л. Н. Соболева.

Далее двинулись к озеру Искандеркуль. Дорога шла в теснинах Фандарьи, лепилась по узким карнизам и височкам мостикам — оврингам. Искандеркуль несколько разочаровал путешественников. Им озеро представлялось огромным; на самом же деле оно имело «в поперечнике немногим более 2½ версты»,

но, с другой стороны, оказалось на удивление глубоким (68–70 метров) и с очень холодной водой (не выше 8,5 градусов). За три проведенных на берегах Искандеркуля дня ученые совершили восхождение на окружающие горы, обнаружив на склонах реликтовые березовые леса и достигнув кромки снегов.

19 июня отправились вверх по рекам Фандарье и Ягнобдарье. Сборы экспедиции пополнились сотнями видов насекомых и гербарием альпийских растений. В Самарканд из-за разлива рек решили возвращаться круглым путем через перевалы. 25 июня вышли к Кули-Калонским озерам в труднодоступном ущелье Зиндон (тюрьма). Тут отряд внезапно окружили враждебно настроенные местные жители. «Пришлось силой пролагать себе путь из этой котловины, загроможденной огромными валунами, между которыми рос довольно густой можжевелевый лес». Разыгралось настоящее сражение. Русские несли потери убитыми и ранеными; Ольга Александровна мужественно выполняла обязанности сестры милосердия.

Научным итогом похода стали богатые гербарные сборы, открывшие новые виды растений. «В это путешествие впервые пришлось нам пройти все зоны растительности до пределов вечных снегов, и таким образом было положено начало изучения горной фауны и флоры западной оконечности Тянь-Шаня»<sup>18</sup>.

Однако Алексей Павлович явно не был до конца удовлетворен этими результатами. Его не оставляла мысль о посещении горных районов Шахрисабза. 26 августа 1870 года он обратился к Кауфману с просьбой разрешить ему проникнуть туда. Кауфман ответил согласи-



*Кызылкумские пейзажи.  
Рисунки О. А. Федченко*



*Ледник Щуровского и истоки реки Исфары.  
Литография по рисунку О. А. Федченко*

ем. Во время краткосрочной экскурсии (она длилась всего 9 дней, с 4 по 12 сентября 1870 года) супруги Федченко побывали в Кухистане<sup>19</sup>, проехали из Ургута через перевал Сангы-Джуман в Фараб, отсюда спустились в Шахрисабзскую долину и далее оказались в селении Магнан. В Фарабском бекстве на плоскогорье путешественники обнаружили богатые плодородные почвы, орошаемые несколькими речками, два селения — таджикское (Фараб) и узбекское (Муса-базар), жители которых занимались земледелием. Главным достоянием этой изолированной области Туркестана были богатые горные пастбища. Подсобным промыслом являлось выжигание угля. Магнанским углем в то время снабжались все мастерские и кузницы Самарканда.

Надвигающаяся зима вынудила супругов Федченко поспешить в Ташкент. Их пребывание там оставило заметный след в общественной и культурной жизни города. Они проводили встречи и беседы с местной интеллигенцией, рассказывая о результатах своих изысканий и богатствах края, участвовали в создании Туркестанской секции ОЛЕАЭ, занимались организацией Туркестанского отдела для грядущей Политехнической выставки.

Весной 1871 года А. П. Федченко совершил поездку в Кызылкумы, посетил глинистые пустыни на левом берегу Сыр-Дарьи. За время этой поездки исследованиями оказались охвачены так называемая Голодная степь, самаркандская котловина, верхняя часть Зеравшанской долины, горы Кухистана и пустыня Кызылкум.

Июнь 1871 года застал супругов Федченко на пути в Кокандское ханство, в страну Алай<sup>20</sup>. «Мысль о посещении

этого пространства, так называемого Памира, преследовала меня с самого приезда в Туркестан в 1869 году; по мере ознакомления с условиями страны, строением среднеазиатских нагорий для меня уяснилось ее практическое значение. Путешествие в Кокандское ханство обещало значительно приблизить к этой задаче»<sup>21</sup>. От Коканда отряд А. П. Федченко двинулся на восток. В истоках реки Исфары 13 июня экспедиция ступила на ранее неизвестный ледник, который после обследования и нанесения на карту был назван в честь Г. Е. Щуровского. О. А. Федченко запечатлела его на одном из рисунков. Спустившись с ледника, направились в сторону бассейна реки Сох. Но тут взбунтовался начальник кокандского конвоя, сопровождавшего экспедицию. Он наотрез отказался идти к Соху по ледникам и перевалам, опасаясь нападений каратегинских повстанцев<sup>22</sup> и трудностей горных дорог. Пришлось двигаться в обход. Наконец взгляду путешественников предстал блистающий снегами грандиозный хребет, служивший «северной границей Памирской выси». Федченко по праву первооткрывателя назвал хребет Заалайским, а одну из высочайших его вершин (7134 метра над уровнем моря) — именем К. П. Кауфмана (после революции этот пик носил имя Ленина; в 2006 году в Таджикистане его переименовали в честь знаменитого философа и врача Абу Али ибн Сины). Спустились в Алайскую долину. На берегу Кызылсу<sup>23</sup> разбили лагерь. Прямо на юг от лагеря просматривалось ущелье реки Алтынидара — путь на «крышу мира». «Из всех моих путешествий Алай был наиболее близким

пунктом к тем местностям, исследование которых ведется с юга, со стороны Британской Индии: до озера Серикунля по прямой линии от Алая 240 верст. Это полоса, на которую еще не ступала нога ни русских, ни англичан»<sup>24</sup>.

В Ташкент возвратились 27 августа 1871 года и после поездки в Москву и в Петербург (в Москве Алексей Павлович выступал с докладами на заседаниях ОЛЕАЭ, в Санкт-Петербурге — на заседаниях Императорского Русского географического общества) продолжили работы по организации Туркестанского отдела Политехнической выставки. Ольга Александровна составила каталог, подготовила 14 рисунков и обширный гербарий. Выставка открылась в Москве 30 мая 1872 года. Туркестанский отдел, развернутый в Александровском саду, имел огромный успех. Большую часть представленных здесь экспонатов затем перенесли в только что созданный Политехнический музей.

Туркестанская экспедиция А. П. Федченко 1868—1871 годов «прогремела» на всю страну. По мнению географа и историка науки А. А. Азатьяна, «путешествие супругов Федченко ознаменовало собой новую эпоху в истории географического и естественно-исторического изучения Средней Азии. Оно коренным образом изменило прошлые представления о многих районах этой громадной и малоисследованной территории. Наука обогатилась исключительно полными коллекциями по всем отраслям естествознания, являющимися и поныне золотым фондом наших научных учреждений»<sup>25</sup>.

В сентябре 1872 года А. П. и О. А. Федченко выехали во Францию, а затем

обосновались в Лейпциге, где давний знакомый Алексея Павловича зоолог Рудольф Лейкарт любезно предложил им для занятий свой кабинет. Тут 27 декабря у супругов родился сын Борис (впоследствии он стал крупным советским геоботаником, профессором; умер в блокадном Ленинграде). Лето провели в Гейдельберге и Люцерне. А. П. Федченко не покидала мысль о новых памирских походах — следовало подготовиться к предстоящим восхождениям на покрытый вечными снегами Заалайский хребет.

31 августа 1873 года Алексей Павлович прибыл в деревню Шамони, приютившуюся у подножия Монблана. Тут он намеревался познакомиться с альпийскими глетчерами (ледниками) и провести ряд тренировок. 2 сентября утром Федченко с двумя проводниками вышел на ледник Коль-де-Жеань. В два часа пополудни они были уже близко от перевала, как вдруг погода изменилась: поднялся сильный ветер, повалил снег. Алексей Павлович почувствовал себя плохо, ноги отказывались идти. Повернули назад. Федченко так ослабел, что проводникам приходилось его нести. Выбившись из сил, в девять часов вечера они остановились. Стерегли русского до двух ночи, но, видя, что тот умирает, решили его оставить, чтобы самим не подвергнуться той же участи. Когда снизу пришла помощь, Федченко был уже мертв. Ему исполнилось всего 29 лет.

Возвратившись в Россию, Ольга Александровна в память мужа продолжила работу по публикациям трудов экспедиции. 9 октября 1873 года она писала А. П. Богданову: «Никто лучше меня не знает, какую страшную, ничем не заменимую потерю понесла наука в лице Алексея Пав-

ловича. Почти все результаты если не очень многолетней, зато слишком многотрудной деятельности он унес с собой в могилу. Теперь остается одно: сделать то, что можно, из начатого им, издать «Путешествие в Туркестан» настолько полно, насколько только можно без него».

Издание трудов экспедиции затруднялось из-за отсутствия средств и растянулось почти на 20 лет. Всего вышло более 20 выпусков; в написании статей приняли участие практически все ведущие ученые страны.

Среди многочисленных научных заслуг А. П. Федченко на первом месте по праву стоит открытие Памира. Ученый опроверг карту Александра Гумбольдта: Болор<sup>26</sup> европейского ученого не пересекал ни Алайский, ни открытый Федченко Заалайский хребет. Монументальное, но «гадательное горное сооружение Гумбольдта», которое тот «построил» на основе од-

них лишь умозаключений, за 15 лет (1856–1871) было стерто с карты благодаря проникновению в заоблачные выси Памира русских экспедиций П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Н. Северцева и А. П. Федченко. Без преувеличения можно сказать, что трагическая гибель Алексея Павловича на 50–60 лет затормозила дальнейшую разгадку многих географических тайн «Памирской выси». Еще в 1968 году академик А. В. Пейве отмечал, что «до начала 20-х годов нашего (XX. — Н. В.) века огромная территория Средней Азии не только в геологическом, но и в географическом отношении представляла собой, в сущности говоря, белое пятно»<sup>27</sup>. Лишь с конца 1920-х Академия наук СССР продолжила планомерное изучение этого региона...

Но вернемся к нашему рассказу. Через пять лет после гибели А. П. Федченко его университетский товарищ



*Ольга Александровна с сыном Борисом Алексеевичем на крыльце дома в Ольгино. Фотография 1900-х годов*

и спутник по памирским экспедициям В. Ф. Ошанин поднялся на безымянный ледник в долине реки Муксу и назвал его в честь Алексея Павловича. Ольга Александровна между тем растила сына и продолжала дело мужа. Она много времени проводила в Зоологическом музее университета и Политехническом музее, обрабатывая коллекции и на долгие годы заняв в московских научных кругах неофициальное место главного специалиста-консультанта по Туркестану. 17 октября 1874 года Императорское Московское общество испытателей природы избрало ее своим членом-корреспондентом (с 1891 года она — действительный член Общества). Месяцем позже последовало избрание в состав совета ОЛАЕЭ. В 1877 году Ольга Александровна стала и членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. Нужно отметить еще два членства О. А. Федченко: Императорская Академия наук (член-корреспондент по биологическому разряду Физико-математического отделения с 1906 года) и Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад (почетный член с 1912 года). Имела Ольга Александровна дипломы и награды также и от зарубежных научных обществ.

В 1900 году О. А. Федченко вместе с сыном Борисом Алексеевичем — уже авторитетным ученым — переехала из Москвы в Санкт-Петербург — поближе к туркестанским коллекциям Императорского Ботанического сада, начало коллекциям которого когда-то положили ее собственные сборы.

После Туркестана Ольга Александровна побывала в других горных районах Российской империи —



*Дом семьи Федченко в Ольгино*

на Южном Урале, в Крыму, на Кавказе. В 1901 году она наконец-то осуществила свою заветную мечту и отправилась в экспедицию на Памир. 52 дня практически не слезала с лошади, питалась одними сухарями с чаем. Результатом стал капитальный труд «Флора Памира»<sup>28</sup>. В дальнейшем Ольга Александровна еще не раз возвращалась в край своей молодости — в Туркестан. Последний раз посетила его в возрасте 70 лет. Собранный ею за все годы туркестанских странствий гербарий среднеазиатской флоры получил

всемирное признание; до сих пор ему нет равных.

В последние годы жизни здоровье Ольги Александровны резко ухудшилось. Несмотря на подступающую слепоту и социально-политические потрясения 1916–1921 годов, она продолжала работать. Переживая за судьбу своего Акклиматизационного сада, оставалась в Ольгино, хотя кругом уже горели и разорялись усадьбы. Только в начале 1920 года Борису Алексеевичу удалось уговорить мать переехать в Петроград.

О. А. Федченко вошла в историю отечественного



*Уголок в ботаническом саду в Ольгино*

садоводства как крупнейший интродуктор редких и экзотических среднеазиатских и других теплолюбивых растений<sup>29</sup>. Она вела большую пропагандистскую работу по введению южных экзотов в практику отечественного озеленения и декоративного цветоводства, добившись на этом поприще таких успехов, каким могут позавидовать даже современные специалисты. Ее перу принадлежат десятки опубликованных в 1900–1910-х годах статей на садоводческие темы в журналах «Любитель природы», «Вестник Императорского российского общества садоводства», «Прогрессивное садоводство

и огородничество», «Сад и огород» и других. После ее смерти выдающийся ботаник и организатор науки академик В. Л. Комаров писал в некрологе: «Работам О. А. Федченко свойственны простота, ясность и методическая точность сообщаемых фактов. Каждое ее указание всегда тщательно проверено, критически обдуманно и является твердой базой для дальнейшей работы. <...> В Ольге Александровне мы чтим не только ученого, но и одну из тех славных русских женщин, которые прокладывали новые пути, выходя из сферы домашних интересов на широкую дорогу общественно-го служения, и вместе с тем

работали над созданием той идейной самоотверженной русской интеллигенции, которую по справедливости гордится наша страна»<sup>30</sup>

*Иллюстрации  
(кроме оговоренных)  
взяты из книг:*

Юсов Б. В. А. П. Федченко  
(М., 1953);  
Федченко А. П. Путешествие  
в Туркестан. (М., 1950);  
Валькова О. А. Ольга  
Александровна Федченко.  
(М., 2006);  
альбома «Виды Русского  
Туркестана по рисункам  
с натуры Ольги  
Александровны Федченко»  
и журнала «Естествознание  
и география» (№ 7–8. 1915 г.).

<sup>1</sup>Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 3. М., 1867. С. 14.

<sup>2</sup>ЦИАМ. Ф. 418, оп. 14, д. 159, л. 5.

<sup>3</sup>Там же. Оп. 16, д. 42, л. 1.

<sup>4</sup>Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А—И. М., 1914. С. 61; Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852. С. 611.

<sup>5</sup>Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ). Ф. 1, оп. 15, д. 41, л. 3–4.

<sup>6</sup>Известия Общества любителей естествознания... Т. 5. М., 1869. С. 38.

<sup>7</sup>ЦГА РУ. Ф. 1, оп. 15, д. 41, л. 16–17.

<sup>8</sup>Там же. Ф. 11, д. 433, л. 3. Искандеркуль — горное озеро в Таджикистане.

<sup>9</sup>Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 47.

<sup>10</sup>Там же.

<sup>11</sup>Там же. С. 85.

<sup>12</sup>Известия Общества любителей естествознания... Т. 8. М., 1871. С. 18.

<sup>13</sup>Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг. Т. 1. Ч. 1. Пг., 1915. С. 326–327, 337.

<sup>14</sup>Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895 гг. Ч. 2. СПб., 1896. С. 739.

<sup>15</sup>А. П. Федченко. Сборник документов. Ташкент, 1956. С. 34–35.

<sup>16</sup>Богданов А. П. Материалы для истории и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям дисциплин, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. С. 26.

<sup>17</sup>ЦГА РУ. Ф. 1, оп. 15, д. 73, л. 22–27.

<sup>18</sup>Федченко А. П. Указ. соч. С. 148.

<sup>19</sup>Горная область в средней части Ирана.

<sup>20</sup>Памиро-Алтай — высокогорная область, расположенная к югу от Ферганской долины.

<sup>21</sup>Федченко А. П. Указ. соч. С. 187–188.

<sup>22</sup>Каратегин — историческая область в Таджикистане, в XIX веке составлявшая особое бекство Бухарского ханства. В описываемый период весь этот регион был охвачен междуусобицами.

<sup>23</sup>Правый приток реки Пяндж.

<sup>24</sup>Федченко А. П. Указ. соч. С. 376.

<sup>25</sup>Азатьян А. А. Федченко как исследователь Средней Азии // А. П. Федченко. Сборник документов. С. 18.

<sup>26</sup>А. Гумбольдт писал о Памире как о высокогорной области, пересеченной меридиональным хребтом Болор.

<sup>27</sup>Природа. 1968. № 8. С. 96.

<sup>28</sup>Федченко О. А. Флора Памира. Собственные исследования 1901 года и свод предыдущих. СПб., 1903.

<sup>29</sup>Некрасова В. Уголок Туркестана в Московской губернии // Естествознание и география. 1915. № 7–8. С. 1–7.

<sup>30</sup>Комаров В. Л. Ольга Александровна Федченко. Некролог // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. 15. 1921. С. 248.

*Ксения Андреевна Кропотова*

## Москва в акварелях Дмитрия Родзина

О живописи этого московского художника

Москву сложно разглядеть. За рекламой и вывесками, стеклянными фасадами новоделов и строительными заборами, шумом и суетой теряется своеобразный, неповторимый город. Чтобы увидеть Москву, ее очарование и ускользающую на глазах самобытность, нужно попробовать остановиться на бегу и оглядеться вокруг.

Художник Дмитрий Родзин нашел свою Москву. Его Москва — это не город с конфетных коробок и стандартных наборов открыток. Городом, который открыл для себя Дмитрий, хочется любоваться, им можно гордиться, и его необходимо сохранять.

Дмитрий Геннадьевич Родзин родился в Краснодаре в 1969 году. Некоторое время его семья жила на Сахалине, в Углегорске. Там Дмитрий пошел в художественную школу, которую основал и возглавил его отец Геннадий Алексеевич. Через несколько лет семья вернулась в Краснодар, где Дмитрий продолжил обучение в здешней художественной школе, а затем и в Краснодарском художественном училище.

После окончания училища и службы в армии Дмитрий приехал в Москву и поступил в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества. На четвертом курсе в академии происходит распределение студентов по мас-



терским — Дмитрий выбрал для себя мастерскую исторической живописи и в 1997 году защитил дипломную работу «Изгнание торгующих из храма» — большое полотно, созданное в лучших академических традициях (эта картина была помещена на обложке первого номера «Московского журнала» за 2000 год. — *Ред.*).

Сейчас Дмитрий Родзин живет и работает в Москве. Он не замыкается в рамках одного жанра или одной техники — пишет портреты, натюрморты, пей-

зажи, жанровые и исторические композиции, занимается росписью интерьеров. Его работы хранятся в музее РАЖВиЗ и во многих частных собраниях по всему миру. Персональная выставка художника состоялась в 2002 году в филиале ГЦТМ имени А. А. Бахрушина.

В последние годы Дмитрий Геннадьевич особенно много времени уделяет акварельной живописи. В этой технике он пишет портреты и натюрморты, природу и городские пейзажи. С 2005 года работает над циклом акварелей «Московский акын».

Москва в работах Дмитрия Родзина — это живой уютный красивый город, в котором памятники различных эпох хорошо уживаются вместе, а известные сооружения предстают в самых неожиданных ракурсах.

## КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ



*Зимний Арбат. 2006 год*



*Памятник Чайковскому. 2006 год*



*Храм  
святителя  
Николая  
на Щепках.  
2006 год*



*Добрый  
Нансен.  
2006 год*



*Тучи над Кремлем. 2006 год*



## КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ



*Дом Апраксина. 2005 год*



*Черниговский переулоч. 2005 год*



*Вид на Славянскую площадь. 2006 год*

ISSN 0868-7110

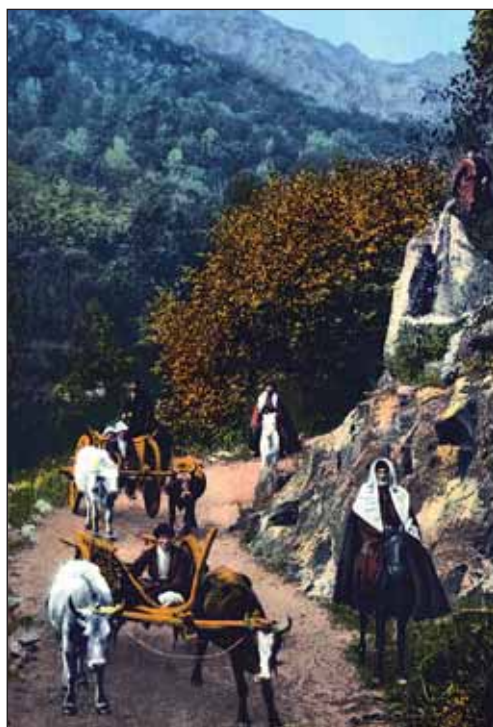


9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Иван Сергеевич  
Тургенев  
и отмена  
крепостного права  
в России**



**Кавказ  
на почтовых открытках  
конца XIX —  
начала XX века**